

МОЛИТВА СТРАСТОТЕРПЦУ ЕВГЕНИЮ, ПРАВЕДНОМУ ВРАЧУ

Овсеславный спраспоперче, достохвалный
угодник Христов, Церкви Православия побор-
ник, новомученик и целитель святой Евгение!
Преклонивше колена молим тя: призри на ны, грешных,
к заступлению пвоему прибегающих, услыши сие ма-
лое моление наше и теплым пвоим предстапельством
умоли Всемилосердного Бога, Ему же ныне предстоиши
со Ангелы и всеми святыми, да сохрани нас в едине-
нии Православия Церкви и утверди в сердцах наших
живый дух правия веры и благочестия, и избави нас
от всякого искушения и прелести бесовския. По вели-
цей любви пвоей, еуже ближия пвоя возлюбил еси, ис-
проси у всещедрого Бога Отчеству нашему, мир и бла-
гоустроение; всем же нам, недостойным, усердно к тебе
прибегающим, богоугодное и безмятежное житие и до-
брую христианскую кончину, пайн Божиих причастную.
О святой заступник наш, не остави нас, слабых и без-
помощных, молися за ны ко Господу и Спасу нашему Иису-
су Христу, да дарует Он, Всещедрый и Премилосердный
Господь наш, вся, яже к пользе временней и вечней полез-
ная и потребная; да не воздаст нам по делом нашим, но
по неизреченному человеколюбию Своему прости нам
грехи и согрешения наша, да избави ны от всякия нуж-
ды и печали, скорби и болезни; да ниспошлет нам благое
намерение и силу подвизатися во исправлении жития
нашего и в будущем веке да сподобит нас внити в Цар-
ствие Небесное и славити купно с побой Всесвятое
имя Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Духовный Собеседникъ

2018 №4 (96)

Председатель
редакционного совета
Высокопреосвященнейший Сергей,
митрополит Самарский и Тольяттинский

Редакционный совет:
Епископ Никифор (Хотеев)
Епископ Софроний (Баландин)
Епископ Фома (Мосолов)
Архимандрит Георгий (Шестун) – гл. редактор
Протоиерей Николай Манихин
Протоиерей Николай Агафонов
Архимандрит Вениамин (Лабутин)
Протоиерей Олег Агапов
Протоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Игорь Макаров
Протоиерей Дмитрий Лескин
Протоиерей Александр Урывский
Протоиерей Рустик Гузь – секретарь ред. совета
Протоиерей Алексей Подмарицын
Д. В. Сивиркин
Монахиня София (Бельчикова)
Ю. В. Изъятский

Над номером работали:
Монахиня Феофания (Купер) – ответственный секретарь
Мария Винникова – редактор
Анна Коваленко – редактор
Евгения Летучая – набор
Александр Филимонов – верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-18-99.

Эл. почта: redaktor@духовныйсобеседник.рф

Электронная версия «ДС» в Интернете: духовныйсобеседник.рф

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

**МОЛИТВА СТРАСТОТЕРПЦУ ЕВГЕНИЮ,
ПРАВЕДНОМУ ВРАЧУ** 1

ГЛАГОЛЫ ЖИЗНИ

Епископ Пепр (Екатериновский)
О важности смирения..... 4

Трибуна русской мысли

Александр Панарин
«Большие идеи» в российской политике 6

Историческая память

Что говорит Иван Солоневич 26
Дмитрий Володихин
Зачем они убили русского Царя?..... 60

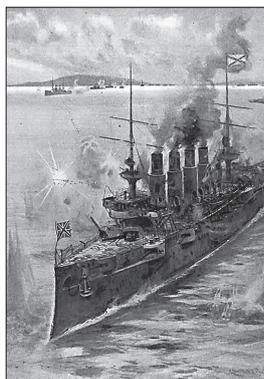

Возвращение образа

Александр Чучалин
О святых русских врачах 64
«Служить больному
или об искусстве врачевания»..... 72

Свет православия

Андрей Поповкин
«Бог не в силе, а в правде» 88

Жизнь во Христе

Св. Евгений Бопкин
«Верую, верностью, трудом» 92
Письмо брату А. С. Боткину 97
«Ангелы вы мои! Я всегда с вами» 103
Из книги «Свет и тени
русско-японской войны 1904 – 1905 годов» 112

О ВАЖНОСТИ СМИРЕНИЯ

Смирение очень важно, даже необходимо для исполнения наших обязанностей по отношению к Богу, себе и ближним. Смирение служит основанием главных добродетелей: веры, надежды и любви.

Кто сознает недостаточность, ограниченность, удобопогрешительность своего разума, который под влиянием страстей и расстроенного воображения, омрачаясь, часто ошибается в суждении даже и о земных предметах, подлежащих опыту, а в познании высших, небесных предметов и вовсе близорук и даже слеп бывает, тот, не полагаясь на свой разум и опасаясь заблуждения, просит просвещения от Бога, с полным доверием принимая то учение, которое сообщено от Бога и заключено в Священном Писании. Словом, предается вере в Бога – источника света истины, который не может ни обманываться, ни обманывать. Кто искренно сознает в себе одну пустоту, нищету, слабость сил в приобретении благ, каких жаждет его сердце, тот не может не обратиться к Богу – источнику всех благ. Кто сознает слабость своей воли в делании добра, бессилие в сопротивлении злу, частое порабощение страстям, тот никаких успехов в добродетелях не приписывает себе, но помощи Божией, чаще и усерднее молясь о даровании ему благодатной помощи. Ни в чем не полагаясь на свои силы и ничего не ожидая от себя, тем совершеннее он полагается на Бога, от Него одного ожидая добра, часто на опыте удостоверяется в благости и помощи Божией, и тем достовернее возлагает во всем надежду на Бога и в этой надежде успокаивается. Чем яснее кто усматривает, с одной стороны, свои слабости, недостатки, греховность, виновность перед Богом, а с другой стороны, совершенства Божии – святость, милосердие, человеколюбие, долготерпение, по которым Бог не только щадит нас, не наказывая по всей строгости за грехи, но оказывает ежедневно разные благодеяния, – тот тем более ценит незаслуженный дар благодати Божией, удивляется Его милости и благоговеет пред Ним, тем сильнее побуждаясь к благодарности и любви к Богу в ответ на Его любовь и милость, тем с большей преданностью повинуется Его воле, усерднее исполняет Его заповеди, тщательней остерегается, как бы чем не оскорбить своего любящего благодетельного Отца. Исполнение обязанностей по отношению к нам самим также основывается на смирении. Когда мы сознаем свою духовную нищету, слабость, греховную нечистоту, то ясно видим, как еще далеко мы отстоим от той высоты совершенства, какой требует от нас Евангельское учение (см. Мф. 5, 48; 1 Пет. 1, 15 – 16), так возникает желание исправить себя, воспламеняется ревность к большему

Печатается по: *Петр (Екатериновский), еп. М.: Сибирская благовозвница, 2008. С. 223 – 228.*

преуспеянию. Чем яснее кто сознает свое бессилие, чем глубже чувствует нужду в содействии благодати Божией, тем большее имеет стремление к постоянной, усердной молитве к Богу о ниспослании ему помощи, и тем больше воспринимает от Него благодатных сил и успеваает в добродетелях. Ибо только сознание своей немощи и молитва приближают к нам помощь Божию, открывают вход благодати в душу и вселяют в нас силу Христову, ею же только и возможно совершать все доброе (см. 2 Кор. 12, 9; 4, 7; Флп. 4, 13). Кто сознает недалёковидность, удобопогрешительность своего разума, омрачаемого страстями, слабость своей воли в делании добра, удобопреклонность ко злу, растленность сердца, увлекающегося греховными удовольствиями, тот тем решительнее вступает на подвиг самоотвержения, а это единственный путь для выхода из области сатаны на путь евангельский, ведущий к Царству Небесному. Смиранный ни в чем не полагается на себя, не доверяет своему разуму, отвергается своей воли, но охотно предается послушанию и руководству людей более разумных и опытных в духовной жизни, воздерживается даже и от позволенных удовольствий, которые при неумеренности могут породять и питать какую-нибудь страсть в сердце и расслаблять душу; становится бдительнее в уклонении от поводов ко грехам, в препобеждении греховных искушений, в преодолении всех трудностей на пути добродетели; не высокоумудрствует, но руководствуется смиренным разумением, не дерзает постигать глубокие тайны веры, превышающие разум; не берется прежде времени за высокие подвиги, превышающие его силы, но неослабно старается исполнять по силам заповеданное; считая себя недостойным награды: высших благодатных дарований, сердечных услаждений, – не домогается их, тем избегая самообольщения, сей прелести бесовской, благодушно переносит сухость сердечных чувств и томление духа, не оставляя усердия в исполнении своих обязанностей и духовных подвигов, – оттого и добродетели его бывают чище, тверже, угоднее Богу. Питая в себе чувство своего греховного недостойнства, смиренный не ищет себе никаких отличий, почестей, славы, наград, выгод или даров земных; в счастии не возносится, считая его незаслуженным даром Божиим, не предается расслабляющей душу безпечности, а несчастья переносит благодушнее, сознавая, что терпит их за свои грехи, заслуживая еще большее наказание, считает их уплатой долга перед Богом, средством к очищению грехов, врачевством душевных недугов – страстей – и даже лобызает наказывающую десницу Божию в той уверенности, что *Господь, кого любит, того наказывает* скорбями (Евр. 12, 6) для того, чтобы, очистив ими от грехов, приготовить ему вечную милость. Таким образом, и среди несчастий смиренный не малодушествует, не унывает, ни на кого не ропщет и не теряет спокойствие духа, предаваясь во всем воле Божией.

«БОЛЬШИЕ ИДЕИ» В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

*Судьба каждой истины сначала быть
осмеянной, а потом уже признанной.*

А. Швейцер

Сегодня все политические силы России включились в погоню за «Большой государственной идеей». С одной стороны, в этом находит свое выражение реакция общества на цинизм и бездуховность политиков, пренебрегающих не только национальной традицией, но и всякими идеалами вообще. С другой – растерянность правящей элиты, проявившей полную неспособность внятно сформулировать ответ на основной вопрос государственной политики: в чем состоят национальные интересы России и какой стратегии требует их защита внутри страны и на мировой арене.

Следует с самого начала развеять одно недоразумение, связанное с привычкой власти «заказывать идеологию». Идеологии не рождаются в кабинетах, они – продукт «плазменных» энергий человеческого духа, пробуждающегося в ответ на грозные вызовы истории. «Большая идея» – это всегда ответ осажденного роковыми силами, но не сломленного субъекта, сохранившего ориентацию на идеал. Она появляется тогда, когда наличные материальные ресурсы иссякли и люди ищут опору в ресурсах духовных – там, где действительно заключен источник всех чудес и парадоксов человеческой истории.

Власть предрежащие – заказчики на «Большую идею» – не подозревают, с какими энергиями им в самом деле предстоит столкнуться. «Большая идея» – это ответ человеческого духа на условия и обстоятельства, оскорбляющие наши чувства высшей правды и высшей

Панарин А. С. (26.12.1940 – 25.09.2003) – русский философ, критик глобализма. Окончил философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и аспирантуру, достиг значительных высот в научной сфере: доктор исторических наук, заведующий отделением теоретической политологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, директор Центра философских исследований Института философии РАН, действительный член 5 академий, в том числе Нью-Йоркской Академии Наук.

А. С. Панарин написал более 250 научных работ, в т.ч. 18 крупных монографий и книг. Наиболее значимые из них: «Политология», «Глобальное политическое прогнозирование», «Православная цивилизация в глобальном мире», «Агенты глобализма» (позднее эта работа целиком вошла в книгу «Искушение глобализмом», за которую учёный удостоился Солженицынской премии) и, наконец, «Стратегическая нестабильность в XXI веке».

Печатается по: *Панарин А. С. Политология. М.: Прспект, 1997.*

справедливости. Отсюда нам и открываются будущие стороны «Большой идеи».

Сегодня номенклатурно-мафиозная приватизация вконец обездолила народ и породила устрашающую социальную поляризацию, пожалуй, не имеющую прецедентов во всей новейшей истории. Она бросает невиданный вызов нашему чувству социальной справедливости. Поэтому одной из слагаемых «Большой идеи», способной пробудить массовую энергию и сформировать яркие политические характеры, является новая идея социальной справедливости. С одной сторо-

Александр Панарин

ны, она будет связана с традиционным принципом социальной защищенности слабых и обездоленных, с другой – с демократическими принципами «честной игры» – настоящей соревновательности в различных областях деятельности, и в первую очередь в хозяйственной, беззастенчиво монополизированной вчерашней номенклатурой.

Вторым слагаемым грядущей «Большой идеи» будет, несомненно, реакция на предельную нравственную распущенность, всячески поощряемую силами современного нигилизма. Эти силы сегодня представляют не столько «эстетику нигилизма», явленную нам в свое время футуристическим авангардом начала XX в., сколько прагматику нигилизма, насаждающую вседозволенность в своих корыстных целях – для того, чтобы вконец обезоружить общество перед беззастенчивыми растлителями, расхитителями и погромщиками. Поэтому весьма вероятно (опыт неоконсервативной волны на Западе, в частности, об этом свидетельствует), что ответом на волну нигилизма станет социокультурный консерватизм – своего рода фундаменталистская реакция «морального большинства», опирающегося на традицию и религию.

Учтем, наконец, что со времен смуты XV – XVI вв. российское общество еще никогда не сталкивалось с таким разгулом компрадорских сил, торгующих национальными интересами. Они с небывалой откровенностью бросают вызов нашему патриотическому чувству. Поэтому

третьей составляющей российской «Большой идеи», несомненно, будет высокий патриотизм, без которого сегодня Россию не отстоять.

Все эти идеи отвечают на насущные национальные запросы России. Этого, пожалуй, было бы довольно, если бы наша страна представляла обычное национальное государство. Но она представляет собой еще и самобытный культурно-исторический тип, или особую евразийскую цивилизацию, вобравшую и творчески синтезировавшую импульсы Севера и Юга, Востока и Запада. Всякая великая цивилизация формулирует (в религиозной или пострелигиозной форме) свою «Большую идею», которую она предлагает человечеству. Так складывается разнообразие принципов жизнестроения, без которого человечество не имело бы в запасе необходимого ему набора альтернатив.

Важно понять, что цивилизация – это не только великое культурное наследие. Наследие становится великим тогда, когда «конвертируется» в проект будущего, чаемый миллионами. Сегодня в мире решается вопрос, касающийся характера постиндустриальной эпохи. Станет ли она простым продолжением индустриальной (только на более рафинированной технологической основе) или ознаменуется поворотом гуманитарного типа, касающегося не столько средств производства, сколько самих наших ценностей, смыслов жизни, приоритетов и идеалов?

Запад в целом стоит за первый вариант: постиндустриальное общество как цивилизация высоких технологий, обслуживающих все возрастающие потребительские притязания. В последнее время появилась, правда, многозначительная оговорка относительно того, что ресурсов планеты не хватит для превращения западного образа жизни в универсальный, общепланетарный. Отсюда вытекает дилемма, касающаяся путей преобразования самой структуры современного мира. Либо мир должен быть преобразован геополитически так, чтобы незападное большинство беспрепятственно предложило свои ресурсы Западу и позволило тем самым продлить существование этой потребительской цивилизации до того времени, пока она изобретет новый, более справедливый проект для всего человечества. Именно в этом геополитическом ключе может быть понят современный переход от биполярного мира к моноцентристскому, управляемому одной сверхдержавой.

Либо миру предстоит тотальное преобразование ценностного типа, включая новые принципы жизнестроения, открывающие долгосрочную перспективу для всех, а не для одних только потребительских обществ Запада. Это путь духовной реформации, призванной покончить с «моралью успеха» и постепенно сформировать другую мораль,

другие принципы жизнестроения. Эти принципы иногда называют коэволюционными. Во взаимоотношениях между природой и цивилизацией они предполагают такой обмен информацией, когда не только природа отвечает на запросы цивилизации, но цивилизация корректирует свое поведение в соответствии с запросами природной среды, с императивами космической гармонии. Во взаимоотношениях между различными земными цивилизациями предполагается примерно то же самое: переход от монологизма и гегемонизма, отражающих претензии на «глобальную ответственность» лишь одной из цивилизаций, к полифонии, в рамках которой многообразие культур выступает как важный ресурс человечества, повышающий его способность отвечать на неожиданные вызовы истории.

«Большая идея» российской цивилизации непременно должна включать свой альтернативный проект постиндустриального будущего, призванный покончить с экологическим и нравственным нигилизмом техно-потребительских обществ. Следует отметить, что история всегда содержит альтернативные способы артикуляции «Больших идей». Ответ будущего на запросы настоящего не является заранее предопределенным. Он включает варианты, которые на уровне человеческой субъективности получают форму «проектов».

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ «ГРЕКО-ПРАВОСЛАВНОЙ ИДЕИ»

Вопрос о судьбах греко-православной идеи упирается в другой: о характере нашей посттрадиционалистской эпохи. Поражает достоверность диаметрально противоположных исторических интуиций: одни убедительно свидетельствуют о пресно-позитивистском, безбожно прагматическом настрое, о господстве языческой «морали успеха». Другие – об отчаянии людей, пресытившихся потребительской моралью и ждущих новых духовных откровений.

Создается впечатление, что техническая цивилизация снабжает нас возрастающей физической энергией, в то же время лишая духовной. Но когда источники духовной энергии иссякают, наступает деградация и опустошение, «порча» человека в современном мире. Человек – религиозное существо, черпающее свою энергию в тех таинственных глубинах духа, где создаются новые ценности и открываются новые смыслы. Смещение центров мирового развития происходит по законам духовной энергетики: из мест, где все сильнее ощущается духовный вакуум, в места нового духовного напряжения, к источникам массового вдохновения и воодушевления.

Россия в конце XX в. произвела над собой новый колоссальный эксперимент: она попыталась мигрировать из «евразийского» пространства в западноевропейское в поисках благополучия и процветания. Со времени провозглашенного «возвращения в европейский дом» прошло не более десяти лет, а подводить итоги уже приходится: возвращение не состоялось. С одной стороны, оно не состоялось по причинам внешним: хозяева европейского дома Россию в этот дом не пустили и в обещанном «стратегическом партнерстве» ей отказали. А ведь ради этого она разоружилась материально и духовно, отвергла своих традиционных союзников в дальнем зарубежье, отпустила на Запад или на Восток прежних своих «домочадцев» из сегодняшнего «ближнего зарубежья».

С другой стороны, не состоялось это возвращение по причинам внутренним. По мере того как росла настойчивость ее очередных перевоспитателей на европейский лад, обнаруживалось все более сильное давление таинственных стихий, сопротивляющихся проектам «вестернизации».

Можно прямо сказать: в любых областях общественной жизни – от экономики до политики, культуры, воспитания и образования – обнаруживались странные эффекты бумеранга: вместо созидания получалось разрушение и опустошение. Очередная западническая фаза политико-исторического развития России невиданно быстро подошла к своему концу, не дав при этом, в отличие от прежних попыток, ни одного сколько-нибудь яркого государственного характера или творческого гения. Вестернизация обернулась преждевременным декадансом: разгулом самых низменных страстей, которых некому сдержать и урезонить, с одной стороны, и параличом созидательной воли (в том числе, на государственном уровне), с другой.

Сегодня Россия стоит на перепутье: упорствовать ли ей и дальше в своих попытках достучаться в «европейский дом» или круто повернуть в противоположную сторону, на Восток. Соответствующий раскол среди элиты сегодня уже явно наметился. Сегодня Восток соблазняет не только экзотикой и духовной таинственностью. Есть еще и динамичный Дальний, тихоокеанский Восток, обгоняющий Запад по его же, Запада, критериям: темпам экономического и научно-технического роста, уровню жизни, рациональной организации.

В XX в. похищение России из Европы однажды уже состоялось: его произвели большевики.

Еще одна «вестернизация» России может быть осуществлена под влиянием разительных поражений западнического курса наших радикал-либералов, старательных адептов американского опыта. Соответствующая реакция со стороны новых националистов и ностальгических

державников, питающихся энергетикой оскорбленного патриотического чувства, уже оказывает несомненное влияние на перераспределение политических сил в современной России.

Здесь можно поставить вопрос: можно ли еще спасти в России «европейскую идею» и каким образом? Можно ли создать воодушевляющий образ другого европеизма, альтернативного атлантической идее, соблазвившей, а затем деморализовавшей и дезориентировавшей Россию? В поисках ответа на этот вопрос следует обратиться к греко-православной идее. Возможно ли русскому человеку, не без оснований разочарованному в проекте вестернизации, все же остаться «западником», но православным «западником»? Это связано с другим вопросом: сохранилась ли в таинственных недрах современной культуры память о втором Риме, о Византии – не та архивная память, что воодушевляет одних только историков и филологов-библиофилов, а память творческая, способная и сегодня быть источником воодушевляющих альтернатив романо-германским принципам жизнестроения. Поиски таких альтернатив сегодня активно ведутся в мире. Романо-германский Запад, сформировавший фаустовскую культуру и «прометея человека» – покорителя природы, поверг мир в пучину глобального экологического кризиса, из которого пока не видно выхода. Отсюда – поиски новой постиндустриальной, посттехнической цивилизации, призванной заново примирить человека с природой и культурой, обеспечить неразрушающие, коэволюционные стратегии развития. Может ли греко-православное наследие стать питательной почвой глобального альтернативного проекта, или эти альтернативы вообще тщетно искать в европейском наследии как таковом?

Таким образом, современный дискурс о Византии, о греко-православном наследии может быть понят как попытка защитить европейскую идею не с позиций догматического западничества, готового всех перевоспитывать в духе вестернизации и не способного к самокритике и покаянию, а с позиций критического европеизма, осознающего тупики модернизации и готового участвовать в мировом конкурсе альтернативных проектов. Догматический европеизм породил либо бездумных эпигонов, либо активных «антизападников», вкусивших горькие плоды насильственной вестернизации. В любом случае можно говорить о сумерках Просвещения, теряющего достойных наследников. И только критический европеизм, чуткий к свидетельствам духовного и экологического банкротства технической цивилизации и готовый в поисках альтернативы к диалогу с другими мировыми культурами, может считаться продолжателем Просвещения в лучших его образцах.

Сохранилась ли сегодня подлинная, нестилизованная греко-православная идентичность? И хватит ли у ее носителей творческого дерзания, достаточного для того, чтобы не подлаживаться под романогерманский мир или загораживаться от него в испуге за свою хрупкую непорочность, а вступить с ним в творческий спор о началах человеческого бытия и принципах жизнестроения?

Историческая судьба греко-православного наследия достаточно драматична. С Ближнего Востока, где соответствующая идея зародилась и нашла питательную почву, она была вытеснена мусульманским натиском. В Западной же Европе эта идея всегда была маргинальной – делом стран-неудачников, составляющих «второй эшелон» развития. Что касается России, то здесь в свое время произошла «национализация» православной идеи и присвоение ее государством, что в целом противопоставлено для мировых религий, лишая их горизонта и нравственной независимости. Для современной России проблема греко-православного наследия стоит необычайно остро по ряду причин. Во-первых, это касается судеб распавшейся восточно-славянской семьи, включающей Россию, Украину и Белоруссию. Они поспешили расстаться друг с другом, наперегонки устремившись в «европейский дом», но так и не нашли в нем приюта и признания. Все соображения прагматически ориентированного светского сознания, достигшего своей потребительской стадии, не свидетельствуют в пользу объединения. Украинцев и белорусов тамошние «западники» пугают великорусским шовинизмом и империализмом, русских – тяготами экономически невыгодного союза. Показательно, что славянский сепаратизм эксплуатирует низменные чувства, связанные с алчностью, ревностью, завистью, национальной нетерпимостью. В этих условиях оживление православной идеи могло бы перевести дискурс о славянском единстве, о плюсах и минусах воссоединения в иную плоскость, затрагивающую долговременные основания исторического бытия.

Во-вторых, греко-православная идея способствует выработке ответа на трудный вопрос, все чаще задаваемый сторонникам независимого пути России: существует ли особая российская цивилизация, на чем она основывается и чем скрепляется?

Характерно, что никакие ухищрения сциентистского подхода, упирающего на экономическую, технологическую, политическую рациональность, на императивы информационного общества, не способствуют решению этого вопроса. Цивилизационная проблематика в своих основах является духовной и требует мобилизации гуманитарного

гения, умеющего читать знаки будущего в культурном наследии и прежде всего в сакральных ценностях, составляющих его ядро.

Устойчивость долговременным суперэтническим общностям общают религии. Для восточно-славянской общности такой религией является Православие. Но не случайно лучшие консервативные умы России, усматривающие в Православии нетленную ценность, столь настойчиво предупреждали на счет попыток этноцентричного истолкования православной идеи, объявления Православия национальным достоянием одних только русских или одних славян. Особо настойчив в этих предупреждениях К. Леонтьев. Он писал: «Этот племенной принцип, в чистоте своей губительный... для религии, для государственности и даже для эстетики»¹. «А что, как не Православие, скрепило нас с Малороссией? Остальное все у малороссов, в предании, в воспитании историческом, было иное, на Московию не похожее?»².

В-третьих, от Православия сегодня многие ждут исцеления от болезней декаданса – от нигилизма и имморализма, апатии и уныния, неумения противостоять вызовам бездуховной силы, попирающей нормы, святыни и ценности в погоне за своим «успехом». Характерный парадокс современной цивилизации состоит в переплетении безудержного прометеева активизма, унаследованного от «героического энтузиазма» ренессансной эпохи, с безграничным пессимизмом и духовной опустошенностью. Именно Запад скрестил эти крайности: преобразовательный активизм и апатию, безудержное преклонение перед будущим и безграничный страх перед ним. Западная духовная эволюция циклична: фазы просветительского энтузиазма и веры в прогресс сменяются фазами консервативно-романтической реакции и критики прогресса.

Особый интерес представляют отношения Православия и постмодернизма. Постмодернизм есть новейшее откровение Запада, предельное выражение его всеразьедающей иронии. Предшествующая эпоха ускоренной индустриализации и урбанизации породила многочисленный внутренний и внешний пролетариат – тех маргиналов, которые уже вытолкнуты из традиционного общества, но не успели по-настоящему «натурализоваться» в современном. Этим маргиналам предстоял долгий и трудный путь освоения духовных и материальных достижений цивилизации. Но на этом пути их вначале остановил Маркс, призвав поменять перспективу: не приспособливаться к «буржуазной цивилизации», а разрушить ее решительным революционным штурмом.

¹ Леонтьев К. Цветущая сложность. М., 1992. С. 234.

² Там же.

Сегодня на Западе появились «новые пролетарии» – уже не Маркса, а Фрейда (точнее, неофрейдизма). Их «бунт» представляет собой массовое проявление «эдипового комплекса» – восстания против «Отца», этого олицетворения Нормы и Авторитета. Бунт против культуры и морали получил алиби со стороны модной постмодернистской теории. Последняя утверждает, что современная культура не имеет сколько-нибудь надежных критериев для отличия нормы от патологии, прекрасного от безобразного, добра от зла, мудрости от невежества. Словом, «новых пролетариев», бунтующих не столько против институтов, сколько против внеинституциональных основ цивилизации, заложенных в культурно-религиозной памяти, призывают не стесняться. Роль постмодернизма, как и многих других феноменов культуры конца XX в., двусмысленна. Его можно понять и как самоиронию Запада, направленную против авторитарной догматики прежних «великих учений», и как тонкую стилизацию культуры homo ludens (человека играющего), и, наконец, как средство морального разоружения других культур, враждебных Западу. Во всяком случае опыт новейших вестернизаций, в частности, российской, показывает, что постмодернистская ирония может стать формой опасного кокетничанья с варварством.

Российская интеллигенция ожидала, что процесс вестернизации является «путем в цивилизацию». На деле этот процесс, сопровождающийся дискредитацией святынь и опустошением национальных пантеонов, оказался дорогой к варварству. Никогда еще волна имморализма и вседозволенности с такой силой не накрывала общество и не угрожала его духовному здоровью, как сегодня. Общество лихорадочно ищет резервы для отпора. Православие, бесспорно, является таким резервом. Но для этого предстоит осуществить гигантскую творческую работу внутри самого Православия.

НА ПУТИ К ПРАВОСЛАВНОМУ ЗАПАДНИЧЕСТВУ

Этот путь касается идентичности самого Православия. Со времен падения Византии Православие «эмигрировало» на Восток, в Москву. Его натурализация в России, сопровождаемая нещадной идеологической эксплуатацией государственной властью, постепенно создала ему репутацию не столько мировой, сколько «русской» религии. Сегодня, если Православие в самом деле желает участвовать в духовном реформировании человечества, ему необходимо вернуть экуменический, вселенский кругозор. Иными словами, необходимо реактивировать византийскую память, приглушенную после победы иосифлян над «нестяжателями». Требуется новое подтверждение великого принципа мировых религий:

независимости от любой «местной», национальной власти, свободного духовного авторитета и творчества.

В этом смысле «греческая» идентичность Православия несомненно более продуктивна, чем «русская» его идентичность, ибо в первом случае демонстрируется зависимость от одной только великой письменной традиции, но независимость от власти, во втором это становится спорным. Власть не должна путать свое земное величие с духовной гордыней. Президент Франции и добрый католик генерал де Голль не стеснялся склониться перед кардиналом Вышинским, потому что видел в нем не представителя Польши, а представителя Великой Церкви. Трудно представить себе российского президента в аналогичной позе. Сказанное здесь – не деталь, оно касается самого статуса Церкви, а в ее лице – статуса духовного, неполитического авторитета в современном мире. Российской власти и Церкви необходимо усвоить христианский парадокс: истинное духовное возвышение идет не через гордыню, а через самоуничтожение. Но это самоуничтожение не перед обладателями земных благ – в отношении их российские власть и Церковь сегодня демонстрируют неприличную искательность, – а перед символами высших истин. Идя в сторону атлантического Запада, власть и Церковь унижаются перед земной силой. Идя в сторону греческого Запада, они совершают подвиг христианского самоуничтожения.

Итак, византийская идентичность России позволяет ей осуществить высокий творческий парадокс: сохранить в антитоталитарном устремлении путь России на Запад, но не тот Запад, который олицетворяет земные соблазны и культ успеха, а тот, который со времен принятия христианства является духовной родиной России.

Как известно, сегодняшний раскол восточно-славянской семьи произошел по законам, диктуемым вестернизацией атлантического образца. Это был путь к чужому Западу, который ставил свои условия перед восточным и южным славянством. Главным из этих условий был антирусский национализм (сепаратизм). Вестернизация вела к антирусскому национализму, а национализм – к вестернизации. «Восточная» альтернатива этому курсу вряд ли будет убедительной для славян в обозримом будущем. Альтернатива возможна на другом пути: к своему, православному Западу. Славянству предстоит, подобно рассеянному по миру евреям, найти свой путь в землю обетованную, в незримый Иерусалим. И только на этом новом пути из варяг в греки может открыться перспектива реинтеграции восточного славянства.

Сегодня разговоры о реинтеграции ведутся на сциентистском языке, использующем, в основном, экономические аргументы. Они в самом

деле весомы: без восстановления единого экономического пространства невозможно остановить разрушительный в хозяйственном, профессионально-квалификационном и научно-образовательном отношении процесс деиндустриализации постсоветского пространства. А деиндустриализация ведет из «второго мира» не в «первый», как обещали отечественные «западники», а в «третий» или даже «четвертый».

Но роковые цивилизационные и геополитические сдвиги, равно как и стоящие за ними соблазны «единого потребительского общества», невозможно остановить, не совершив революции в сфере ценностей. Проблемы реинтеграции должны быть осмыслены в первую очередь как духовные, экуменические.

ВОЗМОЖНОСТИ ДУХОВНОЙ РЕИНТЕГРАЦИИ ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИХ СТРАН

Вестернизация, приведшая к нашему расколу, связана с разрушением культурной памяти, с подменой творчески продуктивного анамнезиса (припоминания себя в своей духовной подлинности) эпигонским мимезисом (подражанием западным образцам). Российскому народу требуется, напротив, чрезвычайная активизация культурной памяти. Но при этом необходимо уточнить понятия. Сегодня понятие «культурной памяти» неумолимо эксплуатируют силы этноцентризма и национализма. Поощряемая ими «реанимация памяти» ведет в варварство, к отказу от великих достижений культуры и цивилизации под предлогом их «чуждого происхождения». Необходимо исходить из понятия великой письменной традиции, связанной с мировыми религиями. Великая традиция – это способ интеграции этносов в цивилизационную общность, создающую большое пространство (общность ареала) и большое время (общность исторической судьбы). Цивилизационная теория ориентирует на «золотую середину» культуры, преодолевающую и крайность узкого национализма и противоположную крайность обезличивающего вселенского униформизма. Как писал Н. С. Трубецкой¹, «между чересчур конкретным народом и чересчур отвлеченным человечеством лежит понятие “особый мир”». Совокупность народов, населяющих хозяйственно самодовлеющее (автаркическое) месторазвитие и связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры

¹ Князь Сергей Николаевич Трубецкой (1862 – 1905) – профессор философии Московского университета, редактор журнала «Вопросы философии и психологии», первый выборный ректор Московского университета. Наиболее значительным его трудом является докторская диссертация «Учение о Логосе в его истории».

или одного и того же государства...»¹. Хотелось бы при этом уточнить, что решающим интегративным фактором, во многом предопределяющим общность исторической судьбы, является единая письменная традиция, зафиксированная в Великой книге (тексте мировой религии). Наряду с внешней необходимостью обстоятельств существует внутренняя необходимость – поведенческая канва, или гештальт-воспроизводящаяся в истории по логике великого культурного завета. Формами такого завета и являются мировые религии (или их мощные внутренние ответвления, как, например, католичество и Православие внутри христианства). Российским заветом должна стать великая греко-православная, или византийская, традиция. Только она способна удержать Россию на опасной развилке современной истории и открыть путь из «второго мира» (бывшего социалистического) во «второй Рим» («второй Запад»), минуя провал в «третий мир». «Второй Рим» означает не только путь консолидации православного славянства, которому сегодня угрожает натиск и со стороны Запада, и со стороны мусульманского Востока. Он означает также удержание того великого цивилизационного наследия, идущего от греческой античности и христианства, которое только и может обеспечить творчески самостоятельное продвижение в постиндустриальное общество – не в качестве зависимой и используемой периферии, а в качестве одного из автономных мировых центров.

Сегодня славяно-православному миру угрожает опасность двойной подмены: подмены собственной великой письменной традиции чужой, романо-германской, или подмены великой традиции малой – в духе «почвеннического» этноцентризма. О подменах вестернизации уже говорилось выше. Остановимся на проблемах другой подмены, которые хорошо иллюстрируют события на Украине.

Всем известно, что ее левобережное большинство, сосредоточенное в промышленных районах Харьковщины, Донбасса и Приднепровья, настроено «пророссийски» и в свое время проголосовало за сохранение СССР. Меньшинство, лидером которого выступает Галиция (Львовщина), напротив, снабдило официальный Киев идеологией «самостийности» и оказало решающее влияние на государственную политику.

Почему же большинство оказалось политически безъязыким и не сумело четко сформулировать свой альтернативный проект? В этом факте обнаружилась старая истина культуры, замутненная большевистской пропагандой: сегодня, как и всегда, культура ведет себя по модели,

¹ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 441.

заданной Церковью: она добивается большего влияния, если адресуется к духу, а не к желудку, к высшим ценностям, а не к одним только «материальным интересам». Промышленное большинство под влиянием культурной революции большевизма разучилось говорить на языке духовных ценностей и апеллирует преимущественно к интересам. Такие апелляции всегда менее вдохновительны и не способны обеспечить по-настоящему высокое воодушевление, мобилизовать волю и породить мощные духовные притяжения. В политике Левобережье представляют хозяйственники и «командиры производства», на Львовщине – гуманитарии, адресующиеся к ценностям, «поруганным национальным святыням». Словом, одни наследуют «культуру Церкви», тогда как другие – «культуру предприятия».

Но имеем ли мы здесь дело с подлинной Церковью или с этноцентричной ересью? Анализ становления идеологии украинского национализма показывает, что в основе его лежат попытки отсоединения Украины от России и «присоединения ее к Галиции». Националистов более всего беспокоила «досадная близость» украинцев и русских и они замыслили проект выстраивания особой украинской идентичности, направленный на разрушение общих оснований нашей культуры.

Во-первых, их мишенью стало церковное единство. Они хотели и хотят как можно дальше увести украинскую Церковь в сторону от общей религиозной традиции и сблизить ее тем или иным образом с униатской церковью. Проблема для них состоит в том, что униатская церковь служила на отражающем нашу общую великую религиозную традицию церковно-славянском языке. В свое время именно он спас галичан от окончательной колонизации. «Вот почему вожаки украинства так ненавидели и ненавидят «церковно-славянщину»¹. Поэтому-то и был замыслен отказ от великой письменной традиции, объединяющей наши народы в пользу малой, местной. Задуман был проект создания нового языка на основе простонародной речи, почти сплошь сельской. И поскольку эта малая устная традиция не располагает лексикой, способной обозначать события большого мира, то приходится сочинять язык, чем и занимаются столь активно украинские националисты. Дело доходит до того, чтобы даже Церковь перевести с великого письменного языка на местную «мову». Греко-римские и библейские имена святых заменяются обыденными простонародными кличками – Тимошь, Василь, Гнат, Горпина, Наталка, Полинорка².

¹ Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. С. 211.

² Ульянов Н. И. Указ. соч. С. 211

Галицийская программа сводится к трем пунктам:

- а) отлучить русских от славянства, объявив их монголо-финским гибридом, а государство их – татаро-азиатским;
- б) монополизировать киевское наследие, вытравив его православно-византийское ядро;
- в) приписать российской культуре сугубо этнический статус.

На последнем пункте стоит остановиться особо. Современная научная филология доказала, что русский литературный язык не является этническим языком великороссов, а воплощает великую письменную традицию, общую для русских, украинцев и белорусов. Он формировался, с одной стороны, на основе преемственности с церковно-старославянской традицией, с другой – в борьбе с «почвенническими» и этноцентричными уклонами. При этом особую роль в борьбе с этими уклонами (один из примеров – старообрядчество) сыграла мобилизация греко-византийского наследия в периоды великих церковных и светских реформ. Так, церковная реформа Никона представляла собой борьбу с народническо-«почвенническим» истолкованием Православия и его незаконной национализацией. Никон не просто исправлял «букву» церковного текста: он защищал неприкосновенность письменной традиции и ее универсализм.

Российский опыт показывает, что для защиты такого величайшего достояния, каким является великая письменная традиция (только посредством ее народ осваивает опыт большого мира – Большую географию и Большую историю), националистический темперамент является плохим подспорьем. Русские церковные реформаторы XVII в. воевали с национальной спесью и не стеснялись «унизиться» перед греческими учителями. И как характерно, что именно Киев служил посредником между Москвой и византийским наследием. Как пишет Г. Флоровский по поводу реформ Никона, «прежде всего интерес к “греческому” удовлетворялся с киевской помощью. Из Киева приглашают “учителей”, старцев монастырских...»¹.

Характерно, что этот путь «к грекам» через киевское посредничество совершает и светская российская культура. Киев на протяжении столетий хранил для всех восточных славян великую греко-православную традицию и ему же принадлежала роль ее интерпретатора в новых исторических условиях. Н. С. Трубецкой отмечает в этой связи: «Украинским бурсакам и ученым принадлежат первые попытки писать рифмованные стихи (вирши) на церковно-славянском языке, и именно

¹ Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 61.

от этих вирш в XVII и в начале XVIII века ведет свою родословную вся русская поэзия (разумеется, не простонародная)... Русская драма и комедия восходят тоже к украинским школьным интермедиям на церковно-славянском языке... Русскую литературу послепетровского периода приходится рассматривать как продолжение церковно-славянской литературы Западной Руси (главным образом Украины) XVII века: со специфически великорусской, московской литературой допетровской Руси у русской литературы XVIII века никакой связи нет. Таким образом, в своем церковно-славянском элементе русский литературный язык принадлежит украинцам даже больше, чем великорусам...»¹. Великий русский язык и литература – продукт не этнической истории русских, а совместной работы трех восточнославянских народов по сохранению и реинтерпретации классического греко-православного наследия. Народ, отлученный от этой классики, обречен на провинциализацию своей культуры, обречен жить мифами и импровизациями политизированных националистических филологов, изобретающих для него искусственный язык и стилизованную литературу. Это представляет опасность для любого народа. Но для этносов, принадлежащих славяно-православному миру, – особенно.

Дело в том, что и тюрки и романо-германцы живут под куполом своей великой письменной традиции (мусульманской или западнохристианской), которая никем не оспаривается. Ее могут не любить, но существование ее не отрицают. Напротив, греко-православная традиция сегодня является оспариваемой по существу, ее третируют как «маргинальную» или тупиковую и извне (главным образом, на Западе) и изнутри, силами «западнической» интеллигенции, как леворадикальной, так и либеральной. Перевоспитывать целый народ на чужой лад никто не рискует ни в рамках западного цивилизационного ареала, ни в рамках мусульманского, индо-буддийского или конфуцианско-буддийского (дальневосточного). Но применительно к православному славянству это считается возможным и нередко пропагандируется в качестве необходимого условия успешной модернизации. Этот культурологический расизм, отрицающий равноправие великих письменных традиций, не менее опасен, чем расизм биологический, отрицающий равноправие рас. Он должен получить отпор.

Пора понять, что существуют границы изменчивости, за которыми наступают потеря идентичности и деморализация народов. Поэтому вестернизаторы, требующие безоговорочной культурной капитуляции

¹ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 187 – 188.

от других, западных народов, на деле насаждают не цивилизацию (она не может быть целиком земной), а варварство.

Без великой письменной традиции невозможна и устойчивая государственность. Настоящая государственность никогда не вытекает из этнографических любований и апологетики «почвы». Из них вытекают только местничество и сепаратизм. Государственность базируется на том высоком отстранении от «почвы», которое необходимо для возвышения самой этой «почвы». Потенциал такого державного возвышения коренится в самой церковно-славянской основе русского литературного языка. Как пишет Н. С. Трубецкой, «благодаря органическому слиянию в русском литературном языке церковно-славянской стихии с великорусской словарь русского языка необычайно богат... целый ряд представлений допускает по-русски два словесных выражения: одно по своему происхождению церковно-славянское, другое – русское. Оба словесные выражения дифференцируются в своем значении, притом либо так, что церковно-славянское слово получает торжественный и поэтический обертон, отсутствующий у соответствующего русского (ладья: лодка, перст: палец, око: глаз, уста: рот, чело: лоб...), либо так, что церковно-славянское слово имеет переносное и более абстрактное, а русское – более конкретное значение...»¹.

Если культурный и политический, духовный настрой народа формируется, в основном, под знаком «местных» значений, вырождение неизбежно. Вообще только опора на собственную великую письменную традицию открывает возможность вступать в равноправный диалог с представителями других великих письменных традиций. Те, кто под тем или иным предлогом отлучает народ от собственной великой письменной традиции в пользу малой, местной, простонародной, готовит ему печальную участь быть ассимилированным другими или подчиниться их культурно-политической гегемонии.

АЛЬТЕРНАТИВЫ ПОРЯДКА: ДУХОВНОЕ ПОСЛУШНИЧЕСТВО ИЛИ КАЗАРМЕННОЕ ПОСЛУШАНИЕ

Недавние выборы в России² показали, что либерально-демократическая фаза в России на удивление быстро истощилась: ее потенциал был бездарно и бесовестно расхищен алчностью номенклатурно-мафиозного альянса, получившего невиданную власть. Мы подошли к той самой

¹ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 192 – 193.

² Имеются в виду президентские выборы, в результате которых во втором туре голосования 3. 07. 1996 года Ельцин Б. Н. стал президентом на следующий срок.

точке, в которой разворачиваются удивительные метаморфозы российской истории. В настоящее время мы переживаем тот роковой момент «диалектического превращения» отрицателей российской государственности в партию державности и порядка, который в свое время изумил мировую социалистическую диаспору на примере большевизма и завтра наверняка не меньше изумит мировую либеральную диаспору.

Любая партия в России рано или поздно обнаруживает, что для того, чтобы удержаться у власти, ей надо взять на вооружение государственную и даже мессианскую идею, связанную с провозглашением священного мирового призвания России. Означает ли это, что история безальтернативна и что великодержавно-имперский «гештальт» неминуемо наложит свою печать на наше ближайшее будущее?

Вероятно, это не так. Возможность избежать нового тоталитарно-имперского и «восточного» уклона России существует, она заложена в духовной природе России. Но она требует настоящего подвига покаяния и пробуждения национальной религиозной совести. Кому предстоит первым совершить этот подвиг и тем самым прервать инерцию языческо-силового начала в российской истории, развязанного атеистическо-богоборческими силами? Скорее всего, это предстоит сделать интеллигенции. Сегодня драма российской истории разворачивается в форме неслыханного напряжения двух полюсов: политической власти, которая прямо движется к тому, чтобы стать властью генеральской, принять форму военной диктатуры, – и духовной власти, которая может стать альтернативой первой только в том случае, если обретет форму возрожденного греко-православия, духовно-религиозного европеизма, обращенного к невидимой прародине – Византии.

Диктатура завтрашняя, как и диктатура вчерашняя, большевистская, будет тянуть Россию на Восток, к благоприятствующему ей ареалу. Противопоставить этому дрейфу курс в духе либерально-гедонистического «западничества», продолжающего слепо настаивать на «августовском» выборе России, – безнадежное дело. Шанс отстоять вестернизацию имеет теперь не та языческая Россия, что представлена «новыми русскими», а Россия жертвенная, ищущая духовного подвига. Следовательно, русской интеллигенции предстоит взять на себя роль клира и даже – роль нового иночества.

У интеллигенции как феномена Нового времени – две ипостаси. С одной стороны, интеллигенция осуществляет дело просвещения, несет знания, воплощает Логос в его современных, обслуживающих социальную практику формах. С другой стороны, она замещает развенчанную ею же Церковь: она неизменно становится на сторону униженных и сла-

бых, обличая сильных и наглых. Все наиболее популярные социальные доктрины (не обязательно социалистические) связаны с этим тираноборческим пафосом интеллигенции. Все виды современного историософского мифа содержат следы христианского обетования, обещают всем «нищим духом», что именно они «наследуют землю». Положение интеллигенции сегодня небывало поколеблено в России именно потому, что впервые за всю свою историю она попыталась отказаться от христианского обетования «нищим духом», впервые заявила, что униженным и потерпевшим нет алиби: они достойны своего положения.

Апологетика рынка в России приняла формы, далеко выводящие за границы научной или практическо-управленческой концепции. Рыночная доктрина обрела формы языческого развенчания прежних, христианских по своему происхождению, историософских и политических ожиданий. Она провозглашает культ сильного (социальный дарвинизм), успех любой ценой. Словом, она уже не столько антисоциалистическая, сколько антихристианская. Именно на этой почве произошел разрыв русской интеллигенции с народом, что может иметь прямо-таки катастрофические последствия для самой интеллигенции и для дела Просвещения в России.

Интеллигенции предстоит покаяние – публичный и последовательный отказ от «морали успеха» и гедонистических культов. Чтобы продолжать свое великое дело Просвещения, она должна будет придать самому Просвещению забытую византийскую, греко-православную форму. На протяжении почти тысячи лет Просвещение в России сосредоточивалось вокруг монастырей. Оно формировало не столько инструментальное знание, обращенное к внешнему миру с целью заполучения земных благ, сколько духовное зрение, обращенное к внутреннему миру человека.

Сегодня в мире в целом наблюдается неслыханная «порча человека». И эта проблема представляется гораздо более острой, чем та, что будоражит современный экологический алармизм. Точнее, экологическое загрязнение – всего лишь результат предельного духовного запущения.

Другим результатом порчи духа является порча политики и самого государства. Политическая среда в России загрязнена никак не менее, чем природная, человеческими шлаками всего мира. Маргиналы и авантюристы всех мастей, выталкиваемые из более защищенных стран, устремились сегодня в Россию и, договорившись с местным нomenclатурно-мафиозным альянсом, устраивают свои дела на беду нашего незащищенного большинства. Урезонить это пляшущее на костях язычество одной только силой, одной только «диктатурой порядка» – сомнительное дело. Сомнительное не в том, что это физически невозможно. Опыт показывает, что как только размах организованного госу-

дарственного насилия достигает определенной величины, стихийное, разлитое в обществе насилие стихает и прячется. Но выстрадавший уже Россией опыт государственного насилия многому учит. Та «тишина», которая устанавливается в результате тотальной государственной чистки, это поистине мертвая тишина, в ней нет жизни. Дилемма: «разлитое» в обществе «диффузное» насилие бесчисленных мафиозных групп или концентрированное государственное насилие – является тупиковой. И если пафос государственного строительства и державного возрождения питается одним только стремлением к дисциплине и порядку, то неототалитаризма нам не избежать.

Нам сегодня срочно требуется настоящая гражданская активность – мобилизованное гражданское общество. Но мобилизованное не столько в делах гешефта, как того требует традиция первого, романо-германского мира, а мобилизованное духовно, в соответствии с византийской традицией. Чтобы урезонить власть, имеющую столь убедительные предлоги для использования силы, для диктатуры, требуются великие и независимые духовные авторитеты – наследники священного клира.

Здесь, собственно, одно из двух: либо обществу удастся мобилизоваться духовно и подавить анархию языческой вседозволенности и попираание норм изнутри, либо его мобилизуют по-генеральски, сверху, и тогда уже только язычество государства преподаст свои уроки «разлитому» в обществе язычеству.

Приходится признать, что российская интеллигенция неверно поняла свое назначение. Она радикализовала процесс «секуляризации», доведя его до развенчания всех норм, идущих от христианской традиции, до голого культа силы и успеха. Это и был ее путь на Запад, в «первый Рим». Сегодня, чтобы в инверсионном порыве, в ходе величайшего разочарования вестернизацией не повернуть столь же круто назад, на Восток, требуется найти «альтернативный Запад» и найти его не столько вовне, сколько в собственной духовно-религиозной традиции, в культурной памяти России как наследницы Византии. Это не может быть ничем иным, как путем покаяния. Тоталитарной удушающей дисциплине хотели противопоставить предельную раскованность и гедонистическую «мораль успеха». Как оказалось, на этом пути можно только разрушать, но построить ничего нельзя.

Часть нашей интеллигенции с упоением отдалась рынку не только под влиянием банального экономического соблазна, но и соблазна методологического, со стороны марксистского базисно-надстроечного детерминизма. Дух бывшего «великого учения» по-прежнему витает над интеллигенцией, хотя и в неузнаваемо-превращенных формах. Ей

невдомек, что рыночное общество не тогда получает настоящую историческую перспективу, когда дополняется соответствующей рыночно-гешефтной «надстройкой», а, напротив, тогда, когда эта надстройка, духовная и политическая, ориентирована в духе высокого христианского парадокса, утверждающего моральное превосходство нищих духом.

Чем дальше зашел процесс секуляризации, забвения христианских основ культуры, тем труднее дается интеллигентскому сознанию этот парадокс. Но сегодня другого выхода нет. Его предстоит заново освоить и пережить как откровение. Его достоверность подтверждается и трагикомическим парадоксом российского реформационного процесса, когда «хотели как лучше, а получилось как всегда...».

Пройдя две языческие стадии: большевистскую, связанную с культом Машины («общество как единая фабрика»), и либеральную, связанную с культом Рынка, предстоит вернуться к делу, начатому представителями русского религиозно-философского ренессанса. Они чувствовали волну поднимающегося язычества – торжествующего хама, назвавшего себя то «новым человеком», то «новым русским». Они уже прозревали дилемму новейшей русской истории: либо тоталитарное укрощение стихий со стороны государственной деспотии, либо укрощение их средствами духовного просветления и покаяния. [...]

Сегодня катастрофическую порчу человека, угрожающую тотальной гибелью, может предотвратить только новый грандиозный религиозный подъем. В наибольшей мере эта порча ощущается сегодня в постсоветском пространстве. Но там, где ближе всего к своему торжеству силы зла, там, как правило, и возникает спасительная духовная реакция. Не исключено, что в нашем пространстве преодоление порчи человека произойдет путем возвращения Православию статуса действительно мировой религии – независимого от государственных властей центра духовного притяжения и водительства.

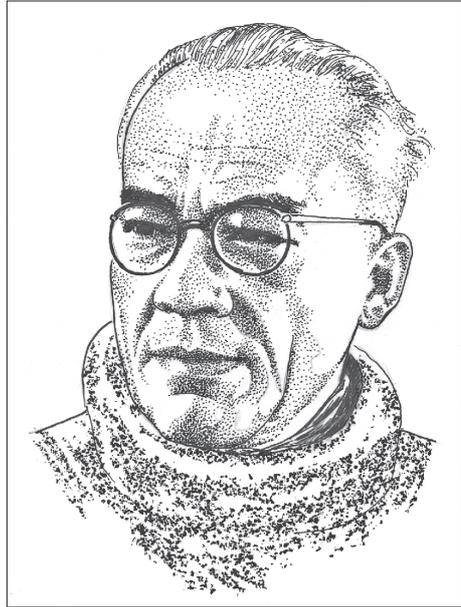
«БОРЬБА ЗА ДИКТАТУРУ СОВЕСТИ»

Иван Лукьянович Солоневич был русским монархистом, и именно поэтому он был человеком широкого кругозора, врагом всякой косности и всякого провинциализма.

Величайшая заслуга И. Л. Солоневича перед Россией, перед русским народом состоит в том, что он во всеуслышание заявил: «Монархия в России будет Монархией Народной или ее не будет вовсе». Его труд «Народная Монархия» является попыткой исследования тех форм, в которых русский национально-государственный инстинкт проявился за все века существования нации и государства.

Это попытка прояснить, что строило Россию и что будет строить ее дальше, в результате которой И. Л. Солоневич оставил четкое и недвусмысленное политическое завещание: «Благо России может быть обеспечено только Монархией».

Иван Лукьянович Солоневич (14. 11.1891 – 24. 04. 1953) родился в селе Рудники Пружанского уезда Грозненской губернии. В 1916 году окончил юридический факультет Петроградского университета, сотрудничал с Суворинным в «Новом Времени», служил в Белой армии. После революции Солоневича, крайне правого монархиста, ждали сталинские лагеря, побег, эмиграция. В Болгарии он издает газеты «Голос России» (1936 – 1938), «Наша газета» (1938 – 1940), «Родина» (1940). В 1948 году И. Л. Солоневич основывает в Аргентине газету «Наша страна», на базе которой публикуются главные труды жизни «хроникера величайшей трагедии» России, как именует себя Солоневич в связи с потрясшими его Родину событиями Февраля и Октября.

Иван Солоневич. Рисунок Э. Торре Ретисо

Репринт. изд. 1954 г. Печатается в сокращении.

**ЧТО
ГОВОРИТ
ИВАН
СОЛОНЕВИЧ**

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

НАША СТРАНА

БУЭНОС АЙРЕС — 1954

О БОЛЬШЕВИЗМЕ И О СОВЕТСКОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

Большевицкая революция, взятая в целом, есть попытка согнуть стальную пружину в бараний рог. Ежели на эту попытку посмотреть извне, то вы увидите стальную полосу, согнутую во что-то, внешним видом напоминающее выше указанную баранью принадлежность, если вы всмотритесь и вдумаетесь во внутреннюю сторону всей этой временной конструкции, то вы увидите, с одной стороны, колоссальное накопление и напряжение внутренних, так сказать, молекулярных сил и, с другой стороны — панический ужас власти перед тем неизбежным моментом, когда эта пружина разогнется. Если бы этой паники у власти не было — незачем было бы ей, на двадцатом году победоносной революции, расстреливать свои же собственные верхи. Если бы власть о накоплении этих молекулярных сил ничего не знала — то неоткуда было бы взяться и панике. ("Голос России". № 105. 1938.)

Советская власть выросла из поражения и измены, и она идет по путям измены и поражения. Она была рождена шпионами, предателями и изменниками, и она сама тонет в своем же собственном шпионаже, предательстве и измене.

На пространстве одной шестой суши земной установлен противоестественный экономический режим, нацеленный на мировую революцию. Для насильственного поддержания режима создан политический строй, основанный на угнетении, насилии, шпионаже и терроре. Для поддержания этого насильственного строя создан сколоченный из сволочи аппарат партии актива и ОГПУ. В результате всего этого страна находится в состоянии непрерывной гражданской войны.

В рядах коммунистической партии всегда боролись — борются и сейчас две тенденции. Первая — это мировая революция, и вторая — это социализм в одной стране. Победа или поражение одной из этих тенденций не мотивируются и не вызываются никакими принципиальными соображениями. Здесь спор идет только о технической возможности. Возможно или невозможно нести в мир знамена мировой коммунистической революции.

Сталин выбрал компромиссную линию — укреплять на базе крепостного труда и беспримерного обнищания массы военную мощь отечества трудящихся, и в то же время делать все, что только было технически возможно, для мировой революции.

С лозунгами мировой революции или без лозунгов мировой революции, большевистская власть в совершенно одинаковой степени является врагом русского народа. ("Наша Газета". № 30. 1939.)

Большевизм отдает себе совершенно ясный отчет в том, что его цели могут быть достигнуты только насилем. Поэтому все его внимание сосредоточено на организации аппарата насилия.

Однако агитация советской власти не ограничивается одними обещаниями — она пытается использовать, и отчасти использует, те "рабочие" инстинкты, инстинкты работы, которые живы в душе каждого русского человека, не изуродованного веками барского бездельного житья.

Использует также и боевые инстинкты этого народа. Если Сталину для защиты его власти и его территории понадобится сыграть на религиозном инстинкте народных масс, то возможно, мы увидим митрополита Сергия, благословляющего христолюбивое воинство на победу. Словом, кроме всяких словесно плакатных обещаний, советский режим, непрерывно балансируя на самых невероятных противоречиях, использует и ряд глубинных инстинктов народа.

Подсоветская жизнь окрашена в два основных цвета: личного героизма и принципиальной безвыходности. ("Наша Газета". № 45. 1939.)

О ЦАРЕ И О МОНАРХИИ

Я — монархист, — стою на почве тысяч лет реальной и прозаической русской истории.

Политики, практики, прозаики — это мы, монархисты. Ибо мы и только мы опираемся на реальное прошлое, а не на шпаргалки о будущем.

Мы, монархисты, — мы, православные люди, отдаем себе чрезвычайно ясный отчет в том, что "мир во зле лежит" и что мы сами тоже во зле лежим, что попытка построения человеческого общежития на фундаменте несуществующего в природе — есть совершеннейшая ерунда.

"Сословный уклад" в России б ы л . Или, точнее, — были его о с т а т к и . С Русской Монархией он не имеет ничего общего.

Против политического насилия над "волей народа" протестуем именно мы, монархисты. **Никогда** в истории Монархия не утверждалась путем насилия над народной волей. Противники же Монархии всегда действовали н а с и л и е м : убийствами, восстаниями, заговорами, "изменой и глупостью" во всех их многочисленных видоизменениях.

Мы, монархисты, "предрешаем" нашу грядущую политику в России, — но мы никак не собираемся "предрешать" ее грядущего политического строя...

Решать вопрос о будущем государственном строе России может только всенародное голосование. **Мы, монархисты**, самым кровным образом заинтересованы в свободе этого голосования и в свободе слова перед ним.

И создание Монархии в России и ее воссоздание после периодов всяких "смут" шло всегда путем "всенародного голосования". ("Наша Страна". №№ 23, 24. 1949.)

За всеми тяжкими извилинами нашего пути в Россию нужно иметь в виду нашу путеводную звезду.

Эта звезда есть Империя Российская.

У меня нет ни малейшего сомнения не только в том, что монархия лучший выход для России, но что монархия для России — есть также и неизбежность.

Вера в монархию для меня такая же само собою разумеющаяся вещь, как вера в Господа Бога: ни без того ни без другого — Россия восстановлена быть не может.

А так как она будет восстановлена, то с логической неизбежностью вытекает тот факт, что будут восстановлены и Православие, и Монархия.

Но я не лукавый царедворец. Для меня монархия — не поприще для ловли счастья и чинов и не паркет для великосветских изгибаний.

Монархия, — это хлеб моей родины. Люди, которые отрывают от этой Родины кусок ее хлеба, — для меня, — враги.

Лучший лозунг, который может быть брошен в массы на другой же день переворота, — это лозунг монархии. Он — нов для СССР — но он с в о й .

Это лозунг гражданского мира, величия страны, это, если хотите, даже и лозунг "качества продукции" — "пила царского времени", "дом еще при царском режиме построен" и т. п.

Российская Монархия, при всей ее многовековой инерции, держалась не сама собой и уж, конечно, сама собой восстановлена быть не может. Для ее восстановления нужны сознательные и продуманные усилия очень многих людей, опирающихся на жизненные, и для меня — неоспоримые, интересы народных масс России.

Восстановление Российской Монархии возможно только в результате борьбы, в результате сознательных и продуманных усилий русских людей по обе стороны рубежа.

Наши монархические круги, которые вообще, по складу своего характера, гораздо более склонны к словам, чем к работе, к знаменам, чем к танкам, хотят видеть в монархии по преимуществу знамя. Я вижу в ней по преимуществу орудие, — самое мощное, каким мы только располагаем в борьбе за возрождение России — орудие успокоения и упорядочения страны.

Давайте поставим перед собой ясно, трезво и честно вопрос о том, что мы можем и что мы должны сделать для вооружения и восстановления основного стержня Империи Российской — ее монархии.

Для нас, как и для подавляющего большинства русского народа, монархия — это не только вывеска или приманка, а самый могучий двигатель в устройении и построении Империи Российской.

Если мы собираемся оперировать идеей Монархии не как знаменем, а как орудием, — перед нами встает другая и очень важная задача. Нужно очистить эту идею от всякого рода реакционного, плотоядного вождения тех людей, которые совсем всерьез думают, что благодарное послесоветское население с поклонами принесет им ключи от их латифундий, от титулов, чинов, привилегий и прочего в этом роде. Ничего этого не будет. Будет труд, труд упорный до жестокости, будет великая оценка всякой способности, всякого умения и всякого таланта. Будет труд огромный, созидательный и радостный, но на старых привилегиях нужно поставить крест. Нужно поставить крест на всем том вяземском, избяном и лубочным стиле, которым еще питается некоторая часть нашей эмиграции. Этот стиль умер бесповоротно, как умерли марксизм галантного века или феодальные замки немецких Раубриттеров — рыцарей-разбойников.

Мужицкие чаяния все сходятся на монархии.

Советская интеллигенция, взятая в целом, поддержит монархию или под давлением народных масс, или в результате грядущих разочарований.

Усилиями целого ряда лет, целого ряда лиц, партий и организаций монархическое зарубежье оставлено совершенно без руля и вез ветрил.

Отсутствие монархической интеллигенции и по ту сторону и по эту сторону рубежа — есть самая слабая сторона монархического движения и самая сильная угроза будущему российской монархии.

Было бы преступлением закрывать глаза на тот факт, что этот участок монархического фронта оголен вовсе. Именно на этом участке следует ждать прорыва вражеских сил.

Фразеология, которою оперирует большинство наших монархических течений — устарела безнадежно и окончательно.

Они просто не умеют говорить современным языком.

Поэтому, идейного "приводного ремня" от монархии к массам ни по ту ни по эту сторону рубежа у нас не имеется. ("Наша Газета". № 31. 1939.)

Я провозглашаю лозунг: "За Веру, Царя и Отечество" — старый лозунг, но с принципиально иным содержанием.

Русская Монархия может быть или помещицъей, или народной, но она не может быть: и помещицъей и народной.

Лозунг дворянско-помещицъей монархии означает для России новую гражданскую войну. ("Наша Газета". № 35. 1939.)

Было время, когда мы, русские, были велики и сильны. Это было тогда, когда физическая и духовная боеспособность сливались в одно.

Когда монархия не была только политической вывеской, а православие не было только молебнами или панихидами. Когда мы по-суворовски были "русские", а, следовательно, "с нами был Бог".

Российская Империя даже в ее нынешнем изуродованном и залитом кровью лике — есть результат самой высокой государственной культуры, какая только была на земле со времени падения Римской Империи.

Теория политической несознательности русского народа есть теория совершенно чепуховая.

Монархия возникла в России не потому, что народ был несознательным. Она возникла именно вследствие огромной, может быть, и инстинктивной политической сознательности народа.

Молитву творя,
Чтит народ и царя,

В ком ни сердце ни ум не шатается.

Неужели вы объясните политической отсталостью мужика, тот факт, что на всем протяжении своей истории он неизменно и дубиной, и штыком поддерживал власть монархии против всех ее врагов?

Большевики доказали мужику, что демократией

правит класс капиталистов. Что демократ-избиратель никого не может избрать, ежели бы он и хотел.

Но русский народ увидал, что и советские вожди никого не просили их выбирать.

И по этой именно причине русский мужик стоял и будет стоять за ту власть, которая заинтересована в его, мужика, интересах.

То есть, в интересах страны.

Большевицкая пропаганда сделала часть своего дела, нужного и для нас. Истоки демократического режима она разоблачила полностью. Советская практика полностью разоблачила и теорию советской демократии. Что остается?

Остается то, чем мы жили тысячу лет. ("Наша Газета". № 58. 1939.)

О НАСТОЯЩЕМ МОНАРХИЗМЕ

Народно-Монархическое Движение (или "Штабс-капитанское движение") построено на категорической борьбе против всяких остатков сословного строя в России, что означает требование о т к а з а от какой-бы то ни было дворянской политики.

Дворянская политика — попытка остатков нашего правящего слоя сорвать в России восстановление Монархии.

Восстановление Монархии может быть сорвано и слева и с п р а в а . ("Наша Страна". № 32. 1949.)

Типично Русскую форму Монархии я называю с а м о д е р ж а в и е м . Это — не абсолютизм, это — по выражению еп. Серафима Троицкого, — симфония совместной работы Церкви, Царя и Народа".

Монархия — это не тоталитарный режим. ("Наша Страна". № 32. 1949.)

Одна из первейших насущных потребностей будущей России — это сильная власть.

Русский народ это: а) крестьянство, б) пролетариат и в) интеллигенция. Подавляющим большинством будущего всенародного голосования является крестьянство. Оно же, больше, чем какой-либо иной слой населения страны, нуждается в твердой, в Царской власти.

Судьбы России в самом основном будет решать крестьянство и крестьянская интеллигенция — это около 80% массы голосующих.

Мы говорим о самодержавии Московских Царей, — "самодержавие" с земскими и Церковными Соборами, с Патриархами, со всероссийскими съездами городов, с судом присяжных.

"Низы" поддерживали самодержавие всегда, — от Шелонской битвы, через Смутное Время и до Февраля 1917 года, — не "низы" же ездили в Ставку требовать отречения Государя Императора...

"Самодержавие" есть защита низов, а никак не утверждение привилегий.

Великие Князья Московские боролись с уделами, Цари Московские с княжатами, от Павла I до Николая II монархия боролась с дворянством.

Наш исторический опыт очень неутешителен для "конституции"... Не говоря уж о февральской и даже о сталинской конституции сегодняшнего дня.

Свеженький опыт Европы утверждает, что партийная система не гарантирует ровным счетом н и ч е г о . ("Наша Страна". № 39. 1949.)

В Царской России не было ни одного небоскреба, но у всех людей было свое и никак не уплотненное жилье. Сейчас Советы судорожно строят небоскребы, а жить н е г д е . ("Наша Страна". № 152. 1952.)

У дипломатии Царской России было то, чего нет

и не может быть в странах классических демократий:
— **последовательности.**

Русские Цари "планировали" в десятилетиях, — как Император Николай II планировал "Тихоокеанскую проблему". Или в столетиях, как Императоры Всероссийские, начиная с Павла Петровича и кончая Николаем Александровичем, планировали ликвидацию **с о с л о в и й**. ("Наша Страна". № 62. 1950.)

Европейской учебы совершенно достаточно. Давайте, — **д о м о й**, в Москву. Не в Москву Ленина-Сталина, а в Москву Алексея Михайловича — где был достигнут апогей нашей внутренней гармонии — не на юридических основах, а на **р е л и г и о з н о - н р а в с т в е н н ы х**.

Постараемся вернуться к принципам **Веры, Царя и Отечества** и пойдем дальше — **к себе домой**: к ценностям, проверенным тысячью лет, а не выдуманым в 10.000 книг.

Монархия состоит в единоличном выражении идеи всего национального целого. ("Наша Страна". № 40. 1949.)

Монархию Российскую будут или не будут восстанавливать те люди, которые сейчас проживают в СССР, — в основном, конечно, **колхозники.**

Русское Самодержавие — в старой Москве работало рука об руку с народным представительством, с Церковными Соборами, с Земскими Соборами и с Боярской Думой. Реформы Петра I покончили со всем этим.

Основная ошибка Государя Императора Николая Второго заключалась в том, что вместо **Земского Собора** был созван парламент (Государственная Дума).

В партийный парламент попадают **отбросы интеллигенции.**

Соборы были **органическим** представительством нации.

"Американская" демократия может быть и хороша, но она нам не по карману, в частности потому, что вся наша история требовала от нас железной государственной дисциплины.

Вся сумма человеческих свобод в России Императора Николая II была значительно больше, чем в Англии м-ра Эттли и, вероятно, не меньше, чем в Америке м-ра Трумэна... ("Наша Страна". № 35. 1949.)

Мы переживаем, может быть, самое смутное время нашей истории.

И как во все наши смутные времена у нас остается одна Организация, выдержавшая и испытания веков и мытарства эмиграции: это наша Православная Церковь.

И как в старое Смутное Время, мы должны искать нашей главной опоры именно в ней, в Церкви. ("Наша Страна". № 37. 1950.)

Выборная Монархия у нас невозможна, и для нее нет абсолютно никаких оснований.

Стиль будущей русской Монархии ген. В. Бискупский определил так: "Рабоче-крестьянская монархия".

Это правильно по существу — в России остались: рабочие, крестьяне и интеллигенция, вышедшая почти исключительно из рабоче-крестьянской среды.

Россия будет нуждаться в сильном правящем слое.

У Престола должны быть сильные люди, а не "придворный сброд". Так было в старой Москве.

Так должно быть и в новой Москве.

Петербургский период нашей истории кончился. ("Наша Страна". № 98. 1951.)

Зарубежная интеллигенция может сыграть только одну роль — роль идейной закваски.

О д н о из очень нужных нам предприятий заключается в очистке русского прошлого от всей той грязи, которою облепили его наши "сеятели" еще с дореволюционных времен. Однако, если возражать против этой грязи, то нужно искать возражения, во-первых, п р а в д и в ы е, а, во-вторых, — хотя бы п р а в д о п о д о б н ы е. ("Наша Страна". № 127. 1952.)

Монархизм, взятый без прилагательного, не обозначает ничего.

Монархизм, взятый, как принцип, обозначает личную наследственную власть — ограниченную или неограниченную, это уже другой вопрос.

Он может быть и социалистическим (Англия), и фашистским (Италия), и Абдул-Гамидским (Турция), — может носить характер деспотии древнего Востока, просвещенного "абсолютизма", прикрывающего диктатуру класса, может носить освободительный характер, который носила русская Монархия от Императора Павла I до Императора Николая II.

Народно-Монархическое движение стоит за частную инициативу и за реальную свободу.

Оно считает, что все это России может гарантировать только Монархия и только она одна. ("Наша Страна". № 129. 1952.)

О НАШИХ ЗАДАЧАХ И ЦЕЛЯХ

Задача нашего Народно-Монархического движения и "Нашей Страны" заключается, главным образом, в защите нашей национальной традиции, проверенной жизнью 11-ти веков, в борьбе за совесть и за ее диктатуру. В борьбе против всякого прожектерства и всяких новых вивисекций всякой бюрократии и всякой единой партии.

Наша основная цель — борьба за диктатуру совести.

Русская монархия никогда не была абсолютизмом. Основная черта русского характера и истории — **тяга к совести** — определяет собою характер нашей религии, нашей литературы и характер нашего образа правления. ("Наша Страна". № 3. 1948.)

НАШИ ЗАДАЧИ

1. России необходим новый правящий слой — **русский, народный, национальный и образованный политически.**

2. **Русский** — потому, что мы работаем для России, а не для какого бы то ни было интернационала.

3. **Народный**, а не сословный, классовый или кастовый.

4. **Национальный**, а не космополитический, беспочвенный.

5. **Политически образованный**, а не аполитично безграмотный.

6. **Без такого слоя не может существовать никакая послесоветская Россия** — ни монархическая, ни республиканская.

7. **"Наша Страна"** пытается положить основы создания монархического правящего слоя будущей России.

Наша настоящая работа для России начинается только после советской власти. Все, что мы делаем сейчас, — это только **приготовительный класс.**

Мы предупреждаем: вопрос идет не о восстановлении старого стиля жизни и администрации — дело идет о **новом стиле, социально и исторически обусловленном всем ходом исторического развития России.**

Мы строим, или пытаемся строить, монархический правящий слой. Строим новую, народную, национальную и монархическую **интеллигенцию.** Эта интеллигенция должна быть **политически образованной.** Или, по меньшей мере, **политически грамотной.**

Мы готовим людей по возможности точно информированных политически и по возможности **трезво политически мыслящих.**

Мы пытаемся дать продуманный анализ: вот что получается, когда людям преподносят заведомо фальшивую информацию и реальные факты нашей горькой истории последних десятилетий подаются, как шоколадную конфетку, начиненную с т р и х н и н о м .

Нам нужны: точность информации и ясность мышления.

Нашей задачей является: работать для оформления того слоя людей, у которых горячая любовь к Родине была бы слита с холодным анализом всех опасностей перед ней стоящих и всей тяжести работы, нам предстоящей. ("Наша Страна". № 66. 1951.)

НАША ЦЕЛЬ

Наша обстановка, как и наше прошлое, очень сложны .

В годы Белой борьбы знамя Монархии могло спасти Россию, — была одна обстановка.

Сейчас знамя Монархии над русской армией поднять технически невозможно и политически нецелесообразно, — другая обстановка. Что, однако, не исключает и не может исключить нашей подготовки — идейной. ("Наша Страна". № 105. 1952.)

Наша цель — восстановление русской Монархии. Но не монархии "вообще", а такой, при которой не было бы царевубийства, при которой "высший свет" не клеветал бы на Царя и Царицу, при которой генералы не изменяли бы присяге и "народные представители" не орали бы о "глупости и измене", при которой были бы невозможны ни 1917, ни 1905 годы, при которой у нас с вами была бы свобода личности, труда и прочего, при которой Церковь не управлялась бы оберпрокурарами, при которой нация не была бы поделена на "черную и белую кость"...

Это не "новомонархизм". Это — древнемонархизм.

Все это было на Руси при Алексее Михайловиче и всего этого Россия лишилась при Петре Алексеевиче.

Нам решительно нечего шарить по помойным ямам западно-европейской философии, а нужно заняться "мобилизацией внутренних ресурсов" в нашем собственном прошлом и в наших собственных мозгах найти источники нашего национального возрождения.

Для нас большевизм есть враг совершенно независимо от того, какого качества подметки вырабатывает советская кожевенная промышленность.

Позиция нашего Движения следующая — вся наша трагедия объясняется "отрывом интеллигенции от народа", а этот отрыв родился и закрепился "реформами Петра Великого". И самый страшный в нашей истории внутренний раскол был совершен в период его преемниц...

"Корни революции" в эпохе Петра. Эта оценка — есть оценка той новой русской интеллигенции, которая родилась, так сказать, под знаменем концентрационных лагерей. Эта оценка все равно будет кем-то сформулирована.

Это есть — основной пункт понимания и нашей истории и нашей революции: измена нашему собственному национальному лицу.

Мы сейчас расплачиваемся за ошибки XVIII столетия. Будем работать над тем, чтобы дети наши не оказались тем "седьмым коленом", которое, по Библии, оплачивает грехи отцов. ("Наша Страна". № 29. 1950.)

О НАЦИОНАЛИЗМЕ

Что-же, собственно, характеризует или должно характеризовать настоящего националиста?

Прежде всего — любовь и уважение к своей нации — т. е. к своему народу. Если нет любви — просто не о чем и говорить. Если нет уважения — то нельзя ни оправдать государственного бытия нации, ни верить в

ее будущее, ни утверждать некий верховный — уже религиозный — смысл существования этой нации на земле. Нельзя говорить о роли нации в строительстве земной жизни человечества.

Русская нация — это не "Россия", не "страна", не "обыватели". Это — **Русский Народ**, — тот народ, который, по терминологии "национального" журнала "Возрождение" обзывается "простолюдинами". Этих "простолюдинов" 98 % "России". Без уважения к ним — к их жертвам, к их способностям, к их государственному инстинкту — верить в Россию — нельзя. Следовательно, нельзя быть националистом.

Признавая за русским народом особую, неповторимую в мире, историческую роль, признавая его особое, неповторимое в мире, индивидуальное и духовное лицо, — его "я", — нельзя подчинить это "я" никакому не русскому духовному и прочему руководству.

Русский националист — желающий блага России — т. е. в первую очередь русскому народу — т. е. в первую очередь 98 % его "простолюдинов", — обязан этих "простолюдинов" вооружить самым современным умственным, экономическим и физическим оружием — какое только в состоянии дать самая современная культура.

Национализм может быть только прогрессивным. Реакционный национализм — это нелепица, — это тот национализм, который постарается обеспечить своей нации всяческое отставание и вести ее ко всяческим поражениям — и вовне, и внутри.

Настоящий национализм не может не быть демократическим — ибо он признает права всего народа, всей его массы, всех 98 % его "простолюдинов" — и обязан предоставить широкие возможности и всякому таланту из среды этих 98 %.

Как видите — приходится доказывать невероятно оригинальные вещи. Так сказать, открывать невиданные доселе Америки. Приходится (и это в году от Рождества Христова 1940-м...) объяснять, что русский националист обязан уважать свой народ, обязан о нем

заботиться, обязан стремиться поставить его и культурно, и экономически, и политически выше остальных народов мира. Что для всякого настоящего националиста — на первом месте не нашивки, титулы и права, а работа, жертва и долг. Не "традиции", а вооружение.

Несколько менее ясен вопрос о демократизме. Как и с национализмом — получилась путаница в терминах и тут. Если этот термин мы будем понимать в его буквальном переводе — "народоправство", то демократия просто окажется в ряду утопий — может быть, и не плохих, но, все-таки, утопий. Народ, в его целом, править не может — как не может "весь народ" писать картины, лечить зубы, командовать армиями, проектировать мосты. Здесь нужен "специалист", которому народ будет доверять. В наших русских условиях таким "специалистом" был Царь.

Истинный национализм неразрывно связан с истинным демократизмом — ибо он включает в себя уважение ко всему народу, ко всей нации, черпает силы из всего народа и из всей нации и борется со всякой кастой. Он всегда находил в себе силы и таланты, и он найдет их и теперь. А мы — мы должны поддерживать всякую русскую силу, а не слабость. И всякий русский талант, а не бездарность. И наш лозунг, лозунг прогрессивных русских националистов, можно бы сформулировать так: вся власть — русским мозгам. ("Родина". № 3. 1940.)

О РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

"Потеря времени смерти безвозвратной подобна". Те люди и тот слой, которым история вверила великое русское наследие, потеряли, проворонили и прошляпили слишком много времени. И продолжают действовать в том же духе и дальше. Закутывают головы, — и свои, и чужие, — обрывками старых лозунгов и старых знамен и, для вящей слепоты и глухоты, прячут эти головы в песок давно выцветших фраз. ("Наша Газета". № 3. 1938.)

О ТОМ, ЧТО НУЖНО ДЕЛАТЬ ДЛЯ РОССИИ

Всякий слой, который в какой-то степени хочет быть правящим, должен прежде всего сознавать свою ответственность перед Родиной и прежде всего свою собственную ответственность.

Будем упорны. Если ход истории подарит нас приятными неожиданностями — то слава Богу. Если на нашем пути он накидает всяческого бурелома — займемся расчисткой. И сквозь все, что нам еще предстоит пережить, будем иметь в виду нашу путеводную звезду — воссоздание Императорской России, великой и свободной, но не лубочной и лубяной, а стальной и бетонной. ("Наша Газета". № 51. 1939.)

Мы должны отдать себе холодный и ясный отчет в том, что: нам нужно работать, нам нужно **очень много работать** и помогать тем, кто хоть что-то, все-таки, делает. ("Наша Страна". № 70.)

Наши цели имеют в виду три этапа:

1. Ликвидацию большевизма.
 2. Борьбу против расчленения России.
 3. Восстановление Монархии Российской:
 - а) борьба с реакцией и
 - б) Оформление и закрепление идейной установки. ("Наша Страна". № 105. 1952.)
-

Наша непримиримость к большевикам должна быть и последовательной и беспощадной.

Враг должен быть добит окончательно. Нельзя допускать никакой провокации. ("Наша Газета". № 14. 1938.)

Одно из самых основных положений Народно-Монархического движения сводится к 2-м частям:

1. Восстановление Русской Монархии на социально-административной базе старого правящего слоя — невозможно физически. Не "нежелательно", а просто невозможно: бывший русский правящий слой политически совершенно разложился и до революции, и именно это разложение сделало революцию возможной.

2. В современной России за эти 35 лет вырос новый ведущий, еще не правящий, слой, который ни при каких мыслимых обстоятельствах старого слоя не пустит.

Таким образом, если бы мы объединились с реакционными элементами монархической эмиграции, — мы автоматически потеряли бы почву для России.

Термин "Народная Монархия" практически означает восстановление Монархии без восстановления старого правящего слоя как слоя.

Если говорить о дореволюционных временах, то антирелигиозной литературы было сколько угодно.

Религиозной литературы было мало и она была рассчитана на культурный уровень деревенского старосты.

О марксизме были изданы тысячи книг, а о монархизме, кажется, одна — Льва Тихомирова. То же повторяется и в эмиграции. ("Наша Страна". № 140. 1952.)

Русская Монархия есть морально и технически наиболее совершенный в истории мира способ управления государством. В данный исторический момент мы, по-видимому, переживаем одну из самых решающих эпох человеческой истории — эпоху

полного банкротства демократий, как государственной системы: с государственными задачами, а тем более мировыми, эта система технически справиться не может. ("Наша Страна". №№ 143, 147, 148. 1952.)

Нам нужно "колыхать" монархическую активность наших единомышленников. ("Наша Страна". № 150. 1952.)

В основе **Народно-Монархического движения** лежит живой, конкретный и фактический опыт Московской Руси, т.е. — **"Национальная Россия"**, такая, какую она была в реальности прошлого, а не в словоблудии о будущем.

Московский тяглый мужик 1613 года оказался неизмеримо умнее петербургских профессоров 1917 года, — это сейчас очевидно... и это — не правее и не левее — это просто — глубже. ("Наша Страна". № 40. 1951.)

О МОНАРХИЧЕСКОЙ АГИТАЦИИ

Нам нужно вести монархическую агитацию.

Нам нужно знать и то, как ее следует вести, и то, как ее вести не следует.

Мы анализируем прошлое России и мы говорим: были такие-то явления, происходившие в таких-то условиях и при наличии этих явлений Россия — под эгидой монархии — достигла таких-то результатов. И при ослаблении или гибели монархии, — попадала в такие-то и такие-то катастрофы.

Мы подводим некий принципиальный фундамент под неоспоримые факты нашего прошлого.

Мы не строим никаких воздушных замков.

Мы представляем собою политический реализм и мы боремся против всякого политического утопизма.

Прежде всего, мы что-то строим: строим основное — идею Русской Народной Монархии. Строят ее очень разные люди: и белорусский крестьянин Иван Солоневич

вич, и сибирский "землепроходец" Борис Башилов, и профессор Борис Ширяев.

Как и всегда в этом мире случается, что некоторые точки зрения не совпадают, — мы о них слегка спорим. Но основное совпадет вполне: **Народная Монархия.**

Мы рассеиваем мифы, опутывающие сознание монархической эмиграции, и мы из-под обломков старины пытаемся воссоздать тот момент, когда Монархия Российская была ближе всего к ее идеалу.

Наша задача — задача чисто агитационная.

Или, быть может, — миссионерская.

До России и в России мы должны проповедывать монархию. Нам навстречу подымется великая волна народного инстинкта, народной боли, народных страданий. Подымется и волна народной надежды на лучшее будущее.

Эта волна — она будет, — в этом не может быть никаких сомнений. Но могут быть сомнения, — окажется ли мы на высоте?...

Нам, монархистам, остается только один путь, путь "демократического" завоевания русских масс,— масс, которые к этому "завоеванию" подготовлены и тысячелетней традицией России, и своим национальным инстинктом, и переживаниями послефевральского периода.

Монархическая литература должна иметь в виду не служилые и привилегированные слои старой России, а конкретный русский народ, который жил на Руси Алексея Михайловича, в России Императора Петра Алексеевича и в СССР Сталина.

О ФАКТОРЕ СИЛЫ

" Д у х " народа. — Реальная жизнь страны определяется соотношением с и л — в нашем русском историческом случае — моральных сил. Все это ничего общего с реакцией не имеет.

На стороне сепаратизма никакой реальной силы нет.

Российская Империя выросла, главным образом, на базе стремления к объединению всех народов этой Империи.

И мы, честные русские политики, морально обязаны предупредить САСШ — если дело дойдет до **насилья** — **то сила** будет на стороне России и такая сила существует.

Эта сила ("дух" народа) прошла века и века **беспримерных** в человеческой истории жертв во имя **общего блага** всех народов Российской Империи.

Из двухсот миллионов населения России по меньшей мере 190 миллионов за **единство страны** будут драться, т. е. **применять силу**.

И основным пунктом любого соглашения должно быть официальное признание Государственной суверенности России в пределах 1940 года, — оставляя все остальные территориальные вопросы компетенции **будущего**.

Как это ни парадоксально, — **ключевую** позицию сейчас занимаем мы, и мы **обязаны** сказать Америке честно: мы защищаем не только государственное единство России, которое ничто в нынешнем мире поколебать не может, — мы также защищаем государственное **существование** и САСШ.

Исторический опыт доказал, что Россия — это не Империя в римском или британском смысле этого слова. Это — 196 сиамских близнецов, которые срослись в политическом, экономическом, бытовом, культурном и всяком ином смысле этого слова.

"Силой" в будущей России будет ее сегодняшняя внутренняя эмиграция, а никак не те остатки потонувшего мира, которые называют себя "монархистами в эмиграции".

Для меня внутренняя эмиграция означает значительно больше: это не только скрытый внутренний протест, — это также и **накопление сил для борьбы**.

Внутренняя эмиграция состоит из **очень сильных людей**.

В какой степени "сильные люди" противоречат "сильной монархии"? — Ни в какой степени. Государь Император Николай Александрович был очень сильным человеком ("Железная рука в бархатной перчатке"), но очень сильным человеком был и П. А. Столыпин. ("Наша Страна". №№ 94, 98, 114, 138.)

О СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ

Сегодняшняя Россия — это очень молодая страна, ее люди упорны, закалены, обуяны ненасытной жадной жаждой знания.

Культурный отбор этих людей и будет правящим слоем России, — независимо от того, будет ли у нас Монархия, или республика, или судьба таянет нас какой-то новой диктатурой.

Нравится ли нам это или не нравится — это есть новое поколение. И не только хронологически, но и социально.

Новое поколение России — закаленное, упорное, жизнеспособное, молодое, ни при каких обстоятельствах не позволит "пузырям потонувшего мира" командовать собою.

Оно позволит себя убеждать, но как раз этого "пузыри" делать не умеют.

Нынешнее — советское — поколение вышло из иной социальной среды, со всеми политическими, психологическими и прочими предпосылками и последствиями.

С этим поколением эмиграция обязана считаться, как с решающим фактором в жизни России.

Новая Россия будет новой Россией, с новой промышленностью, новым крестьянством, новым пролетариатом, новым правящим слоем и с новыми методами управления.

Россия будет страной чудовищной силы и великой, еще невиданной в истории мира, человечности.

"СССР", — конечно, — Россия, пленная, но Россия. И "советский народ" есть, конечно, русский народ, хотя и тоже пленный. И даже советская литература есть русская литература, хотя, может быть, ее плен наиболее тяжок. ("Наша Страна". №№ 125, 126, 127, 129. 1951.)

О НАЦИОНАЛЬНОЙ АРМИИ

Национальная Русская Армия будет все равно.

Национальная Русская Армия должна иметь и Национальную Русскую военную доктрину.

А Национальная военная доктрина должна исходить из национального мировоззрения, наиболее полно воплощенного в Православии.

Понимая под православием, конечно, не иерархов московских или антиохийских, а религиозное мировоззрение Русского Народа.

Решающую роль в будущей нашей армии будет играть новая военная эмиграция, а не старая.

Старая Императорская Армия восстановлена быть не может.

Но может быть создана новая Императорская Армия.

Я настаиваю и настаивал, и буду настаивать на том, что каждый русский генерал обязан быть политически грамотным и образованным.

Чем выше стоит человек по своей службе и по своей ответственности, и по своему будущему — тем более он обязан быть политически образованным человеком. ("Наша Страна". №№ 32, 82, 87, 100. 1950—1951.)

На Национальную Армию падает огромная ответственность.

Она будет первой силой, которая соприкоснется с Россией.

Ей придется п е р в о й отвечать на вопросы: "Что, как, почему и что же дальше?"

Ей первой нужно будет показать всю разницу между советским режимом бесправия и новым режимом права. ("Наша Страна". № 84. 1951.)

Это будет совершенно р е а л ь н а я армия, которая будет расти с каждым шагом продвижения "назад" — в Р о с с и ю. ("Наша Страна". № 83. 1951.)

О НАРОДНО-МОНАРХИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

Проблема Народно-Монархического движения и его кадров сводится к тому, чтобы подобрать людей, которые на первый план ставили бы не поместья, не нашивки, не чины и не гонорары, — а ставили бы интересы нации в целом, и которые умели бы увидеть за спиной роты, лаборатории, завода, "солдатской массы", "рабочей массы", "крестьянской массы", "учащейся молодежи" — хотя бы основные линии национального развития, хотя бы основные линии национальной организации.

Вопрос кадров Движения — это вопрос подбора из любых спецов и любых профессионалов тех людей, которые могли бы стать над узостью всякой профессии и почувствовать себя зародышем правящего слоя, объединяющего, хотя бы в сознании своем, все интересы нации, взятые в целом, — а не в дроблении на касты, профессии, нашивки и гонорары, людей, которые перестали бы спекулировать перенесенными страданиями.

Страданиями и жертвами сейчас никого не удивишь — та треть офицерства, которая попала в Красную армию, пострадала еще больше нашего, — она вообще погибла. Страдание, взятое само по себе, ничего не доказывает, ничего не освящает и никого ни в чем не убеждает. Зубная боль — очень неприятная вещь. Но...

раньше надо было чистить зубы, а теперь итти к дантисту — только и всего.

Значит, вопрос идет о людях, которые нашли в себе духовную силу учесть уроки прошлого, сделать из них выводы для будущего и подняться над собственными вожделениями. Итти в Россию не в качестве победителей и командиров, а в качестве советников и руководителей, — на "командирах" мы, вот, и доехали сюда.

Знаю: это цена с очень большим запросом. И — тоже знаю — не так много людей, у которых хватило бы духовного капитала на такую цену. И не будем утешаться даже той банальной мыслью, что качество-де важнее количества. В данном случае — чрезвычайно важно и количество. И именно потому, что такого количественного истребления самого высокого качества людей, какую продемонстрировал перед изумленным человечеством большевизм, — никогда еще в истории мира не было. Важно и количество. **Важен каждый русский человек.**

Я ни к какой романтике не призываю. Наше дело это:

выковать нашу идею,
сколачивать наши кадры,
ждать первого подходящего момента,
всячески охранять свою спину, чтобы наши ничтожества и предатели — вот в этот самый момент не всадили бы в нее ножа.

Наша идея — очень проста:

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ.

Наши кадры раскиданы по всему миру, находятся в самых разнообразных условиях и подвержены самым разнообразным административным воздействиям.

Моменты — еще будут.

Нож в спину — это самая близкая опасность, которая стоит на нашем пути.

Наша повседневная борьба — это прежде всего борьба с нашими собственными ничтожествами и предателями — именно от них и "все качества". ("Родина". № 1. 1940.)

О ПОЛИТИКЕ И ЦЕРКВИ

Жизнь вне политики достижима так же просто, как и жизнь вне воздуха.

Если вы будете политически активны, то политика будет такою, какая нужна вам.

Церковное деление совершенно точно воспроизводит политическое деление.

Наша церковная смута вызвана вовсе не злонамеренными соображениями тех или иных митрополитов или епископов, — эта смута с изумительной степенью точности отражает в себе нашу всероссийскую политическую смуту.

Религиозного раскола у нас нет — во время Никона он был.

Есть политический раскол. Несомненный факт, что в наше время, когда над миром свирепствуют материальные не столько интересы, сколько вождения, — не политика следует за Церковью, а Церковь следует за политикой.

Политический раскол Церкви решит тот час, когда Патриарх Всея Руси возложит корону на Главу Императора Всероссийского.

И только тогда мы придем и к церковному, и гражданскому миру.

Люди, которые пытаются оттягивать этот час, сделали бы разумнее, если бы поняли его неизбежность и не ставили бы себя в положение тех блудных сынов, для которых, может быть, не найдется и соответствующего тельца. ("Наша Страна". №№ 99, 25.)

О КАЗАЧЕСТВЕ

Существование Русского Самодержавия — есть совершенно обязательная предпосылка существования и русского казачества.

Изоляция же казачества от "общерусских партий и течений" может иметь только одно значение: **изоляцию казачества** от какой бы то ни было политической роли — вне "общерусских течений" — казачество обречено на полное политическое бессилие. ("Наша Страна". № 21. 1949.)

О КРЕСТЬЯНСТВЕ

Социализму вообще, а его марксистской верхушке в особенности свойственна **лютая ненависть к крестьянству**, т. к. именно оно, **крестьянство — класс собственник** и оно, **крестьянство — является хранителем национальных и религиозных инстинктов страны.**

Крестьянство — органично, и оно автоматически противопоставлено теориям кабинетных мозгляков.

Российская Монархия или будет восстановлена голосами Русского Крестьянства, или не будет восстановлена **во все.**

Всякая новая партия, захватившая власть в России, выродится в партийную диктатуру.

Сначала будут миллионы красивых слов, потом — миллионы в концлагерях.

Только Царь — слуга Бога и Народа — даст мир и свободу Народам России. ("Наша Страна". №№ 32, 72.)

НАША ПРОГРАММА

Мотивировка и проект

Предлагаемый проект программы есть мотивированный проект.

Каждый его пункт поддерживается не обещаниями прекрасного будущего, а ссылками на неоспоримо реальное прошлое.

В нем нет ни одного пункта, который отдавал бы дань моде сегодняшнего дня.

Это, просто, дальнейшее логическое продолжение всего нашего предшествующего роста.

И предложение — **расти и дальше — не вкривь и вкось, а очень просто: просто вверх.**

Основные начала, на которых должна быть отстроена будущая Российская государственность (Технические детали не могут быть предусмотрены заранее):

1. Религия
2. Семья
3. Собственность
4. Гражданская, политическая и хозяйственная свободы.

Мы обязаны предпринять то, что мы, монархисты, предложим русскому народу на всенародном голосовании.

Мы, монархисты, исходим из того убеждения, что все эти основные начала могут быть обеспечены только монархией и только ею одной.

Монархия не имеет ничего общего с реакцией. Вопреки демагогическим утверждениям представителей левой общественности.

Тысячелетняя история Российской государственности с такой же экспериментальной бесспорностью доказывает неразрывную связь благополучия народных масс с существованием полноценной Монархии: периоды гибели или даже ослабления Монархии автоматически приводили или к анархии (Смутное время) или к закрепощению народных масс монголами, дворянством или компартией. И только Монархии удавалось восстанавливать свободу страны и свободу ее народов.

1. В русских условиях — Монархия означает защиту демократии и от анархии и от вождей, от загнивания (Франция) и от тоталитарного режима (СССР и Германия).

2. Стоя на почве бесспорных исторических фактов, мы, монархисты, отбрасываем категорически все левые демагогические обещания, которые никогда не будут выполнены, ибо не могут быть выполнены и никогда и нигде выполнены **н е б ы л и**.

И ввиду этого ведем борьбу со всеми разновидностями коммунизма и социализма, под какими бы названиями они ни выступали.

3. Рассматриваем монархическую власть в России, как власть, основанную на религиозно-нравственных началах, стоящую над партиями, классами и народами страны, бесспорную по праву наследования и бесспорно выраженную тысячелетнюю волю народа, восстанавливавшего эту власть после каждого ее падения.

4. Народно-Монархическое Движение является строго легитимной организацией...

5. Религия.

Народно-Монархическое Движение признает религию источником всякого человеческого общежития. Православие — религия русского народа, но НМД признает полную религиозную свободу, исключая изуверные секты.

Признавая Православие религией русского народа НМД возражает против отделения Церкви от Государства и считает нормальным традиционную форму сотрудничества Церкви и Государства, выраженную в Соборах, Патриархате и Монархии — причем Монархия всецело подчинена Церкви, как Божественному Установлению, и Церковь, как общественно-национальная организация, находится под покровительством Монархии.

6. Народное представительство является неременным условием нормально функционирующей Монархии.

Л и ч н о я буду настаивать на ответственности правительства только перед монархом и на законодательных и контрольных функциях народного представительства.

Такие партии, как коммунистическая, должны быть запрещены законом...

7. Самоуправление.

а) НМД считает необходимым возврат к принципу Московских Царей, когда центральная власть и местные самоуправления работали в тесном содружестве и при полной взаимной поддержке.

б) За исключением петербургского периода на-

шей истории, Русская Монархия всегда базировалась на самом широком местном — территориальном и национальном — самоуправлении и это самоуправление пыталась восстановить в конце прошлого века.

8. Империя.

Создание Российской Империи являлось великим благом для всех народов и народностей, прекратив удельные и племенные войны и установив прочный государственный порядок на территории 1/6 части земной суши.

Считая русский язык **общегосударственным**, попытки административной русификации национальных меньшинств НМД отрицает категорически.

В области внешней политики Российская Империя, как и раньше, будет поддерживать всякое начинание к сверхнациональной организации человечества.

9. Хозяйство.

Свобода хозяйственной деятельности, помимо неприкосновенности личности, свободы религии, свободы слова, собраний, союзов и проч.

Переход в руки государства отдельных отраслей народного хозяйства, поскольку он вызывается хозяйственными, техническими или санитарными, а не догматическими требованиями, НМД не считает социализмом.

Борьба против всех разновидностей социализма.

Будущее хозяйство России представляется как сотрудничество: государственного, земского, городского, кооперативного и частного хозяйства.

Основная масса частной собственности России — крестьянская и казачья собственность — будет восстановлена автоматически, — если к власти не придут новые социалисты.

Передача русской промышленности в частные руки с сохранением гарантий общегосударственных интересов.

Существование Монархии будет гарантией против захвата власти каким бы то ни было капиталом.

Монополия внешней торговли — как временная мера, но не как постоянная система.

Будущая Российская Государственность, как **Монархия**, работающая в тесном содружестве с Церковью, Народным представительством, местными самоуправлениями и частной инициативой.

Империя, равноправно объединяющая все входящие в ее состав национальности.

Хозяйственный строй, основанный на частной собственности и частной инициативе.

Общественный строй, основанный на равноправии всех граждан Империи без различия религии, расы и т. п.

Социальный строй — гарантия гражданских и политических свобод от посягательств соц. бюрократии и капиталистической эксплуатации.

Как сочлен ООН, — более, чем кто-либо иной заинтересованная в сохранении мира и порядка на земле.

10. Социальное законодательство.

Факт, что Россия 1913 года по своему рабочему законодательству стояла впереди всех стран мира, за исключением Германии того времени.

Только при **монархической власти** может быть решена проблема труда и капитала, охрана труда и трудящихся, защита материнства, младенчества и старости.

Все споры между работодателями и наемным трудом должны разрешаться соответствующими судебными установлениями и в самых важных случаях — представляться на усмотрение власти Монарха.

Необходимо при этом соблюдать принцип:

"Хозяйство должно служить человеку, а не человек хозяйству".

Реальная действительность России будет очень **суровой** действительностью. ("Наша Страна". № № 22, 28.)

ЗАЧЕМ ОНИ УБИЛИ РУССКОГО ЦАРЯ

Доктор исторических наук, профессор. Сотрудник кафедры источниковедения Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Член-корреспондент РАЕН. Член Союза писателей России. Лауреат I премии молодых ученых МГУ за 1995 г. и Президентской премии в области образования за 2002 г., а также ряда литературных премий.

Дмитрий Володихин родился 6 июня 1969 года. В 1993 г. окончил Московский государственный университет, с 2014 года – профессор исторического факультета МГУ. Лауреат Макарьевской премии, лауреат премии имени А. С. Хомякова, кавалер Карамзинского креста. В 2014 – 2017 годах занимался научной работой в Российском институте стратегических исследований.

Автор свыше 400 научных и научно-популярных работ, рецензий, в том числе 30 книг по истории России (монографии, справочники, сборники статей, учебные пособия). Неоднократно участвовал в международных конференциях.

Заместитель главного редактора журнала «Свой», главный редактор научного журнала «Русское Средневековье», член редколлегии альманаха «Историческое обозрение», член коллегии ЛФГ «Бастион». Действительный член Международной академии духовного единства народов мира. Почетный член историко-литературного общества «Полоцкий рубеж» (Белоруссия). Заместитель председателя Правления Историко-просветительского общества.

Область научных интересов: история Московского государства XV–XVII вв., военная история России XIII – XIX вв., история русского консерватизма и традиционализма, философия и методология истории, история Русской Православной Церкви. Главный редактор сайта «Двуглавый орел».

Дмитрий Михайлович Володихин

Меня, как историка, на протяжении многих лет очень интересовал вопрос: почему убили русского Царя? Существует огромное количество малых объяснений, ситуативных объяснений, а большого, настоящего объяснения нет или, может быть, люди опасаются его озвучить, потому что за ним открывается бездна.

Большевики боялись, что Царь станет живым знаменем борьбы за восстановление монархии? Да нет, не очень-то они боялись, знали, я полагаю, что в войсках «белых» на восточном фронте монархистов не так уж много.

Боялись, что Царь сам поднимет некое восстание? – это полная чушь.

Хотели свершить над ним какой-то мистический ритуал? – недоказуемо.

А мне кажется, что всё одновременно и проще, и сложнее. Что такое вообще революция? Понятно, что это не экспресс-развитие, как говорили в советское время, не метод восстановления справедливости и никоим образом не поиск новых путей в будущее. Это, прежде всего, механизм слома, который был запущен в XVIII веке и работал до середины XX века, а теперь его перезапустили, и все эти волны цветных революций – работа той же самой старенькой машины, которую подмазали, починили и вновь поставили в строй.

Что ломает эта машина? А ломает она традицию, традиционное устройство общества, и, в первую очередь, традиционную власть. Народы, государства, цивилизации это, прежде всего, почва снизу и Господь Бог сверху. Всякий народ, который смог создать великую цивилизацию, имеет над собой традиционно установленную власть, неизменно монархическую. Это традиционно установленная власть короля, императора, царя, освященная верой, и кроме того, народ, который создавал эту цивилизацию, верен государю, верен своей конфессии и верен своему образу жизни.

Таково традиционное общество. Если ты честно работаешь, честно дерёшься за него на войне, честно защищаешь его, когда требуется, и честно исполняешь все свои обязанности перед обществом, ты имеешь право в нём на возвышение. Это возвышение может быть трудным. Но честно что-то заработать всегда трудно. Трудно это и, в то же время, правильно.

А в обществах антитрадиционных власть захвачена самозванно, и, как правило, за этой самозванной властью стоит произвол финансового капитала: финансовые дома, общины, иногда этнически окрашенные, иногда уже настолько интернационализировавшиеся, что подчиняются бесу и не смотрят, кто из какого народа.

В любом случае, это антитрадиционное общество всегда враждебно настроено к обществу традиционному. Приведу пример. Вот Венеция, власть денежных мешков в которой продержалась несколько столетий. Венеция была на протяжении многих столетий принадлежностью константинопольской, византийской империи, потом освободилась и жестоко отомстила за власть над собой традиционнейшему из всех государств земли, византийскому императору. Потому что именно византийцы понесли на себе самую большую тяжесть четвёртого крестового похода, когда рыцари пошли не на Святую Землю отвоёвывать Гроб Господень у неверных, а отправились в христианский город Константинополь, чтобы взять его, подвергнуть разграблению и уничтожить христианскую империю.

Кто их туда вез? Венецианцы. Кто предоставил им воинский контингент? Венецианцы. Кто выторговал у этих рыцарей самые выгодные условия после войны за Константинополь? Венецианцы. Они погубили Византию, они действовали, как антитрадиционное общество действует против традиционного глубоко на уровне инстинкта.

Почему это происходит? Потому что антитрадиционное общество, общество самозванное, оно на глубинном уровне подчиняется не Господу Богу, а прямо противоположной Ему силе.

Так вот общины антитрадиционных обществ в Европе, в самопровозглашённом государстве Североамериканские Соединённые Штаты готовили революции на протяжении поколений, производили свое большое дело. И для них всё то, что соотносится с понятием традиционное общество, было всегда и неизменно ненавистно.

Дело было не только в том, чтобы уничтожить монархию, не только в том, чтобы втоптать в грязь Церковь, лишить её всех возможных привилегий в обществе. Дело было в том, чтобы заровнять всё, что можно, чтобы оно не шевелилось. Есть царь, его надо убить со всей семьёй, где бы он не находился, потому что он настоящий, а всё, что исходит от антитрадиционных обществ – фальшивое, самозванное. Это ненависть самозванца к Государю, который правит по праву. Это ненависть тех, кто подчиняется бесу, к людям, которые служат Богу. Это ненависть из преисподней, она должна была, обязана была вылиться в крайние формы.

Офицеров в двадцатые-тридцатые годы убивали не по подозрению в том, что они участвуют в каких-то монархических или террористических группировках, а только потому, что они были когда-то частью традиционного общества. Они помнят, как всё было. Пусть они могут быть тысячу раз полезны советской армии, но они должны быть уничтожены, потому что они бывшие офицеры, просто по факту.

То же самое и с духовенством. Священнослужителей убивали, сажали в лагерь, морили голодом, у них отбирали возможность вести богослужение, разрушали храмы не потому, что советская власть в 30-е годы так боялась Церкви, а потому, что она её ненавидела как часть традиционного общества. А если осталось что-нибудь от традиционного общества, раскатать до полного уничтожения.

В середине 40-х годов товарищ Сталин решил оживить Церковь, но только потому, что тяжела оказалась Великая Отечественная война, и очень товарищ Сталин боялся, что Церковь, восстановленная на Украине Третьим рейхом, силами вермахта, окажется такой силой, которая не позволит советской армии уничтожить себя, заставит народ оказывать сопротивление. Тогда он решил не рисковать и кое-что отдал из того, что отобрал у Церкви, кое-кого из тех, кто сидел в тюрьмах и лагерях, освободил, единственное, что из гроба он не мог поднять великое множество священников и архиереев, которые в годы его правления были загнаны на три метра под землю. Вот этого он не мог сделать.

Всё, что было в России настоящего, подлинного – Царь, русский народ, Церковь, армия – всё было либо уничтожено, либо подведено к положению, в котором человек должен был отречься от своих корней, даже если чудом и выжил. Понимаете, это звериная, инстинктивная, сущностная злоба антитрадиционных обществ к традиционным.

И я полагаю, что этот процесс не остановился, он идёт на наших глазах и не думайте, что если вы стоите в сторонке, вас пощадят и не тронут. Нет, после того, как уничтожат тех, кто сопротивляется, придут к тем, кто своей пассивностью решил выторговать покой и мир. И этих раздавят точно так же. Никто не отсидится.

О СВЯТЫХ РУССКИХ ВРАЧАХ

Александр Григорьевич Чучалин в 1957 году поступил в 2 МОЛГМИ им. Н. И. Пирогова, параллельно с учебой работал медбратом. Затем были ординатура, аспирантура, которую он окончил досрочно, и защита кандидатской. С 1967 по 1975 год он ассистент и доцент кафедры внутренних болезней, которой заведовал профессор Павел Николаевич Юренев. В 34 года защитил докторскую диссертацию, вскоре получил звание профессора и возглавил кафедру госпитальной терапии 2-го МОЛГМИ им. Н. И. Пирогова (ныне ГОУ ВПО РГМУ Росздрава), которой руководит более 30 лет.

В 1982 году Александр Григорьевич был избран членом-корреспондентом, а в 1987 году – академиком АМН СССР (ныне РАМН). С 1987 по 1990 годы профессор А. Г. Чучалин – вице-президент АМН СССР.

С именем Александра Григорьевича Чучалина связано признание отечественной пульмонологии как самостоятельной медицинской отрасли, появление среди прочих равных врачебной специальности «пульмонология», утверждение должностной категории врача-пульмонолога.

Знаменательным в его жизни стал 1990 год – год открытия созданного им Научно-исследовательского института пульмонологии. Вначале институт входил в состав Российского государственного медицинского университета, а в 1991 году получил самостоятельность. За сравнительно короткий срок НИИ пульмонологии МЗ РФ становится головным пульмонологическим центром в стране, способным решать многие фундаментальные и прикладные задачи.

В 1990 году им создан научный журнал «Пульмонология». Александр Григорьевич – член редколлегии журналов «Терапевтический архив», «Врач», «Русский медицинский журнал» и «Journal of Environmental medicine and Environmental Sciences», «Respiratory Care».

Александр Григорьевич Чучалин – инициатор, организатор, научный руководитель и безменный президент ежегодного Общероссийского национального конгресса «Человек и лекарство». С 2005 г. – является председателем правления «Российского респираторного общества», которое объединяет врачей в области респираторной медицины и проводит ежегодные Национальные конгрессы по болезням органов дыхания. Миссия конгресса – обучение врачей. Идея этого крупнейшего конгресса – претворение в жизнь мечты Александра Григорьевича о непрерывном и безостановочном образовании специалистов XXI века. Неустомимый новатор, А. Г. Чучалин принимает активное участие в разработке и внедрении

в лечебную практику новых отечественных антиастматических лекарственных препаратов. Александр Григорьевич является научным руководителем государственной научно-технической программы «Здоровье населения России» и президентом одноименного фонда.

Во многом благодаря стараниям А. Г. Чучалина решена сложная и на первый взгляд неразрешимая проблема – обеспечение больных бесплатной лекарственной помощью. Пройдя многие бюрократические препоны, он добился признания Минздравом России разработанных противоастматических средств и включения их в список жизненно необходимых препаратов.

Академик А. Г. Чучалин – эксперт ВОЗ, председатель регионального отделения по СНГ INTERASTHMA, член исполнительного комитета Общества православных врачей. С 2005 года – главный терапевт Минздравсоцразвития Российской Федерации.

Александр Григорьевич не только в совершенстве владеет ораторским искусством, но и является опытным педагогом. Нестандартность мышления, легкость изложения материала, в сочетании с глубокой эрудицией по различным вопросам медицины, умение увлечь слушателей – все это притягивает молодежь на его выступления.

Под научным руководством А. Г. Чучалина защищено 40 докторских и 116 кандидатских диссертаций. Его ученики и сотрудники достойно представляют отечественную пульмонологию за рубежом: в США, Канаде, Швеции, Франции, Израиле, Германии. Его перу принадлежат 23 монографии и учебников, более 400 научных статей в фундаментальных журналах нашей страны и за рубежом

В 2006 году под руководством А. Г. Чучалина была проведена первая в России успешная двухсторонняя трансплантация легких, признанная во всем мире вершиной современных медицинских технологий.

Это талантливый ученый с широким научным кругозором, оригинальными подходами в решении многих вопросов теоретической

Александр Григорьевич Чучалин

и практической медицины. В России и за рубежом научные круги по достоинству оценили его труды. Он избран почетным членом Кубинской, Чешской, Европейской академии наук и искусств, академии «Восток-Запад», Академии Рамазини. В 1997 году несколько международных научных центров назвали академика Чучалина «Человеком года». Американским биографическим институтом он отмечен за особый вклад в развитие мировой цивилизации. В 2003 году Александр Григорьевич стал первым в России лауреатом международной премии «Золотой Гиппократ».

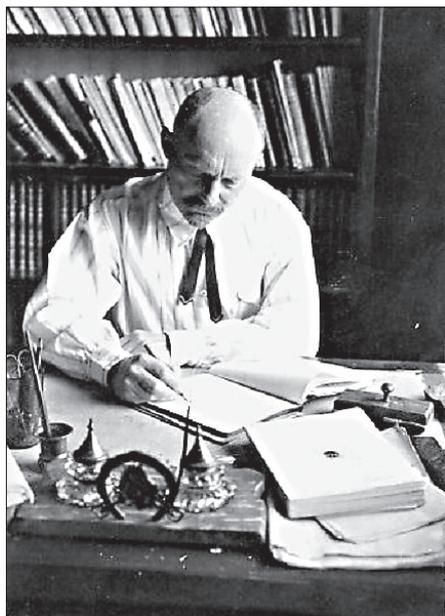
А. Г. Чучалин награжден орденом «Знак Почета» и медалями. Трижды лауреат Государственной премии Правительства РФ. В 2006 году награжден орденом «За заслуги перед Отечеством». В 2009 году премией «Признание».

Удивительное сочетание таланта клинициста, ученого и организатора поставило Александра Григорьевича в ряд ведущих представителей современной российской медицины. Широта его интересов и круг знаний как в фундаментальной науке, так и в практических вопросах клинической деятельности, умение сформулировать основные проблемы сегодняшнего дня и поставить вопросы, требующие своего решения завтра, вызывают восхищение и мало кого оставляют равнодушными.

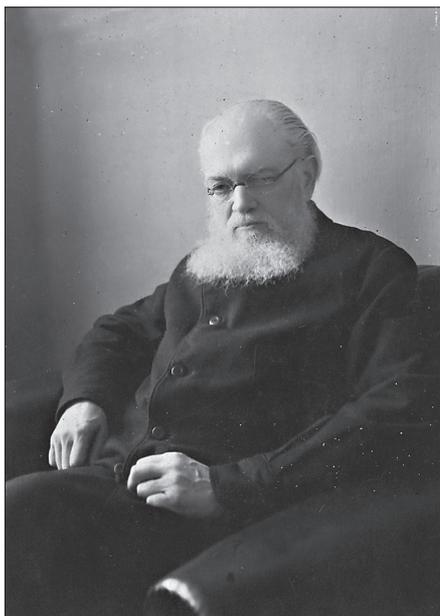
Добрый день, уважаемые дамы и господа! Владыка, благословите меня на лекцию, в которой я постараюсь в короткое время изложить суть¹.

Этот год, 2017-ый – он особый, потому что 150 лет назад родился замечательный врач и писатель Викентий Викентьевич Вересаев. Вересаев окончил филологический факультет Санкт-Петербургского университета и стал за короткое время очень известным писателем, поэтом (он перевел Гомера, знал много языков), и при этом он понимал, что все-таки очень далек от человека, от его нужд. И он искал путь, как стать к человеку ближе? Окончив в Дерпте медицинский факультет, на котором учились в свое время Н. И. Пирогов и Владимир Иванович Даль, он стал земским врачом на своей родине, в Туле, где работал его отец. Как земский врач на основе большой врачебной практики он написал в 1903 году «Записки врача». Эта книга стала невероятно популярной во всем мире, она известна в Америке, Великобритании, Германии, Франции.

¹ Выступление в Самарском государственном университете путей сообщения 30 мая 2017 г. на пленарном заседании XIV Международной научно-практической конференции «Наука и культура России», посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Викентий Викентьевич Вересаев

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)

По этому поводу он встречался со Львом Николаевичем Толстым. Толстой вообще скептически относился к врачебному искусству, к врачеванию, но прочтя «Записки врача», он захотел, чтобы Вересаев стал его лечащим врачом. Но сам Вересаев считал, что не соответствует тому, чтобы быть врачом такого выдающегося человека, как Лев Толстой.

После Второй мировой войны, когда принимался Кодекс профессиональной этики врачей, за основу была взята книга Вересаева «Записки врача».

Но я хотел бы, продолжая эту линию, сказать о другом человеке, который в наше общество вошел как доктор медицины – о святителе Луке (Войно-Ясенецком).

Вересаев и Войно-Ясенецкий – это врачи Первой и Второй мировых войн, которые очень остро поставили проблемы этики в тот период, который переживала Россия в прошлом столетии.

Посмотрите на фото, на руки этого святителя, святого Луки. Этими руками он оперировал очень много людей. Когда стали подводить итоги Второй мировой войны, то поняли, что врачи внесли огромный вклад в её итоги, потому что более 30 процентов солдат, успешно вылеченные врачами, вернулось в строй в свои части. Этими руками он

Выступление А. Г. Чучалина в СамГУПС. 30 мая 2017 г.

лечил очень тяжелых больных, страдавших фурункулом лица, гнойными заболеваниями, абсцессом. В 1941 – 1943 годах он был главным хирургом эвакогоспиталя 15 – 15 в Красноярске. Недалеко от Красноярска есть село Большая Мурта. В этом селе он окончил замечательное свое произведение – «Очерки гнойной хирургии». В 1944 – 1946 годах, возглавляя Тамбовскую епархию, святитель Лука мало оперирует, мало занимается практикой, но труд его очень популярен, и у каждого врача-хирурга на передовых и в медсанчастях на столе лежала его книга «Очерки гнойной хирургии». И врачи, которые сталкивались в своей ежедневной практике с какими-то сложностями, шли в ординаторские, открывали его «Очерки» – это стало действительно легендой.

В декабре 1946 года святителю Луке (Войно-Ясенецкому) за выдающиеся достижения в медицине была присуждена Сталинская премия 1-й степени, большую часть которой он пожертвовал сиротам павших на войне. Посмотрите, как напряженно работал человек, он все время работал умственно. Толстой очень хорошо сказал: «Если ты хочешь быть здоровым и долго жить, обязательно заставляй мозг работать. Обязательно учи языки». И, как вы знаете, сам Толстой начал учить древне-греческий язык, когда ему уже было под восемьдесят лет.

Возвращаясь к Войно-Ясенецкому, я хочу сказать о том, что он вроде бы немного написал, но все написал «по делу». У него есть уникальнейшая работа – «Я полюбил страдания». Не полюбил тоску, гонимую, а полюбил страдания. И вот всю свою жизнь он действительно

демонстрирует высочайшую любовь к человеку. Одну операцию он сделал в городе Енисейске. В церкви он заметил человека, который был подслеповат, плохо видел, плохо ориентировался. Войно-Ясенецкий закончил службу, подошел к нему и говорит: «Я тебе сейчас сделаю операцию, ты увидишь иконы, увидишь свет». Он достал небольшой чемоданчик, где лежали его офтальмологические приборы, и сделал человеку операцию. Дикий крик раздается в церкви: человек прозрел. Войно-Ясенецкий с трудом сдерживал его, чтобы из одного болезненного состояния тот от большой радости не перешел в другое.

Почему я об этом так подробно рассказываю? Потому что у нас, российских врачей, есть то, чего нет ни у кого в мире, – у нас два святых врача. А вторым святым врачом, вслед за архиепископом Лукой – и я хотел бы поблагодарить митрополита Самарского и Тольяттинского Сергия за то, что он внес большой вклад в его канонизацию, – стал страстотерпец врач Евгений Боткин. Его прославление началось здесь, в Самаре. В 2013 году 3 – 4 октября мы проводили IV Всероссийский съезд православных врачей, который открыл митрополит Сергий. И я впервые сделал доклад «О роли Общества православных врачей России в современной жизни», в котором затронул тему канонизации Евгения Боткина, и собственно говоря, мы здесь впервые обозначили этические горизонты нашего врачебного сообщества. Это был сложный период, очень сложный. Одно дело – мы воодушевлены, нас объединяют эмоции, чувства, а другое дело, что результат не замедлил сказаться, и вот уже на Архиерейском соборе 3 февраля 2016 года врач Евгений Боткин был канонизирован. И это тоже вопрос этики, потому что царский лейб-медик Евгений Боткин действительно был среди тех людей, которые прошли с Царской Семейей до конца. Ему несколько раз предлагали уйти, спастись, но он сказал: «Уважаемые господа, поймите же, я не могу оставить больного ребенка». А как вы знаете, Цесаревич болел гемофилией. У него одна гемофилическая атака шла за другой, и он, собственно говоря, рос инвалидизирующим такой тяжелой болезнью. И в ту ночь, когда семью царственных узников отвели в нижнюю часть ипатьевского дома на расстрел, Боткин спустился с Цесаревичем на руках и был расстрелян вместе с Царской Семейей, все погибли. В кармане его кителя осталось письмо, в котором он обращается к своему брату Александру. Евгений Боткин пишет о том, что он, можно сказать, уже не жив, что, по всей видимости, никогда уже его не увидит, и он приносит в этом письме извинения своим оставшимся в живых детям, Глебу и Татьяне (старший его сын погиб в Первую мировую войну). Евгений Боткин пишет о том, что, наверное,

Иван Александрович Ильин

и с его детьми Бог сделает так, как Он сделал по отношению к Аврааму и Сарре, когда Он взял на Себя попечение об их сыне. Так и доктор Боткин поручил своих детей Богу и ушел из жизни внутренне счастливым человеком, потому что он оказался выше репрессий, выше угрозы смерти, он, как врач, свой крест пронес до конца. И Боткин понимал, что, оставляя детей сиротами, передает попечение о них Самому Богу.

Татьяна, его дочь, живя в Париже, соберет большой материал и напишет замечательную книгу «Последний лейб-медик Царской Семьи». Хотелось бы, чтобы самарские храмы приобрели икону праведного врача Евгения к столетию со дня расстрела Царской Семьи.

Заканчивая свое выступление, обращаюсь к замечательному философу Ивану Александровичу Ильину. Цвет интеллектуальной части нашего общества был выслан Лениным в 1922 году в Западную Европу. Ильин тогда оказался в Женеве. Прошло какое-то время, и чувство тоски по своему московскому врачу заставило его написать это произведение – эссе «О призвании врача». В вольном изложении привожу особо затронувшие меня моменты. От имени русских эмигрантов Ильин пишет своему врачу: «Мы скорбим о том, что у нас нет возможности общаться с вами и думаем о том, что когда у нас была такая возможность, мы до конца не смогли вам передать свою любовь и уважение. И я хочу вам сказать, что сегодня, наблюдаясь у женевских врачей, я вижу, что вы как врач были лучше, вы более проникновенно лечили, более успешно, чем европейские врачи, хотя они имеют хорошее оборудование, хорошие офисы... Вопрос: в чем дело? Вы лечили своих пациентов иначе, чем иностранные доктора, лучше, зорче, глубже, ласковее... и всегда с большим эффектом. Я спрашиваю, в чем состоит ваш способ диагноза и лечения, который вы применяли». Проходит некоторое время, Ильин получает письмо от московского врача

с просьбой: «Если я уйду из жизни, я вам даю право опубликовать это письмо». Вы посмотрите, какая тонкая грань этики: «Я уйду из жизни земной, а в духовной-то я останусь, и я буду видеть события, которые будут развиваться после того, как вы опубликуете это письмо».

Прошло много времени, и я сегодня на трибуне, выступая перед вами, цитирую это письмо. Сила этого письма в ответе московского врача Ильину. Он пишет о том, что способ его лечения соответствует прочной и сознательной традиции русской медицины. Сильные слова. То есть существует понятие «традиция русской медицины», и говорится о том, что это прочная и осознанная система. Врачебная присяга, которую приносили все русские врачи и которой мы обязаны русскому Православию, та присяга, которую принимали врачи Царской России... В чем сильная сторона того, о чем писал Ильину московский врач? Согласно той традиции, деятельность врача есть дело служения, а не дохода.

Серьезный этический выброс в сегодняшнее наше общество. Оно переживает очень сложный период. Почему мы¹ так сегодня сблизись с Русской Православной Церковью? Потому что мы хотели бы вместе преодолеть этический кризис, который сформировал моральную коррупцию современного общества.

*Святой страстотерпец праведный врач
Евгений Боткин. Икона*

¹ Общество православных врачей России.

«СЛУЖИТЬ БОЛЬНОМУ ИЛИ ОБ ИСКУССТВЕ ВРАЧЕВАНИЯ»

БЕСЕДА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА «ДС» АРХИМАНДРИТА
ГЕОРГИЯ (ШЕСТУНА) С ДОКТОРОМ МЕДИЦИНСКИХ НАУК
АЛЕКСАНДРОМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ ЧУЧАЛИНЫМ

Архимандрит Георгий: Вы рассказывали об основных этических проблемах современной медицины.

Александр Чучалин: Если мы будем соблюдать наши традиции, использовать тот опыт, который мы накопили в области этики, деонтологии¹ и морали, мы, конечно, сможем преодолеть этический кризис. В той ситуации, которая сложилась сегодня и у врачей, в различных формах врачебной деятельности, и в других сферах, нужно правильно «поставить диагноз» и лечить. Вот из этого мы и будем исходить.

Первый диагноз – это этический кризис в области медицины, медицинского образования и близких к нему гуманитарных дисциплинах, скажем, таких как история России и многих других. Для того, чтобы выйти из этического кризиса, как это было хорошо сказано философом Иваном Ильиным, надо общество развернуть в сторону православной традиции. Врачебное сообщество до революции приносило врачебную присягу, согласно которой «деятельность врача есть дело служения, а не дело дохода». Лучших слов не придумаешь, откровенно говоря, чем привел Ильин. И я все время над этим размышляю с молодыми врачами. Первое, что мы должны сделать, – минимизировать врачебные ошибки. В структуре врачебных ошибок более 92 – 94 процентов обусловлено тем, что потеряны связи между больным и врачом, нет общения с человеком. Из-за этого происходят недоразумения, а иногда и горестные явления современной медицины, потому что лечащий врач не смог уделить пациенту достаточного внимания, разобраться в болезни, собрать анамнез, сделать полноценное обследование, а не заниматься системой «пинг-понга», отсылая пациента туда-сюда: снимите электрокардиограмму, сделайте компьютерную томограмму, ультразвуковое исследование. И вот московский врач, о котором идет речь в эссе Ильина², он как раз и говорит

¹ Деонтология – раздел этики, в котором рассматриваются проблемы долга и должного.

² Ильин И. А. О призвании врача // Путь к очевидности. М., 2007.

о том, что для русской медицинской школы личностный подход является весьма характерным. Все твердят: душа, душевное отношение... Когда наши врачи оказываются на Западе, работают в больницах разных стран и континентов, они очень быстро прогрессируют, и их охотно принимает врачебное сообщество. В основном это происходит за счет пациентов, потому что они видят именно к ним душевно расположенного доктора.

Итак, диагноз – этический кризис, порожденный изменениями в современном обществе. Эти изменения, произошедшие при распаде Советского Союза, стали со временем катастрофически обнажаться. А лечение, оно одно – служить больному человеку, другого лекарства нет.

– **Замечательные слова.**

– Здесь хочу сказать о совместной работе священника и врача. Традиционная медицина развивалась как ветвь религиозная: первые лечебные учреждения появились при храмах. Понимаете, хочется свой опыт передать, я работаю в большой больнице¹ на 1200 коек, и там лежат самые разные больные: терапевтического профиля, очень много больных с онкологическими, с сердечно-сосудистыми, хирургическими заболеваниями – это основной профиль нашей больницы. И теперь уже прошло три с половиной года, как я открыл больничные храм, который связал с именем Боткина². Отец Максим Синюк, мы вместе с ним работаем, всегда приходит во врачебную аудиторию на Пасху, Рождество, Вознесение, – на все основные религиозные праздники. Он не выступает с лекциями каждый день, потому что в аудитории находятся и врачи-иудеи, и мусульмане... Но меня поражает, как студенты других конфессий реагируют на эти лекции. Они не отторгают Православие, а воспринимают его как культуру. В эссе Ильина московский врач говорит о врачебной присяге, которая с благоговением приносилась всеми, даже неверующими людьми. Потому что основа основ служения врача – любовь к человеку. А это не противоречит ни одной религии.

Мы встречаемся с тяжелыми больными каждый день и каждый день размышляем, чем бы помочь данному конкретному человеку. Бывают люди, с которыми врачи не могут найти общий язык. И тогда я звоню отцу Максиму и говорю: «Отец, в блоке интенсивной терапии мы реанимировали женщину, она вышла из клинической смерти, но у нее жестокая депрессия». Когда мы спасаем людей, вырывая у смерти, которую они пережили, первое, что с ними происходит – сильнейшая депрессия.

¹ Городская клиническая больница №57 имени Д. Д. Плетнева. Москва, 11-я Парковая улица, 32.

² Храм в честь святого страстотерпца врача Евгения Боткина был открыт 25 марта 2016 года.

Храм в честь святого страстотерца, праведного врача Евгения Боткина был освящен епископом Орехово-Зуевским Пантелеимоном 25 марта 2016 г. Для его создания многое сделали директор НИИ пульмонологии Александр Чучалин (крайний слева) и главный врач городской клинической больницы № 57 им. Д. Д. Плетнева (г. Москва) Ирина Назарова

Они малокоммуникабельны и очень тяжело всё воспринимают. В таких случаях я обязательно звоню священнику и говорю: «Отец, зайди, пожалуйста, к такому-то человеку». В основном это женщины, у мужчин депрессия проявляется меньше, а у женщин – сильнее и глубже. И я просто поражен результатами. Вначале я относился к этому скорее формально, а когда появилась такая практика, накопился опыт, я увидел, что союз врача и священнослужителя просто необходим, это именно тот случай, когда мы понимаем друг друга. Отец Максим стал инициатором открытия больничного храма, к нам приезжали родственники Царской Семьи, потому что это был первый храм, связанный с именем святого врача Евгения Боткина, и они тоже были поражены. У нас небольшой храм, фактически это приспособленная под храм больничная палата, а его влияние неопределимо... Сейчас в храм к батюшке приходят онкологические больные, больные перед операцией, студенты перед экзаменами, случаются и у врачей какие-то семейные волнения и т.д.

Поэтому этический кризис – это такое дело, которое нам нельзя упускать. Понимаете, я считаю, что этот вызов сегодняшнего дня – и перед священнослужителями, и перед врачами – таков, что мы не должны совершить ошибку, потому что тогда уже последующим поколениям

будет предельно сложно выйти из нравственного кризиса. У нас нет права на ошибку.

– Александр Григорьевич, многие явления, которые происходят в современном обществе, – это и изменение мировоззрения молодежи, и развитие компьютерных технологий, и появление сетевых структур, и, в том числе, многие проблемы образования и медицины – рукотворные. Как, например, приравнивание медицины и образования к сфере обслуживания, то есть замена понятия служения некими экономическими механизмами. Но при этом сами творцы всех этих процессов называют эти процессы объективными. То есть рукотворное, субъективное, то, чего можно было не делать, теперь становится объективным, данностью нашей жизни. Думаю, что этическая проблема наших дней заключается в том, что пытаются заменить служение в таких областях, как образование, медицина, оборона Отечества, какими-то экономическими рычагами. Кто за мзду пойдет погибать за Родину, кто будет платно любить пациента? Вместе с этим появляются еще какие-то технологические вещи: пролечили – не получилось, попробуем другой метод. Как это преодолеть?

– Я преподаю уже не первый десяток лет, сам был студентом, потом молодым преподавателем, доцентом, профессором, член-корреспондентом, академиком и так далее. И, конечно, на моей памяти сменились разные поколения студентов. Если взять советский период, тогда студенты были симпатичными молодыми одаренными людьми, имею в виду свой преподавательский опыт, я всегда тщательно готовлюсь к занятиям со студентами и не отношусь к этому формально. Может быть поэтому у меня всегда был хороший контакт со студентами. А вот в 1990-е годы мы потеряли студенческую молодежь. Им надо было зарабатывать, и многие приостановили свое высшее образование. Каждую субботу я собираю аспирантов и ординаторов и провожу с ними занятия. Так уже три десятка лет. И вот наступил период, когда я входил в аудиторию, а там три-четыре человека, в то время как двадцать-двадцать пять отсутствуют. Спрашиваю: «Что произошло? В чем дело?» Стали торговать на рынках: приходят, предлагают свои услуги, им дают торговую точку, и они продают помидоры, огурцы, картошку, парфюмерию и так далее. Вот это поколение 90-х годов, оно ведь, дорогой отец Георгий, сейчас основное ядро сегодняшней медицины, эти люди, которые потеряли мораль. Собственно говоря, мы сейчас расхлебываем то, что случилось в 90-е годы. Но 90-е годы прошли, наступило новое столетие, new millennium, как теперь говорят, и современное студенчество прагматично до предела. Будущие врачи выбирают свою специализацию, исходя из того, сколько они будут зарабатывать, какие деньги у них будут и так далее.

– То есть какая специализация выгоднее, да?

– Да, специализация выгодна та, которая принесет больше денег. И вот я стал невольным участником такой беседы среди выпускников. Ведут беседу человек 12 – 14. И один обращается к другому: «Ты куда пойдешь? Кем хотел бы стать?» Тот отвечает: «Конечно, хотел бы стать главным врачом». Я был поражен: чтобы во времена моего студенчества кто-то из нас захотел стать главным врачом – это нонсенс, такого я не мог себе даже представить. А другой студент говорит: «Ты знаешь, сколько надо заплатить, чтобы назначили главным врачом!» Первый, в свою очередь, спрашивает: «Ну а ты кем хочешь быть?» Тот отвечает: «А я стал бы заведующим отделения». – «Какого?» – «Лучше всего онкологии». – «Почему?» – «Там больше денег несут». Вот современное мировоззрение, вся его мораль и правда. Этот пример иллюстрирует существующий разрыв между долгом и этикой. Если с таким отношением к долгу будет сформирован современный этический кодекс, это станет катастрофой для общества. Такого не должно быть. Тем более, что правовое поле, регулирующее взаимоотношения врача, пациента и общества, сегодня еще не развито.

Современные студенты действительно хорошо владеют компьютером, некоторые знают иностранный язык, понимают рынок услуг, на который им нужно ориентироваться. Но что мне больше всего не нравится, та тенденция, что преобладает две категории специализации: администраторы и нелечебники, то есть никто не хочет заниматься лечебной работой, а только бы сесть за ультразвуковой аппарат или компьютерный томограф. То есть самого больного-то врачи практически не видят, а судят по показаниям прибора, который исследует лишь какой-то отдельный фрагмент тела человека.

Приведу такой пример. Последняя операция – пересадка легких девочке с муковисцидозом, тяжелой генетической болезнью. Длительная операция продолжалась около 12 часов. И вот снимают катетеры, а когда их снимают, мы просим специалиста по ультразвуку сделать оценку состояния вен: нет ли тромба или воспаления. И вот приходит молодой специалист по ультразвуку и говорит: «Да, образовался тромб». А что такое тромб? Нужно сделать всё, чтобы он не пошел гулять по венам и не привел к эмболии лёгочной артерии. Мы сомневаемся, просим прийти эксперта по ультразвуку. Приходит эксперт, говорит: «Да нет, всё нормально, тромба нет». То есть садятся молодые специалисты за аппараты, не имея клинической практики, и глядя на экран прибора, на эти маленькие картинки, принимают ответственные решения по поводу того или иного больного. Вот это сегодняшняя проблема.

Итак, мы видим, какие изменения привнесли 90-е годы в область этики врачебного общества. Собственно говоря, только сейчас, в беседе с вами, я это осознал и сформулировал. Мы вошли в этический кризис из-за расчеловечивающих реформ 90-х годов, которые привели к тому, что пришли стандарты и протоколы, пришли услуги и отошло служение. И все мы, всё наше общество, – страдаем от этого.

– **Насколько узкая специализация, особенно в профессиональном поле лечебной медицины, способствует пониманию человека? У меня был такой случай. Обратился я к знакомому врачу скорой помощи, у меня заболело где-то в одном месте, говорю: «Вот здесь что-то болит, в боку опухло». Он спрашивает: «У тебя мозоль есть на пятке?» – «Есть». «Ну вот, – говорит, – залечишь ее – и там пройдет». Вот какое понимание! Экстренная помощь в том и состоит, что должна сразу реагировать на подобные вещи. Это и есть понимание целостности человека, взаимосвязи всех органов и систем в организме. Причина болезни ведь часто не в самом больном органе, а вообще в другом месте может быть.**

– Что нас ожидает? Вот прогноз: будет ухудшение. И в Министерстве здравоохранения приняли такое решение, при котором эта ситуация будет, к сожалению, тиражироваться. Сегодня выпускники медицинских университетов, и самарского в том числе, после шестого курса должны стать участковыми врачами. Но что такое участковый врач без опыта, без специальной подготовки? Участковый врач – это врач очень высокой квалификации. Как раз такой, о котором вы говорите. Так же, как и врач скорой помощи. Этому специально обучают. И если посмотреть на западные модели образования, там после шести лет учебы в университете студенты три-четыре года изучают именно ту область медицины, в которой они будут врачевать. Для этого нужно попасть в хорошую клинику к опытным наставникам. Запад делает такую вещь. Допустим, нужно подготовить нейрохирурга. А можно ли подготовить много нейрохирургов? Нет, это штучная специальность. Если в год страна подготовит от пяти до десяти нейрохирургов, которые действительно смогут проводить эффективные операции, это будет счастье. Или, скажем, сколько нужно врачей такой специальности, как ангио- и кардиохирургия, которые производят стимуляцию работы сердца и т.д.? Это тоже штучный продукт. Таких специалистов страна может подготовить только в специальных научных центрах, где для их обучения абсолютно всё есть. А так как ничего этого у нас не делается, то мы стоим перед фактом, что у выпускника вроде бы есть «узкая специальность». Так мы проиграли сегодня подготовку врачей первичного звена из-за неправильной установки, неправильной ориентации, которые обязательно

приведут к снижению качества оказания медицинской помощи. Это одна сторона.

А вторая – это то, о чём писал еще Вересаев. Будет большой отток из медицины, потому что неопытные медики столкнутся со своей беспомощностью. Столкнётся врач с одним горем, с другим – и увидит, что ничем человеку помочь не может. Придёт домой, сядет в тоске, напишет заявление и уйдёт из медицины.

Поэтому хочу сказать, что если 1990-е годы породили одну проблему, то 2017-й год породил другую, ещё более серьёзную, которая приведёт к ухудшению качества оказания медицинской помощи.

– **Всё же что есть профессия врача? Молодым людям, которые поступают в медицинские институты, я говорю: «Вы вообще представляете, что это такое? Это страдания, боль, смерть, забота о больном человеке. Вы готовы к этому психологически?»** Думаю, многие сейчас вообще не осознают, что это служение, которое связано с милосердием, а представляют медицину только как «оказание услуг». Очень интересную тему вы поднимаете. ВИЧ-инфицирование, наркомания и т.п. – это вообще проблемы медицинские?

– В первую очередь, это социальные проблемы. Есть болезни, которые так и классифицируются, как социальные: туберкулёз, венерические заболевания, алкоголизм и т.д. Но когда человек получил, например, ВИЧ, то через какое-то время он становится тяжелобольным. Это уже медицинская проблема: оказывать ему помощь, предотвращать прогресс заболевания. Поэтому из социальных проблем они переходят в одну из наиболее тяжёлых проблем медицины.

– **Наблюдал такой феномен. Владыка благословил нас работать с наркоманами. Много лет мы этим занимаемся. Некоторые молодые люди живут у нас в монастыре и им периодически нужно сдавать анализы. Так вот, человек живёт в монастыре, приезжает в город, сдает анализы – и у него ничего не обнаруживается. Проходит время, снова едет, сдает анализы – ничего. Тогда он говорит: «Ну всё, пойду домой, у меня дела». Возвращается в мир и начинает жить так же свободно и невосторженно, как и раньше, до монастыря. И тут у него опять анализ положительный! Этот эффект всех удивляет.**

– Конечно, этому факту можно дать интерпретацию.

Это изучает эпидемиология. Конечно, лаборатории, которые проводят подобные анализы, должны быть сертифицированными. А такие лаборатории сейчас, в основном, платные, и получить качественные анализы, данным которых можно верить – это настоящая проблема. Не знаю, как в Самаре она решается...

– У нас есть «СПИД-центр» («Самарский областной клинический центр по профилактике и борьбе со СПИДом»). Там бесплатно можно пройти все необходимые обследования. Оборудование есть, всё сертифицировано.

– Да, правильно. Когда говорят о гепатитах, о ВИЧ-инфекции, о венерических болезнях, то всегда очень важно, чтобы лабораторные исследования показали не только то, как иммунная система работает, а количество генетических копий вируса в структуре ДНК. То есть качественное генетическое исследование по тем или иным вирусам имеет большое значение, чтобы сделать правильную трактовку состояния здоровья конкретного человека.

Некоторые монастыри и храмы сыграли большую роль в отказе людей от употребления наркотиков. В меньшей степени помогают с ВИЧ, т. к. его нужно лечить. Здесь надо осознать реальные и нереальные задачи. Например, у человека гепатит. Чем может помочь монастырь? Здесь нужно применять специфическую терапию с тем, чтобы удалить вирус из организма человека. А вот побороть вредные привязанности, особенно к наркотикам, в монастыре человеку вполне можно помочь. Очень много сейчас таких людей, у которых и ВИЧ, и гепатит, и наркомания.

– Это сплошь и рядом, букет известный.

– Да. И ещё алкоголизм. Помощь монастырей и храмов людям, страдающим наркоманией и алкоголизмом – это реальная задача. А ВИЧ и гепатит – это уже медицинская проблема, которую и решать надо соответствующим путем. Вы, конечно, это знаете, просто я делаю акцент.

Я знаю некоторые женские монастыри, которые вносят большой вклад в решение этой проблемы, познакомился с опытом минского Свято-Елисаветинского женского монастыря и той работой, которую проводят эти замечательные женщины, монахини. Они сняли документальный фильм в реальном времени: в монастырь пришёл мужчина, выгнанный из семьи, опустившийся, бомж. Он скатился на этот путь, потому что безработный, всё из дома продал, всё спустил и т.д. И вот этот опустившийся человек пришёл в женский монастырь. Первое время он приходил в себя, его накормили, одели. А второй этап – это этап работы, потому что, не трудясь, выйти из этого состояния люди не могут. И бывший бомж трудился на строительных работах в храме; там его подучили, и стал он замечательным каменщиком. В фильме показано преобразование человека, мы в таких случаях употребляем слово «реабилитация»...

– Возрождение, преобразование.

Свято-Елисаветинский женский монастырь. Минск

– Да, да, возрождение человека. Знаете, это потрясает! Показано личное влияние одного человека на другого. Такие человеческие истории – это индивидуальная работа. А второе – это работа групповая. Вот я недавно был в США на конгрессе, там выступал директор Института исследований инфекционных заболеваний Армии США, очень серьёзной организации в Америке, генерал, высокий воинский чин. В Америке те, кто ведаёт особо опасными инфекциями, относятся к сфере национальной безопасности, и поэтому имеют воинские звания. Этот человек рассказал, как бы немножко бахвалясь, что был «главным санитарным врачом США», так это назовём, при президенте Рейгане, при Бушах, при Клинтоне. То есть это уникальный человек в истории США. А главный санитарный врач в США – это номенклатура президента, то есть весьма влиятельная политическая фигура. У нас сейчас главный санитарный врач РФ – Анна Юрьевна Попова, замечательный врач. Она действительно очень много сделала и ещё, я думаю, сделает. И американский генерал показал такой слайд: президент США Клинтон приходит в институт по борьбе с инфекционными заболеваниями в отдел по борьбе со СПИДом и проводит встречу с больными. Обратите внимание: первое лицо административной иерархии США встречается с больными СПИДом, разговаривает с ними, выслушивает их, сидит с ними за одним

столом. Он хочет понять суть их проблем и найти возможные решения: медицинские, социальные и т.д. Так после этой встречи в США появилась целевая программа. Были выделены большие деньги для проведения научных исследований, и за короткое время американцы добились результатов в лечении СПИДа. Хочу сказать, что это заслуга не только врачей, важное значение здесь имеет солидарность общества в борьбе с социально значимыми заболеваниями.

– Можно ли говорить о таких болезнях как о некоем биологическом оружии?

– Это тема не для прессы, но мы можем между собой говорить об этом.

– Интересно отношение самих врачей к болезни. Мы, священники, знаем, что болезнь бывает результатом твоей жизни. Даже слово «страдание» близко к слову «страда», сбор урожая: жил-жил человек и теперь собирает урожай своей жизни. Иногда Господь попускает болезни, как апостол Павел сказал: *дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился*¹, – и эту болезнь апостол терпел всю жизнь. У многих святых людей были болезни: у прп. Силуана Афонского всю жизнь болела голова, у праведного Иоанна Кронштадтского был больной желудок, – и эти немощи они несли терпеливо, как вериги. А есть болезни, посланные к исправлению человека, потому что если он и дальше будет так жить, то может погибнуть, а Господь его как бы предостерегает. Сами врачи с какой точки зрения болезнь рассматривают?

– В зависимости от врачебной специальности. Хирурги сталкиваются с одной проблемой, реаниматологи – с другой, психиатры – с третьей. Но всех врачей объединяет одна болезнь – так называемый синдром сгоревшего врача. Когда врач устал от напряженной лечебной работы, скажем, врач-реаниматолог или врач, который ведет тяжелых больных, и в какой-то момент перестает эмоционально реагировать на тяжелую болезнь человека. Это проявляется у лечащего врача состоянием тревоги и депрессии и представляет серьезную проблему.

Терапевты более склонны к депрессии, чем хирурги. Объясняется это тем, что при всей напряженности работы хирурга она не лишена положительных эмоций: удачные операции, удачные результаты выхаживания больного. И в этом отношении хирурги отличаются от терапевтов, которые имеют дело с тяжелобольными, с безысходностью угасания. К ним близки такие специалисты, как онкологи, химиотерапевты.

¹ 2 Кор. 12, 7.

Другая проблема: врачи и медицинский персонал склонны к определенной группе заболеваний. В частности, когда начинается грипп, первыми заболевают врачи и медицинский персонал. Или, скажем, распространена такая болезнь среди врачебного персонала, как туберкулез, но не простой туберкулез, а туберкулез с множественной лекарственной устойчивостью. Это создает такой фон, на котором болезни врачей всегда осложняются неврастеническими заболеваниями. Врачи тяжело болеют, плохо выздоравливают, им трудно помогать в лечении и на них не очень эффективно действуют лекарственные препараты.

Часть врачей избегает проходить обследования, выявлять болезни. Но встречаются и такие врачи, которые, напротив, склонны искать у себя какие-то заболевания и по этой причине входят в тревожно-депрессивное состояние.

Поэтому очень трудно лечить врачей. В своё время психиатр Владимир Михайлович Бехтерев, когда он заболел и лежал в клинике нервных болезней Военно-медицинской академии, был в очень хороших отношениях со своим ординатором. Но Бехтерев и сам писал историю своей болезни, каждый день записывал, что с ним происходило. И когда выписался и взял историю болезни, которую вёл ординатор, его хороший приятель, то пришёл в ужас, сравнив, какая огромная дистанция между тем, как человек внутренне себя чувствует и воспринимает, и тем, как его видит, наблюдает и лечит врач. Так что врачи – это наиболее тяжелая категория больных.

– **То есть врачи болеть не умеют?**

– Не умеют.

– **Помните, в книге Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» есть эпизод, где одному из героев попала в руки медицинская энциклопедия, он стал её листать и все болезни у себя нашёл, кроме родильной горячки?**

– Да-да! Вересаев об этом здорово пишет. Когда он был студентом третьего курса, то при посещении каждой новой кафедры он открывал у себя новые болезни. Есть такая проблема. Но это характерно для раннего периода становления врача, на этапе обучения.

У врачей часто бывают гепатиты, особенно у тех, кто работает с препаратами крови. Сама специальность является фактором риска приобретения инфекционных и неврологических заболеваний.

– **Сейчас существует множество лекарств, убирающих симптомы. Правильно ли это – не искать причину, а подавлять симптоматику? Человек себя может чувствовать лучше, а болезнь-то не уходит.**

– Существуют определенные стандарты выпуска лекарственных препаратов, поэтому на них обязательно указывать такие сведения, как устранение симптомов, например. Информация о лекарственном препарате должна отразить всё – его позитивные и негативные свойства, терапевтическую категорию предназначения, необходимо также указать как бы «мишень», для чего оно: устранить боль, снять повышенную температуру. Это не лечение, конечно. Но когда лекарства назначаются, а человек их принимает, то он должен знать, на что он может надеяться и чем рискует. Образование в сфере фармацевтики у нас запредельно низкое.

– Даже в русском языке происходит трансформация понятий. Сейчас медицинские учреждения называют больницами, от слова «боль». А раньше называли лечебницами, то есть местом, где лечат. Сказываются ли это на процессе выздоровления?

– Хорошую тему вы подняли, отец Георгий. Как раз Боткин Евгений Сергеевич читал две лекции о том, как любить больного человека и как за ним ухаживать¹. И он в них развивает такую мысль: человек всю жизнь напряженно работает и откладывает средства на тот случай, когда к нему придёт болезнь. Он хочет относиться к лечебнице, как к дому, где всё для него, потому что он своей напряженной трудовой жизнью заработал это право. Поэтому самое правильное название не больница и даже не лечебница, а дом, куда человек приходит, когда ему становится плохо. Это как церковь для души.

Другой вопрос, насколько наши больницы этому соответствуют. У Боткина в этом отношении очень здорово сказано, что человек ждёт от лечебного учреждения обстановки, где все его любят, где всё делается именно для него. Вот этой боткинской идеи очень не хватает современным нашим лечебным учреждениям, в которых подразумевается такое обращение к больному в финале: «Больной, срок прошёл, пять-шесть дней – и вы выписываетесь, всё – пошёл-пошёл-пошёл...»

– Но, думаю, есть и другая сторона медали у этих рассуждений. Потому что мне приходилось встречаться с людьми, которые долго и тяжело болели. Болели-болели и стали выздоравливать, но возвращаться к нормальной жизни они не торопились, потому что привыкли к другому образу жизни, и им уже начала нравиться атмосфера заботы и внимания, когда их жалеют, любят. Есть такая проблема?

¹ Боткин Е. С. Надо ли «баловать» больных? Вестник С.-Петербургского Врачебного Общества взаимной помощи. 1903. №4. Типография Министерства Путей Сообщения. СПб., 1903; Боткин Е. С. Больные в больнице. 18 сентября 1897 г. // Больничная газета. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1898.

– Да, проблема эта есть. Нужно любить больного человека, но не баловать. Вот об этом как раз и говорится в лекциях Боткина.

– Какие, в самом деле, главные проблемы медицины? Меня смущают, например, нанотехнологии. Некоторые думают, что это некий технический прогресс, прорыв, но это прорыв, в основном, в области медицинских технологий. А сейчас речь идёт о максимальном продлении человеческой жизни.

– Приведу такой пример. Вчера в Самаре была гроза. А вот австралийцы обратили внимание, что во время грозы резко обостряется такая болезнь, как бронхиальная астма, и люди внезапно умирают от спазмов дыхательных путей. Австралийские ученые стали заниматься этим вопросом. Выяснилось, что в воздушной среде существуют аэроаллергены, они находятся во взвешенном состоянии, их размеры небольшие – 5 – 10 микрон. Когда через них проходит электрический разряд, они разбиваются, превращаясь в наночастицы, то есть становятся меньше одного микрона. И эти наночастицы «проскакивают» в дыхательные пути. Так нанотехнологи открыли новую страницу в науке, о чём мы раньше не знали.

Теперь, например, пытаются создать инсулиновые ингаляции, используя наночастицы, это важная задача, если её удастся решить, можно будет не колоть инсулин, а применять его в виде спрея.

Но, с другой стороны, у людей, которые заняты в nanoиндустрии, могут возникать неизвестные ранее болезни из-за контакта с наночастицами. Сейчас только начинает приоткрываться занавес профессиональных заболеваний тех, кто занят в nanoиндустрии. Контакт с наночастицами провоцирует поражения головного мозга, инсульты, тяжёлые заболевания органов дыхания. Вот такие новые медицинские проблемы.

Но наука в этом плане будет продвигаться, конечно. Наночастицы – это, в первую очередь, точная доставка лекарственных средств. И в качестве транспортёра наночастицы, конечно, очень важны. Но найти технологическое решение их применения пока ещё не удалось.

– Как совместить христианскую традицию служения врача больному человеку с развитием современных технологий? Удаётся ли эту линию развивать?

– Всё это проблемы этики. Этика заключается и в форме общения старшего поколения с младшим, когда люди, имеющие более глубокие знания, передают свой опыт молодым. И здесь, в первую очередь, необходимо передавать христианские принципы отношения к человеку. Это самое важное, и никакая медицинская индустрия заменить этого не сможет.

– Мы говорим: какая антропология, такая и психология. Такая и педагогика. Можно сказать, такая и медицина. Поэтому велики различия медицины в разных культурах, разных религиозных традициях. Она зависит от представлений о самом человеке в конкретной цивилизации. Православная медицина рассматривает человека с точки зрения его вечной жизни. Был такой интересный случай в моей практике. Один человек, достаточно высокого социального уровня, жил недалеко, я освящал ему квартиру, – жена пригласила. Он был некрещёный и так махнул рукой, мол, ладно, освящай-освящай. Даже чаем угостил. Потом он заболел. А у него был друг – очень хороший хирург, он положил его в свою больницу и сделал операцию. Операция прошла удачно, но у больного ничего не заживало. Он измучился от такой безысходности и спросил друга: «Когда же ты меня вылечишь?» – а хирург отвечает: «Ты знаешь, вообще-то лечит Господь, а я только резать могу и зашивать». Тогда человек задумался и говорит жене: «Зови священника!» Окрестил я его прямо в больничной палате. После этого хирург сказал: «Вот теперь и начнём выздоравливать». И на самом деле он поправился. Какой мудрый оказался врач! Он понимал, что может делать только то, что в его силах, а остальное – в руках Господа. На самом деле здоровье, жизнь, смерть – всё в руках Божиих.

– Интересный случай!

– Приходилось сталкиваться с таким не раз. Есть у нас прихожане – очень известные в Самаре хирурги-практики, среди них – мечта нынешних студентов! – заведующие отделениями урологии, ортопедии областных больниц. Они великие труженики. Самоотверженные люди, готовые в любое время дня и ночи приехать, прилететь, чтобы оказать помощь. Удивительно безотказные! Это просто поражает.

Можно ли сказать, что и везде так? Здесь, думаю, важно, в какие руки попадёшь. Это мастерство, которое передаётся из рук в руки: и хирургические приёмы, и отношение к человеку.

– Да, врачи уровня Войно-Ясенецкого или Боткина, они подобны Достоевскому или Толстому в литературе. Это особое дарование, дар Божий.

– Можно ли говорить, что должно быть призвание, то есть Господь призвал быть врачом, существуют ли какие-то способности, таланты особенные? В чём врачебное призвание заключается? Какие признаки в личности человека должны быть? Как определить, из кого получится врач, а из кого нет?

– Когда мы принимаем студентов в медицинский университет, то возникает вопрос, например, из десяти студентов сколько станет врачами? Мало – два-три человека. Но общество потратило большие

деньги и усилия на их обучение. И так в любом деле, не только в медицине – в архитектуре, инженерии и т.д. Сколько из десяти молодых людей, получающих соответствующее образование, станет художниками или педагогами?

Как определить будущего медика? Вот, допустим, по улице идёт множество людей, и вдруг один человек падает, ему стало плохо. Кто окажется первым возле него и начнёт ему помогать? Тот, у кого есть предрасположенность к врачебной деятельности, некий особый ген. Важно умение сострадать и умение оказаться полезным.

Или, допустим, летит самолёт, и командир корабля объявляет: «Есть ли на борту врач? В таком-то ряду человеку плохо». Мне приходилось несколько раз быть в таких ситуациях, когда я поднимаюсь и иду. В самолёте может быть много врачей, среди них оказываются и наши, российские. И вижу, что когда я начинаю хлопотать над больным человеком, они тоже хотят ко мне присоединиться, помочь. А есть и такие, которые и не пошевелиются. Вот тест на врача.

По этому поводу в своё время я прочитал записки одного шведского врача. Он в Швеции был очень известен, потом уехал в Италию и там тоже добился большого признания. С юности он знал, что на севере Швеции живёт старец, который помогает страждущим, и люди со всей Швеции тянутся к этому старцу. Он уже слепой, и всё, что он делает, это берёт в свою руку руку больного человека, проводит по ладони, что-то говорит, и тому становится лучше. Известный, именитый врач, имеющий множество наград, захотел проверить, сможет ли старец распознать, что он за человек, и отправился на север Швеции. Была осень, старец сидел на берегу озера. Врач подошёл к нему, заговорил, сел рядом, достал удочку и стал ловить рыбу. Уже вечерело, и он завел разговор о том, как старец распознает человека. Старец ему отвечает, что это сложно объяснить, и он даже сам не знает, как это получается, потому что это скорее чувственное восприятие, чем дело разума. Посидели, помолчали. Доктор сварил уху, они похлебали. А потом врач обратился к старцу: «Не могли бы вы и меня исследовать, кем я могу быть?» А старец о нём никогда не слышал и ничего не знал. Берёт его руку, и вдруг у доктора создаётся впечатление, что старец на какое-то время становится зрячим. А потом старец говорит: «Ведь ты же выдающийся врач». И доктор был абсолютно этим поражён.

Очень многое в нас зависит от генетики. Кто-то прирождённый математик или музыкант. Вересаев пишет, что есть генетическая предрасположенность к врачебной деятельности.

– У философа Ивана Ильина есть замечательная статья об одарённости¹. Он говорит, что талант искать не нужно: он заложен Богом и обязательно проявится сам. Если у человека, например, художественный талант, то он на асфальте, на заборе рисовать будет. Обладая музыкальным талантом, человек самоучкой будет на каком-нибудь инструменте играть, имея стихотворный талант, станет писать стихи. Но очень важно, что через эти способности будет выражаться. Если через них в мир будет изливаться человеческая внутренняя несостоятельность, гордыня, страсти, то это будет великая дискредитация культуры. Есть музыканты, а есть исполнители; есть певцы, а есть вокалисты; есть поэзия, а есть просто стихи. Ильин говорил, что если человек способен выразить именно Божественную энергию, благодать, то в мир через него входит то, что предназначено Богом, а человек при этом служит проводником Высшего.

Много людей, наделённых большими способностями, но только в соединении с Богом человек получает одарённость и становится гением. Сочетание Божественного дара с человеческим талантом рождает великую культуру, великие научные открытия, великие дела и свершения.

Также говорят и про некоторых врачей, что их руками водят ангелы. Посещает ли врачей подобное Божественное вдохновение?

– Да-да, конечно! Лично я могу сказать, что Божественное вдохновение приходит, когда ты помог человеку, когда вытацил его, как говорится, с того света, когда вопреки всему удалось вернуть человека к жизни. И ты это делаешь сознательно, пропуская всё через себя. Такое дано только врачам.

– Наука также является делом духовным. Часто учёный упорно бьётся над решением какого-нибудь вопроса, а потом вдруг ему становится всё понятно, поэтому учёные не говорят: «я узнал», но «мне открылось». Вы как учёный в своей жизни испытывали подобное?

– Да, всё именно так.

– Но как же быть здоровым, что вы посоветуете как врач?

– Нужно работать. Мозг всё время должен работать. Писать, читать, выступать, публиковаться. Чтобы человек был здоров, мозг его должен быть всегда в рабочем состоянии. Тело, конечно, тоже нужно поддерживать в форме. Но главное – всегда непременно трудиться умом!

¹ Ильин И. А. Одинокий художник. М.: Искусство, 1993.

«БОГ НЕ В СИЛЕ, А В ПРАВДЕ»

АКТУАЛЬНОСТЬ ПОДВИГА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Князь Александр Невский вошел в историю как великий правитель и воин, совершивший множество достойных деяний. О них еще многое будет сказано в ходе наших Чтений, но я убежден, что в наши дни особое значение приобретает первый подвиг князя Александра, совершенный им на Неве. Мне думается, что мы можем извлечь из него очень важный урок.

Обычно, при описании разгрома шведского отряда делают акцент на храбрости князя и его дружины, на внезапном натиске на превосходящие силы. Это все верно и важно. И как потом любил говаривать другой наш великий полководец Александр Суворов, смелость города берет.

Но мне хотелось бы сосредоточиться на храбрости немного иного рода, на храбрости скорее духовной. Дело в том, что перед тем как отправиться на битву со шведами молодой князь обнаружил, что просто не успевает собрать требуемое для победы количество воинов. По преданию он после молитвы в Софийском соборе обратился к дружине со словами: «Братья! Не в силе Бог, а в правде!»

В наши дни принято оспаривать все и вся. В том числе оспаривают и реальность или хотя бы значимость подвига князя на Неве. Но сейчас мы с вами не будем вдаваться в этот спор. Для нас гораздо важнее, что русский народ и русская культура восприняли и пронесли сквозь века этот глубоко христианский по духу девиз: «Бог не в силе, а в правде!».

О чем же говорит нам это девиз? Каков его смысл? Понимаем ли мы его в наши дни? Действительно, большую часть человеческой истории у разных народов одним из важнейших и понятных всем прав было «право сильного». Ведь сильный может взять себе все, что хочет, добиться успеха в любых начинаниях. Возможности сильного ограничены лишь его силой и воображением. Конечно, само понятие силы и сильного человека изменялось: сперва, это, вероятно, был самый могучий мужчина в племени, а в наши дни сила во многом определяется деньгами и местом в иерархии власти. Не изменялось лишь подспудное поклонение силе в душе человечества.

Говоря о соотношении силы и правды, нельзя обойти вниманием диалогию Александра Балабанова: «Брат» и «Брат-2». Ведь главный герой на протяжении почти всего действия ищет ответа на вопрос: «В чем сила, брат?» Ищет, и, кажется, находит. В фильме происходит разговор

главного героя с одним криминальным авторитетом: «... вот ты думаешь, что сила в бабках, а я думаю, что сила – в правде». На самом деле эти слова звучат парадоксально, поскольку большую часть фильма герой спасает именно несправедливо обиженных людей, восстанавливает попорченную правду, – сами люди защитить свою правду не смогли, и понадобилась сила героя фильма.

Как же правда может быть силой, если она столь часто попирается сильными мира сего?! И если бы это происходило только в кинематографе... Думаю, каждый из присутствующих когда-либо сталкивался с посягательством на правду, а кто-то и посягал сам, оставшись безнаказанным (лично со мной случалось и то и другое). Конечно, правда, а вернее, чувство моральной правоты может придавать сил, помочь не сломаться перед трудностями. Однако, сама по себе правда, по всей видимости, не тождественна силе. По крайней мере, силе в ее обыденном, мирском понимании.

Наверное, здесь можно бы и сказать: кому вообще нужна эта правда?! Да и была ли она действительно нужна? Особенно, если речь идет о правде проигравших, попорченных, побежденных. Или, как сейчас говорят на некоторых высоких форумах: экономически неэффективных и неуспешных. Но поразительным образом мы видим в культуре, в человеческом духе маленький, но неугасимый огонек любви к правде, стремления к истине. Мы видим эту любовь к правде в том почтении и любви, с которыми Гомер в «Илиаде», посвященной в основном воинской доблести, говорит о Гекторе, троянском герое, защищавшем дом и семью и павшем от руки Ахилла. И случайно ли именно Гектор стал одним из девяти героев, которых европейское рыцарство считало своим образцом¹?

Мы видим, как мужественно стоит за правду Сократ и погибает, осужденный согражданами. Высшее завершение этого стремления к правде мы находим во Христе, “поражение” и смерть Которого обернулись величайшей победой – преодолением отпадения человека от Бога. И в подвиге Христа человечество, наконец, узнаёт, что высшая Правда есть Любовь.

В Сербии, духовной сестре России, есть рассказ о святом благоверном князе Сербском Лазаре. Накануне решающей битвы в 1389 году на Косовом поле, когда турецкое войско во много раз превосходило числом сербское, князь имел небесное видение. Он был спрошен: какое Царство он изберет, земное или Небесное. Избрание земного Царства означало победу над турками, но вера сербов со временем была бы утра-

¹ См., например, *Монусова Е.* История рыцарства. Самые знаменитые битвы. — СПб. Изд-во АСТ. 2010. С.165.

чена. Избрание Небесного царства означало, что Сербия останется православной до скончания веков, но князь и его воины погибнут. И князь избрал Небесное царство. Всё сербское войско, причастившись перед битвой, погибло. И вот, как пишет святитель Николай (Велимирович): «Поскольку сербское войско всё на Косовом поле полегло – причем, добровольно – за истину и правду Божию, то оно и победило»¹, – а Сербия, как мы знаем, поныне православная.

Этот потрясающий урок духовного подвига сербского народа раскрывает нам не только глубинный смысл слов князя Александра Невского, но и подлинный источник силы русского народа. Бог и, следовательно, правда, а вовсе не сила, является основанием всего истинно сущего. В русской истории все подвиги народа свершались как стремление к правде и преодоление неправды. И действительно, нам часто доводится слышать об особой силе духа, проявляемой русскими воинами на поле брани. Некоторые славянофилы XIX века (И. С. Аксаков, А. С. Хомяков), а вслед за ними и наши современники, порой не стеснялись назвать русский народ народом-богоносцем. Правда, хорошо разбиравшийся в русской душе Ф. М. Достоевский писал: «Вот говорят, что русские – народ-богоносец. Правда, они люди религиозные. Они прежде, чем тебя топором зарубить обязательно перекрестятся...»².

Так в чем же дело? Как понять это противоречие? Думается все дело тут в правде, а точнее, в любви к ней, которая сохранилась в русском народе и по сей день, несмотря ни на какие исторические перипетии. Ведь не зря же В. В. Путин в интервью агентству Bloomberg сказал: «...есть одна отличительная черта, которая, наверное, у всех народов есть, но у нас она особенно ярко выражена. Это стремление к справедливости»³. Вот это наше безкорыстное, отметим, стремление к справедливости и любовь к правде и есть источник огромной духовной силы русского народа. Он богоносец в той мере и постольку, в какой и поскольку он народ-правдолюбец. И русскому человеку очень понятно приведенное выше изречение свт. Николая Сербского. Мы в глубине души знаем, что, даже проиграв, даже погибнув в борьбе за правду, мы все равно остаемся победителями. Именно поэтому Русская Православная Церковь явила миру огромное количество святых, отдавших жизнь за свою веру. И потому победили советские солдаты во Второй мировой, что сражались за правое дело.

¹ Николай (Велимирович), еп. Косово и Видовдан. Шабац: Глас церкви, 1988.

² Достоевский Ф. М. Дневник писателя.

³ Подробнее <http://tass.ru/obschestvo/3593778>

Что же все выше сказанное должно означать для нас с вами? О чем нам говорит призыв Александра Невского «Бог не в силе, а в правде!»? Мне кажется, что нам стоит попристальнее взглядеться в идолов нашего века. Идолов, которых мы порой столь охотно принимаем мы сами. Имя этим божкам: успех, эффективность и могущество. Мерить ценность стран и народов по их могуществу, а людей по успешности и эффективности – как часто мы позволяем себе это?! Как часто в стремлении к личному успеху мы готовы жертвовать совестью, семьей, Родиной (эмигрируя ради успеха)? И, наверное, не случайно в лексиконе наших управленцев конкретные дела заменились на «показатели эффективности». И ладно бы речь шла только об административных работниках: мы норовим мерить «эффективнасть» ученых, врачей, педагогов, забывая замечательные строки Пастернака:

Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что эффективность управленческих решений не важна. Но эффективность должна выражаться в реальных делах, а не бюрократических показателях, в реальном улучшении жизни общества. Важна справедливость и человечность управленческих решений. Такой эффективности невозможно достичь без правды.

Важен успех в деятельности наших предпринимателей, но не менее важны такие «старые» ценности, как честность, щедрость и милосердие. Никто не спорит о важности успехов в научном поиске и создании произведений искусства. Однако ценность их состоит не только в успехах и сопровождающем их международном престиже. Не менее, если не более, ценно само стремление к познанию и к истине, вдохновляющее многих наших ученых и художников. И уж вовсе безспорно то, что никакое государство, а Россия тем более, не может обойтись без сильной армии.

Но если мы хотим, чтобы Россия не исчезла, не растворилась в водовороте суеты мира сего в погоне за силой, успехом и эффективностью, то каждому из нас – рядовому гражданину, политику, администратору – не стоит забывать глубинную христианскую мудрость «Бог не в силе, а в правде».

Андрей Владимирович Поповкин – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН.

«ВЕРОЮ, ВЕРНОСТЬЮ, ТРУДОМ»

Евгений Сергеевич Боткин родился 27 мая (8 июня) 1865 года в Царском Селе, в семье известного русского врача, лейбмедика императоров Александра II и Александра III, профессора Медико-хирургической академии Сергея Петровича Боткина и Анастасии Крыловой, и был четвертым из двенадцати детей. С детских лет, благодаря родителям, в сердце Евгения были заложены многие добродетели: великодушие, скромность, неприятие насилия. Его брат Петр Сергеевич, ставший известным дипломатом, вспоминал: «Он был бесконечно добрым. Можно было бы сказать, что пришел он в мир ради людей и для того, чтобы пожертвовать собой».

В 13 лет, получив основательное домашнее образование, Евгений был принят сразу в пятый класс 2-й Петербургской классической гимназии. Учеба давалась Евгению легко. Он увлекался математикой, читал религиозную, историческую и светскую литературу. Любил стихи Пушкина, восхищался очерками Салтыкова-Щедрина. На развитие его литературных интересов благотворно повлияли «боткинские субботы», регулярно проходившие в родительском доме. Евгений всегда ценил мнение отца, который часто брал сыновей в клинику и перед ее посещением просил мальчиков не падать в обморок при виде крови, поскольку они – лекарские дети. О труде медиков Сергей Петрович Боткин повторял, что «нет большего счастья на земле, чем этот непрерывный и самоотверженный труд на пользу ближних», и отдавал больным всего себя без остатка.

В 1882 году Евгений окончил гимназию и стал студентом физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Однако уже на следующий год, сдав экзамены за первый курс университета, поступил на младшее отделение открывшегося подготовительного курса императорской Военно-медицинской академии, которую и окончил с отличием в 1889 году со званием лекаря.

В то время Военно-медицинская академия была известна не только тем, что давала глубокое медицинское образование. Ее задачей было воспитывать врачей, преданных Богу, Родине, профессии. Для студентов существовала специальная инструкция, в которой говорилось о необходимости обязательного посещения церкви, говения Великим постом, исповеди и причащения. В главном здании академии находилась церковь в честь Смоленской иконы Божией

Матери, где, кроме богослужений, проходили все академические торжества и были установлены мемориальные доски с именами студентов и выпускников академии, погибших при исполнении своего врачебного долга во время войн или эпидемий.

В двадцать пять лет Евгений Боткин вступил в брак с Ольгой Владимировной Мануйловой. С января 1890 года работал врачом-ассистентом в Мариинской больнице для бедных. Занимался наукой, в частности, вопросами иммунологии и сущности процесса лейкоцитоза. В 1893 году блестяще защитил докторскую диссертацию, посвятив ее памяти почившего отца, и через два года был командирован за границу для прохождения практики

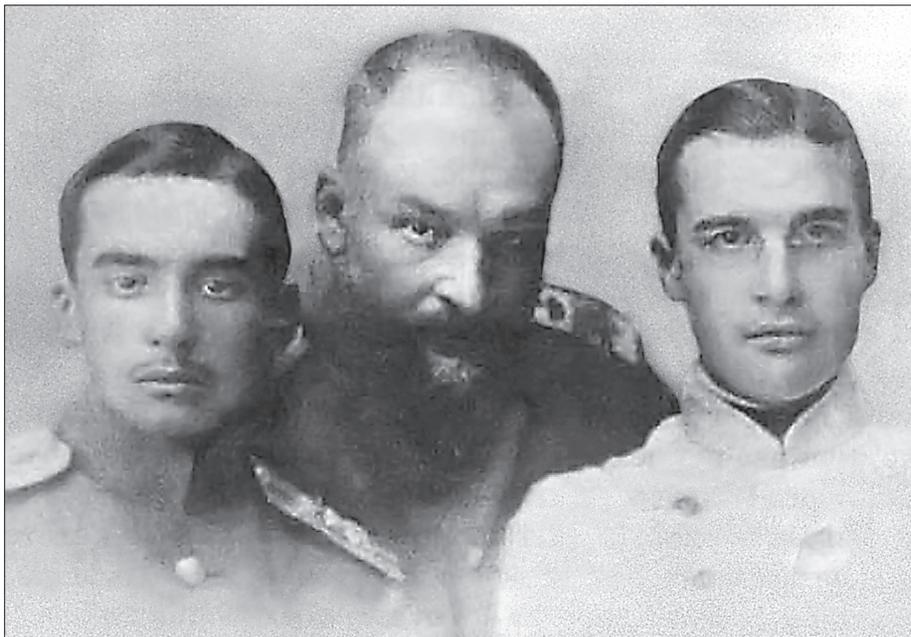

Евгений Сергеевич Боткин

в медицинских учреждениях Гейдельберга и Берлина. В 1897 году удостоен звания приват-доцента по внутренним болезням с клиникой.

На своей первой лекции в Военно-медицинской академии Евгений Сергеевич сказал студентам о самом важном в деятельности врача: «Так не скупитесь же, приучайтесь щедрой рукой давать сочувствие тому, кому оно нужно... Пойдемте все с любовью к больному человеку, чтобы вместе учиться, как быть ему полезными».

Его курс, который сегодня не читает никто, назывался «Больные в больнице» и раскрывал тонкие психологические аспекты состояния человека, попавшего в больницу, и его восприятия своей болезни. Евгений Сергеевич имел христианский взгляд на болезни, видел их связь с душевным состоянием пациента: «Знакомство с душевным миром больного врачу не менее важно, чем представление об анатомических изменениях и нарушении физиологических функций тех или других клеточек его тела... А как часто все физические недуги больного оказываются лишь последствием или проявлением его душевных волнений и мук, которыми так богата наша земная жизнь и которые так плохо поддаются нашим микстурам и порошкам».

Е. С. Боткин со старшими сыновьями Дмитрием и Юрием (справа). Август 1914 года

С 1897 года Евгений Боткин вел врачебную деятельность в общинах сестер милосердия Российского общества Красного Креста, работая врачом в Свято-Троицкой, а затем главным врачом в Санкт-Петербургской общине сестер милосердия в честь святого Георгия, пациенты которой были из беднейших слоев общества, а среди сотрудников царило такое воодушевление и желание помочь людям, что георгиевцев сравнивали с раннехристианской общиной.

С началом Русско-японской войны Евгений Боткин отправился добровольцем на фронт, служил заведующим медчастью Российского общества Красного Креста в Маньчжурской армии и показал себя прекрасным врачом, проявив личные храбрость и мужество, за что удостоился ряда высоких наград. С фронта он написал множество писем, из которых составила книгу «Свет и тени русско-японской войны 1904 – 1905 годов». Она была вскоре опубликована, и императрица Александра Федоровна, прочитав ее, пожелала, чтобы Евгений Сергеевич стал личным доктором Царской Семьи. В пасхальное воскресенье 13 апреля 1908 года император Николай II подписал указ о назначении доктора Боткина лейб-медиком Высочайшего двора. Евгений Сергеевич постоянно находился при императоре, он ночами

не отходил от постели больного царевича, и юный Алексей впоследствии писал ему: «Я Вас люблю всем своим маленьким сердцем».

Боткин был известен своей сдержанностью. Никому из свиты не удалось узнать у него, чем больна государыня и какому лечению следуют царица и наследник. Он был, безусловно, преданный их величествам слуга», – так говорил о Боткине генерал А. А. Мосолов, начальник канцелярии Министерства императорского двора.

В семье было четверо детей: Дмитрий, Юрий, Татьяна и Глеб, и все они пожелали остаться с отцом, когда супруга Евгения Сергеевича покинула семью. Домашнее хозяйство в семье Боткиных легло на плечи его четырнадцатилетней дочери Татьяны.

С началом Первой мировой войны Евгений Боткин обратился к императору с просьбой направить его на фронт для реорганизации санитарной службы. Но император поручил ему оставаться при государыне и детях в Царском Селе, где их стараниями стали открываться лазареты. Один из таких лазаретов Евгений Сергеевич устроил у себя дома.

Старшие сыновья Евгения Боткина ушли добровольцами на фронт. Дмитрий служил в разведывательной роте. Когда ему грозила опасность попасть в плен, он вступил в неравную схватку с противником и был расстрелян. Юрий, находясь на территории Австрии, заболел тяжелой дизентерией. В госпитале ему сделали инъекцию грязным шприцем, и молодой человек погиб бы от сепсиса, если бы в город не вошли наши войска и Евгений Сергеевич не разыскал и не вывел сына. Младший сын Евгения Боткина, Глеб, впоследствии стал талантливым художником.

После февральской революции 1917 года и отречения от престола императора Николая II Царская Семья была арестована и заключена под стражу в Александровском дворце. Евгений Сергеевич добровольно остался со своими царственными пациентами, несмотря на то, что должность его была упразднена и жалованье не выплачивалось. В это время Боткин стал для узников больше, чем другом, взяв на себя обязанность посредника между императорской семьей и комиссарами, чтобы ходатайствовать обо всех нуждах Семьи.

Доктор Боткин добровольно последовал с Царской Семьей в тобольскую ссылку, где продолжал выполнять свои обязанности и лечить не только венценосную Семью, но и простых горожан.

В апреле 1918 года доктор Боткин вызвался сопровождать царскую чету в Екатеринбург, оставив в Тобольске своих родных детей. В Екатеринбурге большевики еще раз предложили слугам покинуть

Последний снимок доктора Боткина с дочерью Татьяной и сыном Глебом. Тобольск, 1918 год

арестованных, но все отказались. В ночь с 16 на 17 июля 1918 года Царская Семья и их приближенные были расстреляны в подвале дома Ипатьева. Известно, что как только Боткин увидел поднятые ружья латышских стрелков, он шагнул и загородил собой императора.

За несколько лет до своей кончины Евгений Сергеевич получил титул потомственного дворянина. Для своего герба он выбрал девиз: «Верю, верностью, трудом». В этих словах сконцентрировались все жизненные идеалы и устремления доктора: глубокое внутреннее благочестие, жертвенное служение ближнему, непоколебимая преданность Царской Семье и верность Богу и Его заповедям во всех обстоятельствах, даже до смерти.

В 1981 году царский лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин был канонизирован Русской Православной Церковью Заграницей. Третьего февраля 2016 года Архиерейским собором Русской Православной Церкви было принято решение о прославлении страстотерпца праведного Евгения врача, а 25 марта того же года на территории московской городской клинической больницы № 57 епископом Орехово-Зуевским Пантелеимоном был освящен первый в России храм в его честь. Память праведного врача Евгения Боткина празднуется 4/17 июля, вместе с царственными страстотерпцами.

ПИСЬМО БРАТУ А. С. БОТКИНУ

г. Екатеринбург, 26 июня (9 июля) 1918 г.

Дорогой мой, добрый друг Саша¹, делаю последнюю попытку писания настоящего письма, – по крайней мере, отсюда, – хотя эта оговорка, по-моему, совершенно излишняя: не думаю, чтобы мне суждено было когда-нибудь откуда-нибудь еще писать, – мое добровольное заключение здесь настолько же временем не ограничено, насколько ограничено мое земное существование. В сущности, я умер, – умер для своих детей, для друзей, для дела... Я умер, но еще не похоронен, или заживо погребен, – как хочешь: последствия почти тождественны², т.к. и то, и другое положение имеет свои отрицательные и свои положительные стороны. Если б я был фактически, так сказать – анатомически, мертв, я бы, по вере своей, знал бы, что делают мои детки, был бы к ним ближе и несомненно полезнее, чем я сейчас. Пока я мертв только граждански, – у детей моих может быть еще надежда, что мы с ними еще свидимся когда-нибудь и в этой жизни, а у меня, кроме того, что мне еще удастся быть им чем-нибудь полезным, но я лично этой надеждой себя не балую, иллюзиями не убаюкиваю и неприкрашенной действительности смотрю прямо в глаза. Пока, однако, я здоров и толст по-прежнему, так что мне даже противно иной раз увидеть случайно себя в зеркало. Утешаю себя только тем, что, раз мне легче было бы быть анатомически мертвым, то, значит, детям моим лучше, что я еще жив, т.к., когда я с ними в разлуке, мне всегда кажется, что, чем мне хуже, тем им лучше. А почему я считаю, что мне было бы легче быть мертвым, – поясню тебе маленькими эпизодами, иллюстрирующими мое душевное состояние. На днях, т.е. третьего дня, когда я спокойно читал Салтыкова-Щедрина, которым зачитываюсь с наслаждением, я вдруг увидел в уменьшенном размере, как будто очень издалека, лицо моего сына Юрия³, но мертвое, в горизонтальном положении, с закрытыми глазами... Последнее письмо от него было от 22-го

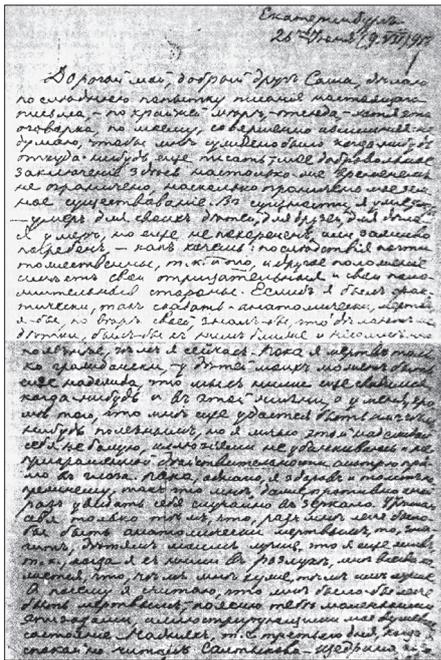
¹ ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1, д. 212, л. 1-4.

Боткин Александр Сергеевич (1866 – 1936) – морской врач, капитан 1-го ранга. Окончил Императорскую Военно-Медицинскую Академию с занесением его имени на мраморную доску. Создал проект подводной лодки. Впервые за всю историю флота был удостоен чести при жизни быть увековеченным в названии корабля.

Брат царского лейб-медика Евгения Сергеевича Боткина, причисленного к лику святых 3 февраля 2016 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви.

² Так у Боткина. Вероятно – тождественны.

³ Боткин Юрий Евгеньевич (1896 – 1941) – второй сын царского лейб-медика Е. С. Боткина, капитан 4-го Стрелкового Императорской фамилии полка. С 1920 года в эмиграции. Скончался в Берлине.

Первый лист письма Е. С. Боткина брату
А. С. Боткину от 26 июля 1918 года. Автограф

марта ст. ст., и с тех пор почтовые сношения с Кавказом, и раньше испытывавшие большие затруднения, вероятно, вовсе приостановились, т.к. ни здесь, ни в Тобольске мы ничего от Юры не получали. Не подумай, что я галлюционирую, подобные видения бывали у меня и раньше, но ты легко себе представишь, каково мне переживать именно **такое**¹ и при настоящих условиях, в общем вполне благоприятных, но при невозможности не только поехать к Юре, но даже что-либо о нем узнать. Затем, вчера еще, за тем же чтением я услышал вдруг какое-то слово, которое прозвучало для меня, как «папуля», притом произнесенное, будто, Танюшиным² голосом, и я чуть не разрыдался. Опять-таки это не галлюцинация, потому что слово

было произнесено, голос **был** похож, и я ни секунды не думал, что это говорит моя дочь, которая должна быть в Тобольске: ее последняя открытка была от 23-го мая – 5-го июня и, конечно, это были бы слезы, чисто эгоистические, о себе, что я не могу слышать и, вероятно, никогда не услышу этот милый мне голосок и эту дорогую мне ласку, которой детишки так избаловали меня. Точно так же ужас и горе, охватывающие меня при описанном мной видении, также чисто эгоистические, т. к. если действительно мой сын умер, то он счастлив, а если жив, то неизвестно, какие испытания ему приходится или еще придется переживать. Ты видишь, дорогой мой, что я духом бодр, несмотря на испытанные страдания, которые я тебе только что описал, и бодр настолько, что приготовился выносить их в течение целых долгих лет... Меня поддерживает убеждение,

¹ Здесь и далее выделено Е. С. Боткиным.

² Боткина Татьяна Евгеньевна (1898 – 1986) – дочь царского лейб-медика Е. С. Боткина. Служила сестрой милосердия в Большом госпитале Екатеринбургского дворца во время Первой мировой войны. Последовала за отцом в изгнание в Тобольск. Не была допущена сопровождать Царскую Семью и отца в Екатеринбург. В Тобольске вышла замуж, в 1919 году переехала во Владивосток, откуда эмигрировала в Сербию, затем во Францию. Воспитывала детей и внуков. Похоронена на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

что «претерпевший до конца, тот и спасется»¹, и сознание, что я остаюсь верным принципам выпуска 1889 года.

Когда мы еще не были выпуском, а только курсом, но уже дружным, исповедовавшим и развивавшим те принципы, с которыми мы вступили в жизнь, мы большею частью не рассматривали их с религиозной точки зрения, да и не знаю, много ли среди нас и было религиозных. Но всякий кодекс принципов есть уже религия, и нам, у кого, вероятно, сознательно, и у кого и бессознательно, – как, в частности, это было у меня, т.к. это была пора не то чтобы форменного атеизма, а полного в этом смысле индифферентизма, – так близко подходит к христианству, что полное обращение наше к нему, или хоть многих из нас, стало совсем естественным переходом. Вообще, если вера без дел мертва есть², то дела без веры могут существовать и, если кому из нас к делам присоединилась и вера, то это лишь по особой к нему милости Божьей. Одним из таких счастливых, путем тяжкого испытания – потери моего первенца, полугодовалого сыночка Сережи, – оказался и я. С тех пор мой кодекс значительно расширился и определился, и в каждом деле я заботился не только о «курсовом», но «Господнем». Это оправдывает и последнее мое решение, когда я не поколебался покинуть своих детей круглыми сиротами, чтобы исполнить свой врачебный долг до конца, как Авраам не поколебался по требованию Бога принести Ему в жертву своего единственного сына. И я твердо верю, что, так же, как Бог спас тогда Исаака, Он спасет теперь и моих детей и Сам будет им Отцом. Но т.к. я не знаю, в чем положит Он их спасение и могу узнать об этом только с того света, то мои эгоистические страдания, которые я тебе описал, от этого, разумеется, по слабости моей человеческой, не теряют своей мучительной остроты.

Но Иов больше терпел, и мой покойный Митя³ мне всегда о нем напоминал, когда боялся, что я, лишившись их, своих деток, могу не выдержать. Нет, видимо, я все могу выдержать, что Господу Богу угодно будет мне ниспослать. В твоём письме, за которое я еще раз горячо благодарю тебя (в первый раз я старался выразить это в нескольких строках на отрывном купоне; надеюсь, что ты вовремя получил его к празднику, а также мою физиономию – к другому?), ты с драгоценным для меня

¹ *И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется* (Мф. 10, 22).

² *Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?* (Иак. 2, 20).

³ Боткин Дмитрий Евгеньевич (1894 – 1914) – старший сын Е. С. Боткина, хорунжий лейб-гвардии Казачьего полка. Погиб в Первую мировую войну в разведке, когда, прикрывая товарищей, уходил от преследования тяжело раненный, отказался сдаваться и был убит.

Дмитрий Боткин в парадной форме
камер-пажа. 1913 год

доверием поинтересовался моей деятельностью в Тобольске. Что же? Положа руку на сердце, могу тебе признаться, что там я всячески старался заботиться о *Господнем*, *како угодити Господу*¹ и, следовательно, по курсовому, «како не посрамити выпуска 1889-го года».

И Бог благословил мои труды, и я до конца своих дней сохраню это светлое воспоминание о своей лебединой песне. Я работал изо всех своих последних сил, которые неожиданно разрослись там, благодаря великому счастью совместной жизни с Танюшей и Глебушкой², благодаря хорошему, бодрящему климату и сравнительной мягкости зимы и благодаря

трогательному отношению ко мне горожан и поселян. Собственно говоря, Тобольск только в центре своем, правда, обширном, представляет собой город, очень, кстати, живописно расположенный, богатый старинными церквями, богоугодными и учебными заведениями, к периферии же он постепенно и незаметно переходит в настоящую деревню. Это обстоятельство наряду с благородной простотой и чувством собственного достоинства сибиряков придает, по-моему, всем отношениям жителей между собой и не приезжим тот характер непосредственности, безыскусственности и доброжелательства, который мы с тобой всегда так ценили и который создает потребную нашим душам атмосферу. К тому же в городе так быстро распространяются всякие вести, что первые же счастливые случаи, в которых Бог помог мне оказаться полезным, вызвали такое доверие ко мне, что желающих получить мой совет росло с каждым днем вплоть до внезапного и неожиданного моего отъезда. Обращались все больше хронические больные, уже лечившиеся и перелечившиеся, иногда, конечно, и совсем безнадежные. Это давало мне возможность

¹ Незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом, и духом (1Кор. 7, 34).

² Боткин Глеб Евгеньевич (1900 – 1969) – младший сын Е. С. Боткина, последовал за отцом в изгнание в Тобольск, не был допущен сопровождать отца в Екатеринбург. В 1920 году, спасаясь от красного террора, уехал в Японию, затем в Америку.

вести им запись, и время мое было расписано за неделю и за две вперед по часам, так как больше шести-семи, в экстренных случаях, восьми больных в день я не в состоянии был навестить: все ведь это были случаи, в которых нужно было очень подробно разобраться и над которыми приходилось очень и очень подумать. К кому только меня не звали, кроме больных по моей специальности?! К сумасшедшим, просили лечить от запоя, возили в тюрьму пользоваться клептомана и с истинной радостью вспоминаю, что этот бедный парень, взятый по моему совету своими родителями (они крестьяне) на поруки, вел себя все остальное время моего пребывания прилично... Я **никому** не отказывал, если только просившие не хотели принять в соображение, что та или другая болезнь совершенно выходит за пределы моих знаний. Я отказывался только идти к только что заболевшим, если, разумеется, не требовалась немедленная помощь, так как, с одной стороны, время мое уже было обещано вперед другим, а, с другой, я не хотел становиться на пути постоянных врачей Тобольска, который очень ими счастлив и в количественном, а главное, в качественном отношении. Все это очень знающие и опытные люди, прекрасные товарищи и настолько отзывчивые, что публика Тобольска привыкла присылать прямо лошадь или извозчика к доктору и тотчас же его получить. Тем более ценно и ее терпение относительно меня, который не в состоянии был исполнять такого рода требования, а, напротив, вынужден бывал заставлять их подолгу ждать. Правда, так как скоро стало известно, что я никому не отказываю и слово свято держу, больные могли ожидать меня со спокойной душой. Если же болезнь не позволяла ждать, то больные или обращались к местным врачам, что меня всегда радовало, или к доктору Деревенко¹, который тоже пользовался большим доверием, или отправлялись в больницу; таким образом случалось, что, приехав в заранее назначенный мною день и час, я уже не заставал болящих, но это только всегда бывало на руку, так как большею частью программу приходилось составлять столь обширную, что я не всегда мог ее выполнить, образовывались иногда долги, которые я выплачивал, когда кого-нибудь не заставал. Принимать в том доме, где я помещался, было неудобно, да и негде, но все же от 3 до 4,5 – 5 я всегда бывал дома для наших солдат, которых исследовал в своей спальне, комнате проходной, но т. к. через нее проходили лишь свои же, то это

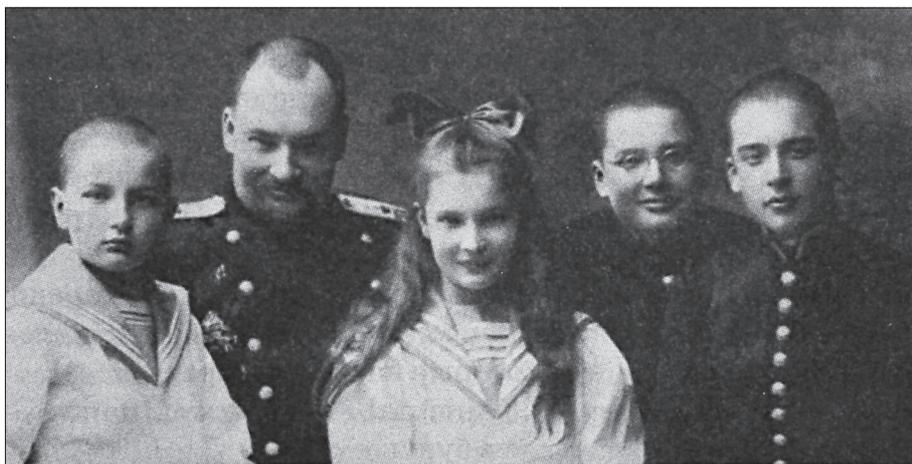
¹ Деревенко Владимир Николаевич (1879 – 1936) – врач, почетный лейб-хирург, с 1912 года состоял при Цесаревиче Алексее, в 1917 – 1918 годах врач Отряда особого назначения в Тобольске. В Екатеринбург прибыл в конце мая 1918 года со второй частью Царской семьи, после убийства которой работал в лазаретах и других лечебных учреждениях. Многократно арестовывался ГПУ – НКВД, был осужден на 5 лет заключения и погиб в тюрьме.

их не стесняло. В эти же часы ко мне приходили мои городские больные – либо для повторения рецепта, либо для записи. Приходилось делать исключение для крестьян, приехавших ко мне из деревни за десятки и даже сотни верст (в Сибири с расстояниями не считаются) и спешившими обратно домой. Их я вынужден бывал исследовать в маленькой комнатке перед ванной, бывшей несколько в стороне, причем диваном мне служил большой сундук. Их доверие меня особенно трогало, и меня радовала их уверенность, которая их никогда не обманывала, что я при- му их с тем же вниманием и лаской, как всякого другого больного, и не только как равного себе, но и в качестве больного, имеющего все пра- ва на все мои заботы и услуги. Кто из них мог переночевать, того я на следующее утро пораньше навещал на постоялом дворе. Они постоянно пытались платить, но т. к. я, следуя нашему старому кодексу, разумеется, никогда с них ничего не брал, то, пока я был занят в избе с больным, они спешили заплатить моему извозчику. Это удивительное внимание, к ко- торому мы в больших городах совершенно не привыкли, бывало иногда в высокой степени уместным, т.к. в иные периоды я бы не в состоянии был и навещать больных вследствие отсутствия денег и быстро возрастающей дороговизны извозчиков. Поэтому в наших обоюдных интере- сах я широко пользовался другим местным обычаем и просил тех, у кого есть, присылать за мной лошадь. Таким образом улицы Тобольска ви- дели меня едущим и в широких архиерейских саях, и на прекрасных купеческих рысаках, но еще чаще потонувшим в сене на самых обык- новенных розвальнях. Столь же разнообразные были и мои друзья, что, может быть, и не всем нравилось, да мне-то до этого никакого не было дела. К чести Тобольска должен, впрочем, оговориться, что прямых ука- заний на это никаких не было, да и косвенных было всего одно, к тому же оно и не бесспорно. Приехал как-то вечером ко мне муж одной из моих пациенток с просьбой безотлагательно навесить ее, т. к. у нее сильные боли (в животе). По счастью, я мог исполнить его желание, правда, за счет другой больной, но которой я не обозначил своего посещения, и по- ехал с ним на дом на извозчике, с которым он ко мне приехал. Дорогой он начинает ворчать на извозчика, что он не туда едет, на что тот ему резонно от...»¹.

¹ Последнее письмо Е. С. Боткина оборвано на полуслове. Оно не было отправлено. Спустя несколько десятилетий после развала коммунизма и падения «железного занавеса» письмо прочел прямой потомок Евгения Сергеевича, его внук Константин Константинович Мельник-Боткин. После этого в России в 2008 году в издательстве «Русский хроно- граф» вышла в свет книга «С Царем и за Царя» под его редакцией. Теперь при участии его дочерей и его самого увидела свет книга Татьяны Боткиной об отце, лейб-медике послед- него Русского Царя.

«АНГЕЛЫ ВЫ МОИ! Я ВСЕГДА С ВАМИ, ГДЕ БЫ Я НИ БЫЛ»

ИЗ ПИСЕМ К ДЕТЯМ

И в этой, и в другой жизни я уже не могу оторваться от вас. Душа, которая так спаялась с Вашими чистыми душами, так привыкла звучать с ними в одном тоне, всегда будет, и освобожденная от земного футляра, звучать в том же тоне и должна в Ваших душах находить отзвук. <...>

Поддерживайте и берегите друг друга, мои золотые, и помните, что каждые трое из Вас должны четвертому заменять меня. Господь с Вами, мои ненаглядные.

Из письма Е. С. Боткина детям от 26 марта 1914 года

29 октября 1912 года

Родной мой, милый, славный Глебушарий, мой золотой абрикосик! Как мне грустно, что ты все прихварываешь!.. Уж ради того, чтобы тебя поправить, надо мне скорее возвращаться, да ничего не поде-лаешь: нашему драгоценному Алексею Николаевичу [Царевичу] я пока еще нужнее. Сейчас он проснулся, к нему пришла Мар. Ив. (сегодня ночью при нем была Ал. Ал. Теглева), и он вынимает из-под подушки

ей подарки по случаю дня ее Ангела! А узнав от меня, что тетя Настя именинница, шепотом стал говорить Марии Николаевне и Анастасии Николаевне, чтобы они меня поздравили...

Душечка мой! Когда тебе очень тяжело, что меня все нет, ты только подумай, что это мы для него должны потерпеть, и сейчас легче станет. Так я все время справляюсь... Посылаю тебе, мое золотце, фотографию 20-концевого оленя, убитого Государем, и кончаю, а то уедет фельдье-герь. Даже перечитать некогда. Простите... Целую Вас, мои ангелы, без конца, безумно, как люблю. Да хранит Вас Господь!

26 марта 1914 года

Ах детки, детки, детки, мои милые, милые, ненаглядные, дорогие, золотые, неоцененные детки! Чем больше живешь с Вами, чем больше переживаешь с Вами и радостей, и забот, и огорчений (но именно с Вами и за Вас, а не из-за Вас), тем больше сживаешься с Вами и тем труднее от Вас отрываться. Вчера, когда я молился за Вас и за нашу драгоценную Царскую Семью, чувствуя Вас еще так близко, так страшно захотелось хоть еще по одному разику Вас крепко, крепко поцеловать – так хотелось, так хотелось, что и сказать не могу. Ангелы Вы мои! Да хранит Вас Бог, да благословит Он Вас и да будет Он всегда с Вами, как и я всегда с Вами, всегда около Вас, где бы я ни был. Чувствуйте это, мои ненаглядные, и не забывайте этого. И это уже навсегда! И в этой, и в другой жизни я уже не могу оторваться от Вас. Душа, которая так спаялась с Вашими чистыми душами, так привыкла звучать с ними в одном тоне, всегда будет, и освобожденная от земного футляра, звучать в том же тоне и должна в Ваших душах находить отзвук. Поддерживайте и берегите друг друга, мои золотые, и помните, что каждые трое из Вас должны четвертому заменять меня. Господь с Вами, мои ненаглядные.

Ливадия, 5 апреля 1914 года

Христос Воскрес!

Мой ненаглядный, мой хороший. Целую еще и еще.

Дорогой мой, ненаглядный, хороший Юрашечка, хочу особо поблагодарить тебя за твой подробный отчет о консультации. Я так и вижу, читая твое интересное письмо, милейшего Велимирского, который не может отделаться от своего давнего недостатка рассуждать с другим врачом о больном при нем же или при его родных. Это все равно, что показывать публике или печатать свой черновик со всеми помарками и летучими заметками. Результат бывает всегда один и тот же – он дискредитирует собственную статью, которую в этом черновике готовил

к печати, и зарождает к себе недоверие. Твой случай совершенно ясен и допускает только два решения: или легкая желчная колика, для которой не хватает более сильных болей, или этот самый дуоденит, который врачи предположили, но для которого желтуха была слишком коротка. И слава Богу! Я очень счастлив, что у тебя все так скоро прошло, и считаю, что теперь ты можешь уже все кушать, перейдя, однако, к всеядению с некоторой постепенностью, а не навалившись сразу на все после своего строгого поста, не ударившись, словом, в объядение. Серьезного ни в том, ни в другом заболевании ничего нет, но ответственность за больного в отсутствие отца, да еще отца – врача, всегда ложится на лечащих эскулапов особым гнетом, почему лица их делаются мрачнее, чем нужно, а сюртуки чернее обыкновенного. Бывает и у меня, конечно, черновая работа, и в душу закрадываются постоянно излишние страхи, но я считаю, что и то и другое должно оставаться в душе врача, что в этом уж его судьба – переваривать все это в себе самом, не делясь своей тяготой с больным и его окружающими и не вовлекая их, неподготовленных, в свою черновую работу. <...>

Долгие службы, благодаря дивному служению о. Александра, простаиваются легко, производят сильное впечатление и надолго создают особое настроение. В четверг мы все приобщались, и я не мог удержать слезы умиления, когда Царь и Царица клали земные поклоны, кланялись нам многогрешным, и вся Царская Семья приобщалась. «Плач Богородицы», прочитанный о. Александром перед Плащаницей, в его передаче поразил меня своей красотой и поэзией, я будто никогда в жизни не слышал его. Похороны Христа здесь меня снова потрясли, как два года назад. Создается настроение, при котором Светлое Христово Воскресение действительно почувствуешь Праздником Праздников.

Сегодня тетя Настя должна Вам привезти от меня граммофон. Лучше ли он или хуже того, которым угощали Вас Георгиевские – я не знаю, скажу только, что когда я выбирал Вам пластинки, я наслаждался, как в концерте. <...> Я убедился, что прелесть или отвратность граммофона зависит не только от его качества (наш безусловно хороший), но еще больше от выбора пластинок. Очень буду рад, если он Вам доставит хоть некоторое удовольствие.

Танюточку ненаглядную благодарю за ее добрые весточки и Глебушку сладчайшего за его подробные ежедневные письма, – очень, очень, очень их благодарю, а Вас всех четырех, моих драгоценных, золотых, любимых, бесконечно целую и люблю.

Господь с Вами!

Весь Ваш папа.

Ливадия, 30 апреля 1914 года

Юрашечка мой ненаглядный, мой дорогой, хороший мой.

Хочется попытаться продолжить тебе свое вчерашнее письмо, но, чтобы не забыть, попрошу тебя, если я этого не сделал, очень, очень, очень поблагодарить от меня добрейшую графиню Александру Илларионовну за то, что она 19-го числа все справлялась о нашем милом Бонзочке и телеграфировала тебе в Лицей. Это ужасно чутко, добро и очень меня тронуло. Она не мало тебе этим помогла (я постоянно вспоминаю об этом). А как сдает экзамены Николай? Еще, чтобы не забыть: поблагодари Глебушку за его длинное, трехдневное письмо. Только что я написал Мимуле, что Глебушка примолк, как получил его письмо; точно так же, только что я стал тревожиться, что Бонзочку морят голодом, как Эльза Хр. написала, что он кушал щучьи котлетки. Нилов бы торжествовал, да и мне эти совпадения очень нравятся.

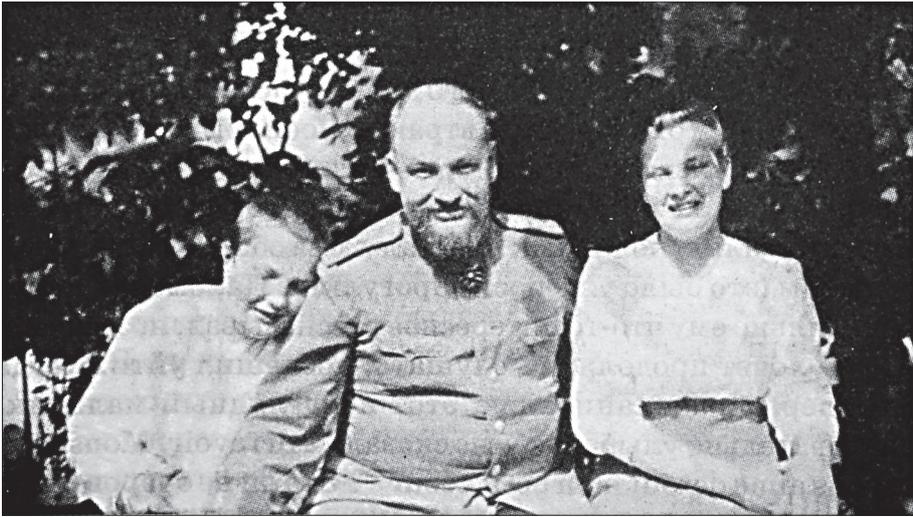
Ну теперь к «развратным» людям. В этом вопросе есть основная несправедливость, уже вкоренившаяся в нас из поколения в поколение; разные мерки к мужчинам и женщинам. Что мы себе прощаем, того не позволяем женщинам. Скажем, например, внебрачная половая жизнь; вот венчаются два хороших человека – она непременно невинна, а он слишком часто, к сожалению, нет, и далеко не всегда считает себя от этого плохим, тогда как не невинную девушку ни за что бы не взял себе в жены. До некоторой степени это понятно и объясняется физиологическим отличием полов; активная, мужская роль может исполняться без малейшего участия души и может поэтому совершенно не загрязнить ее, – женская же, пассивная, без душевной подкладки бывает реже и всегда несколько обидная, в таких условиях прямо оскорбительна. Поэтому не невинный мужчина действительно чище не невинной девушки, за некоторыми, впрочем, исключениями. Продолжение потом, а сейчас целую Вас, моих чистых, ненаглядных, драгоценных, без конца. Да хранит Вас Бог.

Весь Ваш, безконечно Ваш, любящий вас папа

Ливадия, 5 мая 1914 года

Мой милый, хороший, дорогой, золотой Юрашечка.

Спасибо, спасибо тебе, мой драгоценный, за твою любовь и ласку. Ты так понял мое душевное состояние, так проникся им, что глубоко, глубоко тронул меня. Ты действительно сумел приласкать меня своим письмом, я будто ощутил твои поцелуи. Ты прав, ненаглядный мой, разлука с Вами, всегда тяжелая, за время Мимулиной болезни была едва

Е. С. Боткин с младшим сыном Глебом и дочерью Татьяной в Петергофе. 1914 год

выносимой. Не быть с Вами и около нашего драгоценного раненого, не ходить за ним, не помочь ни Вам, ни ему – было пыткой. И сейчас сердце мое болью сжимается при мысли, что мне не суждено, по всей видимости, повидать его до его возвращения к занятиям и отъезда в лагерь. Конечно, это было бы дорогое удовольствие съездить отсюда дня на два в Царское, но я знаю, что Вы бы мне разрешили его. Опять повторяю: «Претерпевший до конца...»¹.

Не скрою от тебя, мое золотце, как я ничего от Вас не скрываю, что инцидент с французским экзаменом меня все-таки огорчил, хотя я искренне радуюсь, что тебя не так это огорчило, ибо тебе нужна бодрость духа до последнего экзамена и вера в свои силы, в возможность выполнить то, что ты себе наметил, т.е. то, что должен. Эта бодрость и эта вера должны поддержать в тебе энергию, необходимую для той напряженной работы, которая требуется в экзаменационное время. <...> Представляю себе, что мы с тобой присели там на низеньком диванчике, и продолжаю беседу о «развратных» и «разнужданных» людях. Надо прежде всего сговориться относительно того, кого называть этим именем. Прошлый раз я успел тебе только указать на основную разницу в оценке тождественных актов, произведенных женщиной или мужчиной. Но и эта оценка бывает совершенно различна у разных людей и даже в разных странах. В практической Америке, например, девицам предоставлена большая свобода действий;

¹ Претерпевший же до конца спасется (Мф. 10, 22).

они могут навещать мужчин, ходить, куда хотят, хоть в рестораны, – и это их не компрометирует. Зато к замужним женщинам относятся очень строго, так что Горькому пришлось уехать оттуда, так как гостицы его не принимали с его невенчанной женой; на это посмотрели как на надругательство над браком. И, разумеется, этот взгляд гораздо правильнее нашего, который во всем стесняет девушку и все позволяет и прощает замужней женщине. В Германии в рабочем классе каждая девушка старается попасть на содержание, по крайней мере, в больших городах, а каждый молодой человек считает своей обязанностью иметь такую. Родители говорят своим дочерям: «Наслаждайся жизнью и любовью, а замуж ты всегда успеешь выйти». И они действительно наслаждаются и любят хорошей, первой любовью, а потом выходят замуж, как на службу, и являются даже желанными невестами, так как успели скопить себе небольшие экономии. Но, разумеется, они «любят» людей обеспеченных, людей общества, а выходят замуж за равных себе. В Японии идут еще дальше; там чем больше у девицы детей, тем более она желанная невеста, ибо семья есть сила, а дети будущие работники (конечно, мальчики предпочитают). А у нас девица с ребенком называется развратной. Конечно, это далеко не всегда так; сколько между ними обманутых, сколько жертв даже не своего, а мужского темперамента! А все-таки редко, что такую не осудят, а замуж никто не возьмет. Рядом с этим мужчина, по деятельности имевший возможность наплодить целый полк, у нас называется молодцом и может быть милейшим человеком. В сущности, и те и другие разнузданы, хотя и те и другие могут быть милейшими людьми. Нам, мужчинам, некоторым оправданием, кроме общепринятого взгляда, являющегося большим соблазном, может еще служить атавизм, т.е. унаследованная от предков ненормально повышенная потребность. Но ведь и девушки могут быть в отца, и им может быть «целомудренность», как пишет моя корреспондентка, «давно вредна». Между тем мужчина, в силу перечисленных причин, может себя безнаказанно лечить, а девушка – нет. Вот почему я и пожалел свою разнузданную психопатку. Чтобы человечество улучшилось в этом отношении, в котором оно ниже животных, пользующихся своими способностями исключительно для продолжения своего рода, как и было предназначено природой, каждый человек должен над собой работать и стараться подчинить свою плоть себе, а не быть у нее в рабстве (как это слишком часто случается), и работа его никогда не пропадет даром; он не только убережет свое тело и свою душу, но и передаст свои завоевания по наследству детям своим. Тем уже работа будет облегчена и, если

они будут ее продолжать, они своим детям передадут еще больше сил над плотью, и так постепенно человечество будет очищаться и совершенствоваться. Не надо забывать, что все, что отвоено у плоти, прилагается духу, и таким путем человек становится выше, духовнее, действительно приближается к образу и подобию Божию.

Вот, мое золотце, какое сегодня Бонзочке будет развлечение, ведь Вы же обмениваетесь письмами, не правда ли, если в них нет личных секретов? Впрочем, нынешнее письмо к тебе не для маленьких пока. Со временем, если ты сохранишь его, а я не сохранюсь, чтобы повторить то же Глебушке, ему будет, может быть, интересно прочесть его.

А пока расцелуй их от меня покрепче, мой золотой, как ты умеешь, и приласкай за меня наших драгоценных маленьких.

Вас же с Бонзочкой целую сам, как только могу, долго, горячо, крепко и нежно, как люблю Вас всех, моих ненаглядных, моих хороших, моих совсем особенных. Да благословит и хранит Вас Бог.

Весь Ваш папа.

Царское Село, 16 ноября 1916 года

Драгоценный мой, ненаглядный, золотой мой Юрашечка.

Сегодня получил твое письмо по поводу моей первой телеграммы об Игнатъеве и лишний раз поразился, до какой степени наши души, т.е. твоя и моя, в некоторых отношениях – по-моему, в огромном большинстве их – сродны, просто даже тождественны. Все то, что ты пишешь о своих ощущениях, соображениях и колебаниях по поводу решения, которое ты принял, весь анализ своих чувств и велений разума – все это, изложенное у тебя так удивительно объективно и ясно, подробно и вместе с тем сжато, – не только совпадает с тем, что я бы, как мне представляется, чувствовал и думал на твоём месте, но совершенно тождественно с тем, что я сейчас переживаю и за себя, и за тебя, мой любимый, драгоценный друг мой. У меня также была мысль, не руководит ли мной в выборе решения соображение о твоей безопасности. Но из того, что я уже писал тебе, ты видишь, что я совсем его отбросил, даже по одному тому, что и предстоящее тебе путешествие считаю далеко не безопасным. И тут и на фронте ты, как, разумеется, и все мы, всецело в руках Божьих, и если Ему угодно сохранить тебя, то Он одинаково чудодейственно выведет тебя и из той, и из другой опасности; и в той, и в другой спасение зависит исключительно от Бога, так как ни в том, ни в другом случае человек сам ничего не может предпринять для своего спасения. Это-то и отличает их от всех, где человек, спасения своего ради, может избежать того или другого, не сде-

Последняя фотография Евгения Сергеевича Боткина со старшими сыновьями. 1914 год

принуждай себя. Знаю, что если Юрочке когда-нибудь некогда будет писать мне, ты будешь писать за него. Ведь правда, дорогая?

Тобольск, 24 декабря 1917 года

Думаю, что этот листик не отяготит письма, а мне хочется в Сочельник написать тебе хоть несколько строк, мой драгоценнейший друг, мой ненаглядный, мой милый, дорогой мальчик. <...>

Сегодня имел душевную беседу с Глебушкой, спросив его, не считает ли он за мной какого преступления, что так ко мне относится, и просил его откровенно мне сказать, в чем он меня обвиняет, т.к., хотя я (...), но все-таки, может быть, в состоянии буду дать ему удовлетворительные объяснения. Он сказал мне, что я ошибаюсь, будто он меня не любит, но что просто у него вид такой от мрачности настроения, которым все страдают. На что я ему заметил, что именно потому, что все одинаково страдают, все стараются друг друга поддерживать, стали добрее и снисходительнее друг к другу. С тех пор Глебушка со мной опять ужасно мил и нежен. Вопрос мой был не дипломатический, а от искренно встревоженной обиженной души, и ответ Глебушки меня вполне успокоил. Спите Вы покойно, мои ненаглядные, драгоценные, да хранит и благословит Вас Бог, а я целую и ласкаю Вас безконечно, как люблю.

Ваш папа.

Целую тебя и люблю, мой ангел-утешитель, целую и люблю.

лать одного, или наоборот сделать другое. Хотя, повторяю, результат всех его мероприятий остается все равно в Божьих руках. <...>

Вчера мама показывала мне письма Нелли и удивилась, что я в первый раз видел ее почерк, что она ни разу не написала мне. Милая моя Нелли¹, не смущайся, если мама что-нибудь тебе напишет об этом, и не принуждай себя писать мне. Ведь Юраша пишет мне и за Вас и от Вас обоих. Я так это чувствую, понимаю и принимаю, а ты береги себя, моя родная, и не

¹ Нелли (Елена) – жена Юрия, второго сына Е. С. Боткина.

Тобольск, 2/15 мая 1918 года

...Со вчерашнего дня погода резко повернула у нас на тепло, кусок неба, видный из моего, еще не замазанного известкой, окна, – ровного серо-голубого цвета, указывающего на безоблачность, но от всех ласк природы нам не много суждено видеть, т.к. нам разрешен лишь один час в день прогулки в один или в два приема...

Екатеринбург, 26 апреля/ 10 мая 1918 года

...Пока мы по-прежнему в нашем временном, как нам было сказано, помещении, о чём я насколько не жалею, как потому, что оно вполне хорошо, так и потому, что в «постоянном» без остальной семьи и их сопровождающих было бы, вероятно, очень пусто, если оно, как надо надеяться, хотя бы тех же размеров, что был дом в Тобольске. Правда, садик здесь очень мал, но пока погода не заставляла особенно об этом жалеть. Впрочем, должен оговориться, что это чисто личное мое мнение, т. к. при нашей общей покорности судьбе и людям, которым она нас вручила, мы даже не задаемся вопросом о том, «что день грядущий нам готовит», ибо знаем, что «довлеет дневи злоба его»... и мечтаем только о том, чтобы эта самодовлеющая злоба дня не была бы действительно зла.

Евгений Сергеевич Боткин

СВЕТ И ТЕНИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904 – 1905 гг.

Из писем к жене доктора Евгения С. Боткина

27 апреля 1904 года

Я нахожусь, наконец, действительно на войне, а не на задворках ее: в трех верстах от лагеря, которым раскинулся летучий наш отряд, находятся самые наши передовые позиции (Фенчулянский перевал). Я сижу на нераскупоренных мешках нашего вьючного отряда; с ящичков слабо светит мне фонарь с красным крестом; слева деловито и спешно жуют голодные лошади, шурша ногами в соломе и время от времени от удовольствия пофыркивая. Справа постепенно вянет и замирает предсонная беседа в палатках. Тьму, окружающую меня, прорезывает догорающий костер и два движущихся фонаря дежурных санитаров, освещающие их колени, ноги, хвосты и морды лошадей. Опустилась тихая, мягкая, теплая ночь, будто оттого, что небо прикрывло землю куполом из темно-синей стали. Небо кажется здесь ближе к земле, чем у нас, и звезды бледнее и мельче. Мы расположились у подножия высокой горы, на берегу совсем мелкой, но быстрой речки, делающей, согласно китайскому обычаю, бесчисленное количество изгибов. На другой стороне речки развернулся дивизионный лазарет, составляющий одно из ближайших к полю сражения медицинских учреждений (ближе только полковые лазареты). Будем работать с ним рука об руку. И он, и мы вышлем в бой еще по небольшому отряду, а здесь, где сейчас стоим, будем перевязывать доставляемых раненых. На ближайших к нам возвышенностях (в одной версте) днем как муравьи чернеют солдатики, укрепляющие позицию. Эти возвышения окружены высокими горами, покрытыми разнообразных оттенков зеленью, среди которой причудливыми букетами брошены белые и розовые цветущие деревья. Вообще, здесь удивительно красиво. Дорога от Ляояна в Лянь-шань-гуань, особенно последний крутой и извилистый перевал – необыкновенно живописны.

Я выехал из Ляояна в 11 часов вечера того дня, когда получилось известие о наших тяжких потерях под Тюренченом. <...>

Печатается в сокращении по: *Вестник Европы*. №№ 1 – 3. 1908.

Е. С. Боткин с сослуживцем на госпитальном дворе в Харбине во время Русско-японской войны 1904 – 1905 годов

В три часа ночи мы пришли в Сяолинцзы (полу-этап), где, найдя какую-то грязную подушку в офицерском отделении, я прямо на канах (это отапливаемые каменные нары) уснул сладким сном, уткнув подушку в угол. Не прошло и трех часов, как я вскочил, разбудил свою команду, осмотрел помещение для нашего лазарета и отправился дальше верхом.

Но было одно наслаждение: чудный воздух, чудные пейзажи, моя милая белая лошадка везет меня покойно по отчаянно каменистой дороге, переноса через бесчисленные изгибы одной и той же горной речки. Ехал я и все вспоминал рассказанную тобой легенду о царе, повелевшем всем своим подданным каждый вечер смотреть на звездное небо. Именно, мир и любовь внушают эти чудные места, а тут люди друг друга вынуждены крошить... <...>

Накануне здесь уже прошла первая партия раненых под Тюренченном (163 человека), перевязанных в Евгениевском госпитале Красного Креста. Я осмотрел этот госпиталь, только еще начавший устраиваться, осмотрел и военный госпиталь, и мы сообща приготовились принять на следующий день 490 раненых. Они пришли, эти несчастные, но ни стонов, ни жалоб, ни ужасов не принесли с собой. Это пришли, в значительной мере пешком, даже раненые в ноги (чтобы только не ехать

Японцы под Ляояном. 18 (31) августа 1904 г.

в двуколке по этим ужасным дорогам), терпеливые русские люди, готовые сейчас опять идти в бой, чтобы отомстить за себя и товарищей.

– Вот, – говорят эти молодцы, – в деревне только прутиком тронуть, и то слезу вышибут, а здесь и молотком ее не добыть.

– В деревне, – говорю, – прутик не болью, а обидой слезу вызывает, а здесь – одна честь.

– Да, да, – поддакивают молодцы, – за Царя, за Отечество.

Другой солдатик идет по двору, накинув белый халат на голову, и распевает:

– «На супротивные даруя»...

– Что поешь?

– Целость Миколая Александровича охраняем! – торжествующе осклабился молодой парнишка.

Трогательные ребята! По счастью, японская пуля пока удивительно мила: мышцы пробивает, кости редко разрушает, пронизывает человека насквозь – и то не причиняет смерти.

3 мая 1904 г. Ляоян

<...> Теперь война чувствуется около нас, как чувствуется смерть в доме безнадежно-больного. Каждая мысль твоя связана с войною, каждое действие твое должно с нею сообразоваться. Я был только что в ла-

гере на передовых позициях, где ждали врага со дня на день, где неделю перед тем отступали наши и провезли тысячу раненых, но там война, где все для нее приспособлено, меньше ощущается, чем здесь, на фоне обычной комфортабельной жизни: ты хочешь отдать белье в стирку, – говорят, прачка (китаец) не берет, значит ожидают скорого приближения японцев; то ты слышишь, что такой-то госпиталь свернулся, то такая-то канцелярия выезжает и т. д.

А как хорошо теперь стало в Георгиевском госпитале: все здания отремонтированы, офицерский флигель вышел отличный, впереди разведен милый садик, в большом саду поставлены шатры, с другой стороны – крытые железом асбестовые переносные бараки, выросшие как грибы; всем раненым, прибывавшим сразу по 150 человек, хватало и места, и белья, всех их, бедненьких, сестры обмывали, врачи перевязывали, и солдатики, накормленные и отогреты, ехали дальше уже в благоустроенном санитарном поезде.

Ляоян, 16-ое мая 1904 года, воскресенье

Я удручаюсь все более и более ходом нашей войны, и не потому только, что мы столько проигрываем и столько теряем, но едва ли не больше потому, что целая масса наших бед есть только результат отсутствия у людей духовности, чувства долга, что мелкие личные расчеты ставятся выше понятия об Отчизне, выше Бога. Мы не имеем в достаточном количестве новейшего образца пушек. Куропаткину не подвозится достаточное число войск. Под Тюренченом мы потеряли батареи и сражение, которое по героизму 11-го и 12-го полков и большинства батарей, костьми легших за свое святое дело, должно бы остаться в истории, как героический подвиг и, может быть, блестящая победа. Взята у нас под Артуром позиция, которая считалась неприступной. Вчера узнали мы об этой потере нашей, и я весь день был сам не свой, да и сегодня я еще не отошел от этого впечатления, и потому, вероятно, и пишу в таком мрачном тоне, – ты уж прости меня. Не знаю, как бы я пережил все эти события в Петербурге, ковыряясь в обыденных мирных делах. Только и спасает хоть некоторая непосредственная прикосновенность к этому великому испытанию, ниспосланному бедной России.

Всю тяжесть потерь наших в смысле гибели людей я испытываю теперь, когда у нас постепенно умирают наиболее тяжело раненые, задержанные нами поэтому здесь. На днях, при моем ночном обходе Георгиевского госпиталя, я нашел одного солдата, Сампсонова, раненого в грудь и оперированного, – вследствие образовавшегося у него нарыва над печенью и гнойного плеврита, – в бреду и в тяжелом состоянии. Он

обнимал санитаря, трогательно за ним ухаживавшего, и стонал. Когда я пощупал его пульс и погладил его руку, он потащил обе мои руки к своим губам и целовал их, воображая, что это его мать. Когда я подошел к нему с другой стороны и заговорил с ним, он стал звать меня тятьей и опять поцеловал мне руку. Я не мог лишиться его этой потребности в ласке к родителям и тоже поцеловал этого безропотного и по этой безропотности высокого душой страдальца за родину... И никто-то, никто из них не жалуется, никто не спрашивает: «За что, за что я страдаю?» – как ропщут люди нашего круга, когда Бог посылает им испытания.

27-ое мая 1904 года

<...> Много делается теперь для наших солдат, но они еще не развернулись во всю родную мощь. Послушав рассказов Г. о русско-турецкой кампании, я как-то успокоился за исход и настоящей, снова укрепив веру в наше воинство. Мы просто еще не разошлись, а разойдемся – так покажем себя снова и добьемся своего. Трудно это будет, мы много потеряем, но восстановим нашу репутацию славных и несокрушимых. Что пока настоящая война в сравнении с русско-турецкой, с переходом через Балканы, когда пушки тащили люди одним колесом по уступу скалы, другим по воздуху над пропастью, когда единицы наших сражались против сотен и тысяч врага, когда люди месяцами не имели крова и зябли в снегах, согреваясь лишь у костров?! Доктор Г. рассказывал про своего товарища, который приехал раз в шинели на голом теле и в солдатских рваных опорках, несмотря на сильный мороз. Оказалось, что он встретил раненого, что перевязать его было нечем, и он разорвал свое белье на бинты и повязку, а в остальное одел его. И так он это делал весело, просто и хорошо. Далеко еще нам, далеко до них...

Дашичао, 15-ое июня 1904 года

<...> Я собирался тоже спускаться, когда ко мне подошел солдатик и сказал, что он ранен. Я перевязал его и хотел приказать нести его на носилках (он был ранен в ногу шрапнельной пулей), но он решительно отказался, заявляя, что носилки могут понадобиться более тяжело раненым. Однако он смутился, как он оставит батарею: он – единственный фельдшер ее, и без него некому будет перевязывать раненых. Это был перст Божий, который и решил мой день.

– Иди спокойно, – сказал я ему, – я останусь за тебя.

Я взял его санитарную сумку и пошел дальше на гору, где, на склоне ее, и сел около носилок. Санитаров не было – они находились в лощинке под горой. Наша батарея уже давно стреляла, и от каждого выстрела

земля, на которой я сидел, покрытая мирными белыми цветочками вроде Edelweiss'a, сотрясалась, а та, на которую падали японские снаряды, буквально, стонала. В первый раз, когда я услышал ее стон, я подумал, что стонет человек; я прислушался, и во втором стоне я уже заподозрил стон земли, на третьем – я в нем убедился.

Это не поэтический, а истинный был стон земли.

Снаряды продолжали свистеть надо мной, разрываясь на клочки, а иные, кроме того, выбрасывая множество пуль, большею частью далеко за нами. Другие падали на соседнюю горку, где стояла 4-ая, почему-то особенно ненавистная японцам, батарея. Они осыпали ее с остервенением, и часто я с ужасом думал, что, когда дым рассеется, я увижу разбитые орудия и всех людей ее убитыми. И этот страх за других, ужас перед разрушительным действием этой подлой шрапнели составлял действительную тяжесть моего сиденья. За себя я не боялся: никогда еще я не ощущал в такой мере силу своей веры. Я был совершенно убежден, что как ни велик риск, которому я подвергался, я не буду убит, если Бог того не пожелает; а если пожелает, – на то Его святая воля... Я не дразнил судьбы, не стоял около орудий, чтобы не мешать стрелявшим и чтобы не делать ненужного, но я сознавал, что нужен, и это сознание делало мне мое положение приятным. Когда сверху раздавался зов: «носилки!», я бежал наверх с фельдшерской сумкой и двумя санитарями, несшими носилки; я бежал, чтобы посмотреть, нет ли такого кровотечения, которое требует моментальной остановки, но перевязку мы делали пониже, у себя на склоне. Почти все ранены были в ноги и все, перевязанные, вернулись к своим орудиям, утверждая, что, лежа, они могут продолжать стрельбу, и что «перед таким поганцем» они не отступят. Люди все лежат в своих окопах около орудий, что их очень выручает, а офицеры сидят, и только мой Сидоренко чаще всех, всей своей стройной фигурой, подымался над батареей.

Я благоговел перед этими доблестными защитниками своей родины и радовался, что подвергаюсь одной с ними опасности. «Почему, – думал я, – я должен быть в лучших условиях, чем они? Ведь и у них у всех есть семьи, для которых смерть их родного будет тяжким горем, а для иных – и разорением». Санитары, разбежавшиеся было по нижним склонам горы, видя меня на их месте, все подобрались ко мне и расположились около носилок, но когда осколком шрапнели и камнями у меня опрокинуло ведро с водой, прорвало носилки и забросило их на одного из санитаров, они окончательно спустились вниз, и только из-под горы поглядывали, цел ли я, после особенно сильных и близких ударов. Между ними был и санитар Кононовича, Рахаев, упрямивший отпустить его со

мною, так как он хотел «совершить подвиг», и казак Семен Гакинаев, сопровождавший меня в поездке в Лянь-шань-гуань и с тех пор считающийся моим казаком. Он не оставлял меня ни на шаг ни 1-го, ни 2-го июня. Гакинаев потом много рассказывал про мою «храбрость», особенно поразившую его потому, что, по его мнению, все врачи должны быть почему-то трусами.

– Сидит, – говорил он про меня, – курит и смеется.

Смеяться, положим, было нечему, но я улыбался им, когда они «петрушками» снизу посматривали на меня.

Один из батарейных санитаров, красивый парень Кимеров, смотрел на меня, смотрел, наконец выполз и сел подле меня. Жаль ли ему стало видеть меня одиноким, совестно ли, что они покинули меня, или мое место ему казалось заколдованным, – уж не знаю. Он оказался, как и вся батарея впрочем, первый раз в бою, и мы повели беседу на тему о воле Божией.

Вскоре, с левой стороны, ко мне подсел другой молодой солдатик, совсем мальчик с виду, Блохин, который спасался то на одном склоне горы, то на другом, и всюду, видимо, чувствовал себя одинаково скверно. Казалось, он хотел прижаться ко мне, как теленок к матке, и причитал после каждой шимозы или шрапнели.

Бой разгорелся жаркий: впереди (на левом нашем фланге) слышался за горой неугомонный треск пулеметов и ружейного огня; японские батареи, с небольшими паузами, осыпали нас своими снарядами. Мы тоже отстреливались: в воздухе слушались голоса: «девяносто-два! девяносто-пять! – направо от деревни!» и т.д. Вдруг из-под горы вылезает один из наших краснокрестных санитаров (10-го летучего отряда), Тимченко, раненый в правое плечо. Мы столпились около него, и я начал его перевязывать. Над нами и около нас так и рвало, – казалось, японцы избрали своей целью наш склон, но во время работы огня не замечаешь.

– Простите меня! – вдруг вскрикнул Кимеров и упал навзничь. Я растегнул его и увидел, что низ живота его пробит, передняя косточка отбита и все кишки вышли наружу. Он быстро стал помирать... Я сидел над ним, беспомощно придерживая марлей кишки, а когда он скончался, закрыл ему глаза, сложил руки и положил удобнее. После этого я спустился вниз доканчивать перевязку Тимченке; оказалось, что к тому времени был ранен легко в ногу уж и бедный мой Блохин. Когда оба были перевязаны и остальные санитары унесли их, я опять вернулся на свое место и остался вдвоем с трупом. К счастью, был уже седьмой час, стало темнеть и, после двух-трех выстрелов от японцев, бой окончился. <...>

Легли мы поздно, и на второй день боя, 2-го июня, встали рано. Нужно было хоть немного заняться ранеными, которых накануне мы уложили на станции, и развернуть там перевязочный пункт.

Тотчас стали привозить новых раненых, и я принялся сажать их в вагоны, простые товарные, так как санитарного поезда не могли подать. Я должен был класть этих несчастных святых раненых в товарные вагоны сперва на солому и циновки, потом просто на циновки, наконец просто на пол и чуть ли не на уголь. А в то же время, на расстоянии 25 – 30 верст, у нас стоял чудно оборудованный поезд!

Устраивая раненых, я зашел с ними к северному семафору версты за полторы и, провозившись с час времени, во втором часу возвращаюсь на станцию. Там все изменилось: суета, спех, беготня; раненые, зараженные общей нервной атмосферой, забывая свои раны, сами залезают в товарные вагоны, боясь, что их оставят.

Что случилось?

В час дня нашим приказано было отступить; теперь грузился последний поезд, – нашему перевязочному пункту велели спешно уложиться и уезжать. Спрашиваю Кононовича про наши летучие отряды: Мантейфель и Родзянко уже здесь, им тоже дано распоряжение уходить.

Я продолжал усаживать раненых, отпуская их уже с одной первичной перевязкой. Одним из последних сел офицер, относительно не тяжело раненый в ногу, но весь в слезах:

– Что они с ними делают, Боже мой, что делают! – говорил он.

Кто первые «они» – не знаю, но под вторыми он подразумевал своих бедных солдатиков...

Наконец, погрузился и наш перевязочный пункт, сели все сестры, студенты, врачи, и последний поезд стал отходить от Вафангоу.

Поезд ушел – и вовремя: за ним полетели шrapнели, но, к счастью, не попадали. Я остался один на опустевшей станции, даже не отдавая отчета себе, что же я один буду делать, но сердце говорило мне, что должно остаться. Я пошел в домик совсем рядом со станцией, в котором мы провели последнюю ночь. В этом домике был у нас небольшой склад, из которого мы выдавали солдатикам и общим чай, сахар, табак, консервы и прочее. Теперь в нем оставался небольшой запас перевязочного материала и 14 колесных носилок. Тогда я понял, что я буду делать. Последний поезд увез всех раненых, которые были доставлены на станцию, но ясное дело, что было много таких, которые до станции еще не добрались, которые придут еще и, найдя станцию пустой, будут в отчаянии. Оставаясь один, я не знал, как я буду помогать этим опоздавшим (о колесных носилках я, кажется, тут

не вспоминал), но я чувствовал, что они будут, и что я обязан остаться для них или с ними. <...>

Солдатик, с которым я в это время возился, тоже волновался, что останется в руках японцев, но я успокоил его обещанием остаться в таком случае с ним. На счастье, он был последний и для него нашлись последние носилки. Мы положили его на них, посадили раненых, которые могли ехать, на наших лошадей, и тоже покинули Вафангоу.

30 июня 1904 года

<...> Не то чтобы кто-нибудь изменил интересам родины, а по-видимому, дальнейшее наступление считалось для нас невыгодным: мы могли быть окружены; или что-нибудь в этом роде.

Во всяком случае, мы фактически наступали, левый фланг наш брал позицию за позицией, японцы отступали и только направо нас теснили, – когда было приказано отступать. Никто не понимал такого распоряжения командира корпуса, солдаты спрашивали: «Да зачем же мы отступаем, ваше благородие?» – и не слушались, – им приходилось трижды повторять приказание. Казалось, если бы наш левый фланг окончательно опрокинул правый – неприятеля, то мог бы ударить в его левый и, тем выручив наш правый, – выиграть сражение. Таковы мысли штатского, – конечно, более трудно выполнимые на деле, чем в письме, особенно если принять во внимание, что вся линия боя была растянута верст на одиннадцать.

Но что ни говори, а отступление есть вещь крайне тяжелая, особенно когда приходится поворачивать спину неприятелю в двух или трехстах шагах от него, и наибольшие потери наши приходятся именно на отступление.

– Из нас бы никто живым не вернулся, – говорят солдатики, – если бы японцы хорошо стреляли.

Из ружей они стреляют плохо, но тоже заваливают свинцом, из орудий – метко, кажется, с помощью сигналов китайцев, которые, говорят, делают им знаки то руками, то ветками деревьев. Кроме того, местность им отлично известна, они знают расстояние до каждой нашей позиции и могут стрелять хоть без прицела. На их сопках стоят столбы с дощечками, на которых нарисованы очертания наших гор и отдельные опознавательные точки, с точным обозначением расстояния, так что им остается только стоять и расстреливать наши батареи.

Продолжаю свою бесконечную повесть о Вафангоу.

Итак, мы шли из Вафангоу с отступающими стрелками, которые двигались под орудийным огнем, как на параде. Мой последний раненый, Шестопалов, был ранен в позвоночник, ноги его были совершенно

парализованы, и он был тяжел, точно весь из свинца: мы с трудом несли его вшестером. Скоро мне подвели откуда-то лошадь, и я поехал, продолжая следить за теми ранеными, которых несли, так как истомленные солдатики несли через силу. Приходилось останавливаться и перевязывать или подбирать раненых. Так, один доплелся до фанзы и оттуда зывал о помощи: он был перевязан, но не мог идти дальше, и боялся, что его забудут в его фанзе. Его посадили на мула, но дальше мне пришлось опять отдать свою лошадь одному раненому в ногу, перетянутую выше раны полотенцем. <...>

Дорога становилась все труднее, местами артиллерия совершенно закупоривала путь, быстро надвигалась темнота. В поисках за проездом я уже в совершенную темноту наткнулся на казаков.

– Я прилеплюсь теперь к вам, – сказал я офицеру в бурке, от которого видел одни очертания, – а то совсем потеряю дорогу.

– Отлично, мы тоже ищем, как проехать, – ответил мне приятный голос, сразу располагающий в человеку. Мы поехали рядом и разговорились.

– Не понимаю, – сказал мой спутник, – почему Красный Крест так рано уезжает с поля битвы, а не убирает раненых? Это – прямая его задача.

– Оттого, – говорю, – что на него все еще смотрят как на обоз, и приказывают ему отступить вместе с ним, но он не весь отступил, и вот вы едете с ним рядом. Меня тоже просили уйти с моего перевязочного пункта, но так как я имел право располагать собой, то и остался.

Я рассказал ему, как было дело, а он – о том, что, испросив разрешение у своего начальства, поехал после отступления с казаками на правый фланг и вывез оттуда оставшихся на позициях 50 раненых.

– И вот, представьте, мне нужна была для них лишняя лошадь, и попалась лошадь капитана генерального штаба (имя рек), я и взял ее, а он потом встретил меня и стал разносить, грозить... Ну, да Бог с ним!

– А как ваша фамилия, – спрашиваю.

– Есаул Матвеевко.

Интересное совпадение и поучительный контраст!

Я расстался с его приятным голосом, говорившим как-то особенно ровно и покойно, в Вандзялине и поехал в темноте искать Красный Крест. Данные мне указания привели меня в военный госпиталь, но я так был утомлен и было так темно и поздно, что я решил тут и переночевать. Меня отпоили чаем, дали закусить консервами солонины (моя первая еда в этот день), и я стал так неудержимо дремать, разговаривая с милыми товарищами, что решил откровенно сесть в угол, и на стуле заснул.

Меня разбудил один военный врач, который свел меня в соседний госпиталь (его – был переполнен), где мне дали носилки и чье-то пальто, и я под открытым небом заснул мертвым сном. Часа через полтора, много два, словом – в четвертом часу утра, чуть брезжило, меня разбудили: пора было укладывать носилки, госпиталю было приказано свернуться и отступать. Добрые сестры, частью знакомые, были уже на ногах и отогрели меня чаем и дружелюбным приемом, и я, когда посветлело, пошел искать свои отряды.

28-го июля 1904 года. Кофенцы

<...> Боя все нет, и я продолжаю писать.

Следовало бы брать пример с солдатиков. Спрашиваю одного раненого в Евангелическом госпитале, которого застал за письмом.

– Что, друг, домой пишешь?

Обыкновенно лицо солдатика при этом засияет.

– Домой, – говорит.

– Что же, описываешь, как тебя ранили (он был ранен легко) и как ты молодцом дрался?

– Никак нет, пишу, что жив и здоров, а то бы старики страховаться стали.

Вот оно – величие и деликатность простой русской души! <...>

5 июля 1904 г. Вафангоу

Я приехал в Ляоян вчера в 5,5 часов дня и прямо прошел в Управление, где обсуждал дела с Михайловым. К ужину собрались врачи и рассказали мне печальную весть, что Коля Власов вчера же утром в 6 часов скончался. Бедняга говорил обо мне с момента ранения, просил свезти его именно туда, где я; приехав к нам в 1-й Георгиевский госпиталь, все время меня спрашивал, – а меня не было. Не говоря уже о грусти, которую причиняет смерть такого прекрасного, благороднейшего человека, мне ужасно тяжело, что я не был при нем. Как я был огорчен, когда сегодня утром уже застал гроб заколоченным! Это – длинный и узкий, немного китайского покроя, гроб, обтянутый китайской малиновой материей с нашитым на крышке крестом из белого атласа. На крышке, на месте, соответствующем голове, лежал уже заметно увядший веночек из живых цветов, вчера положенный одним из товарищей покойного; сестра милосердия украшала гроб цветами из госпитального сада; здесь же, в маленьком деревянном сарае, служащем нам покойницей, я нашел одного молодого офицера, сильно и сердечно удрученного, оказавшегося графом Б. Товарищи понемногу сходились; все, даже наименее знавшие

Власова, успели оценить и полюбить его; нет ни одного человека, – будь то генерал, солдат, офицер, врач или сестра, – который бы иначе отзывался о нем, как с восторгом. И погиб-то он оттого, что был слишком хорош.

30-го июня они с генералом Ренненкампом (который тоже был тогда ранен, лежит у нас и велел себя принести на отпевание Коли) попали в засаду: шли в долине, а сверху, с сопок, их расстреливали японцы. Наши должны были немедленно отступить; сотня Власова прикрывала это отступление. Уже все ушли, он все еще оставался. Солдаты убеждали его поторопиться уйти, – он сказал, что это невозможно, так как он привык уходить последним. В это время он присел на корточки, чтобы посмотреть еще раз в бинокль, – и получил рану в живот. Сперва он не почувствовал боли и думал, что только контужен, не позволил даже себя нести и четыре версты прошел пешком, но потом должен был уступить. Его донесли до реки, и там он плыл до Ляояна на шаланде, уже сильно страдая, в течение трех дней.

В Георгиевский госпиталь он уже поступил с явлениями прободного перитонита и в таком состоянии, что операция была признана невозможной. Он продиктовал телеграммы матери и друзьям. Во всех он говорил, что ранен легко, мать просил не беспокоиться и обещал подробности в письме. Телеграммы эти не были посланы, так как положение его быстро ухудшалось: в 2 часа дня он прибыл, а в 2 часа ночи потерял сознание, вскакивал, не узнавал сестры милосердия, с которой днем еще беседовал, – и в 6 часов утра его не стало.

В надгробном слове священник о. Курлов сказал, что покойный поручил ему передать матери его, что он умирает христианином, с мыслью о ней, которую любил и чтил больше всех в жизни. Он радовался, что успел причаститься, так как знал, что матери это будет приятно. Он все-таки имел надежду, что может поправиться, а по впечатлению сестер он был даже далек от мысли о неизбежности смерти. В день кончины его один из его товарищей, который горько плакал, принес Е. Н. Ивановой сто рублей на похороны и уехал. На похоронах было много офицеров и все искренно опечалены. Мы несли его гроб на полотенцах и веревках, так как он был без ручек, и донесли до самой могилы.

Кофенцы, 26-ое июля 1904 года

Пользуясь дождем и затишьем – наверное перед бурей – я расписался эти дни. В эти междубюевые периоды часто испытываешь малодушное состояние больного, которому предстоит неизбежная операция: может быть, чем раньше она состоится, тем лучше, но он рад всякой оттяжке, – то операционная комната не готова, то доктор прихворнул

и т. д. Так и я: знаю, что бои должны быть и большие, и много их, и может быть, иногда чем скорее, тем лучше, но радуешься невольно, когда они оттягиваются, представляя себе, сколько опять горя и страданий они должны с собой принести.

Но такое настроение, опять-таки, развивается преимущественно в Ляояне. Здесь, в лагере, оно гораздо более боевое, и даже переутомленные офицеры тяготятся натяжкой бездействия. В иных полках настроение даже очень бодрое, так что радостно на них смотреть.

Вообще, солдаты и офицеры в огромном большинстве случаев дерутся великолепно; не всегда удачно бывает, по-видимому, более высокое командование, и вечная беда, что приказ к отступлению приходит и неожиданно, и не всюду одновременно, и часто несоответственно, как будто, положению дела, так что многое из того, что говорил мой знакомый сотник, в сожалении, кажется, справедливо.

Во всяком случае мы еще в недостаточной количественной силе, и трудности, с которыми нашим войскам приходится бороться, громадны. Но русский человек ко всему применяется, и многие полки уже бегают по сопкам не хуже японцев. Большое преимущество нашего врага в том еще, что он через китайцев отлично о нас осведомлен, мы же знаем о нем только то, что сами раздобудем.

Стойкости японских войск и стратегических способностей их военачальников здесь никто не отрицает. Сам Куроки, говорят, даже болен ревматизмом, его носят на носилках, но ему особой подвижности и не нужно: со всеми позициями он соединен телефоном, обо всем происходящем он каждую минуту осведомлен, может немедленно отдать любое распоряжение и таким образом объединяет действие всей своей армии. Кроме того, у японцев отлично организована система сигнализации флагами во время боя. Пользуются они и гелиографом, по ночам рыщут с какими-то огнями по горам. Словом, многому можно нам у них поучиться.

В Восточном отряде, впрочем, очень хорошо: позиции тоже соединены между собой телефонами, настроение в штабе разумное и бодрое, у всех готовность биться до последней капли крови и – что особенно важно – вера в возможность победы. Дай им, Боже, успеха!

Удивительно, как отличается лагерь от лагеря. Здесь лагерь имеет характер боевой, деловой, серьезный, в Кудзяцзы – казовой и эффектный: песни, музыка, воздушный шар. Там я был как раз в очень подавленном состоянии, и эти песни раздражали меня: мне слышалась в них фальшь...

За эту неделю, что я в Восточном отряде, я отдохнул и снова значительно окреп нервами. Я высыпаюсь здесь, несмотря на крайне жесткое ложе (еще я сплю на бурке, которую мне уступает один из моих сожи-

телей, студент летучего отряда, Перримонд, большой молодец, работавший в последнем бою целый день на батарее); еда наша крайне умеренная, и дела я сейчас не имею никакого. Я остался здесь временно, до присылки уполномоченного Восточного отряда вместо князя Ширинского, и, как будто, забыт начальством. Пока я этим только доволен, но сейчас отрезан от Ляояна на неопределенное время: после одного дня дождя река местами уже стала непроходима, и казак, чтобы свезти в штаб донесение, должен был раздеться, положить донесение в фуражку, снять седло с лошади и поплыть рядом с нею. Я же доехал до реки и вернулся назад в свою деревню.

Радуюсь своей задержке еще и потому, что это даст мне, я надеюсь, возможность посмотреть на деле работу летучих отрядов. Жизнь я их уже вижу. Вне дела – это мытарство: без всяких удобств, без настоящего питания, без книг и духовной пищи, жизнь в грязи и отчаянной скуке, когда начинают, как три сестры у Чехова, стонать: «в Москву, в Москву!» Я этого, конечно, не испытываю, так как первые дни все ездил верхом: один день объехал наши позиции с генералом Кашталинским и полковником Орановским (начальником штаба отряда), другой – отыскивал место для первого летучего отряда, третий – устраивал Курляндский отряд, на четвертый – выделял из Курляндского отряда еще меньших размеров летучку для отряда генерала Грекова; на пятый день ездил в Сюлинцзы, в Евгениевский госпиталь, – последние же два дня сижу и пишу, «как поденщик». Так я мог бы выдержать долго, но на завтра китайцы предвещают бой.

<...> При дальнобойности современных ружей и орудий, всем врачам приходится работать под огнем, и, к чести их сказать, они все без исключения, как военные, так и наши, краснокрестные, повсюду ведут себя просто доблестно. Даже офицеры говорят, что в мирное время привыкли относиться к врачам, как к невоенным, а теперь убедились, что они такие же военные, как они сами, и столько же рискуют собой. Забираются наши врачи и на батареи, и один из врачей Евгениевского отряда, доктор С., временно бывший главным врачом одного из летучих отрядов, даже так увлекся, что вместе с офицерами высматривал японцев и просил в них стрелять. Он остался в восторге от действия артиллерии, работа которой, действительно, всеми признается безупречной.

Каждый из наших летучих отрядов заработал себе в частях, при которых действовал, самое лестное имя и самую сердечную благодарность; все свидетельствуют о их самоотверженности. Радостно и трогательно мне было вчера видеть, как сердечно и горячо относились в 12-м полку к уполномоченному Курляндского летучего отряда, барону фон-Хану.

Балтийские немцы, которых на войне здесь оказалось довольно много, вообще повсюду работают прекрасно: и курляндцы, и Евангелический госпиталь, выделивший свой летучий отряд, и профессор Мантейфель со своими учениками, и врачи отряда П. В. Родзянко, тоже из балтийских провинций, наконец, русско-голландского отряда, – все внушают к себе самое искреннее уважение и тем, конечно, что они приехали, и тем, как они себя держат и как работают. Здесь совсем не проявляется у них то, что меня обыкновенно так обижает с их стороны, – это неуважение к русскому человеку, неуважение, которое и было, по-моему, причиной враждования с ними. Здесь, как они сами заявляют, научась уважать русского мужика, а раньше многие из них его, пожалуй, и в глаза не видали.

Не помню уж, писал ли я тебе, что, памятуя свои обязанности заведующего медицинской частью Красного Креста, я, во время боя под Вафангоу, не хотел упорствовать в том, чтобы сидеть за фельдшера. Когда пришел военный фельдшер с другого перевязочного пункта, я спросил его, не может ли он за меня остаться, – он сказал, что должен спросить своего врача. Разумеется, я послал его к врачу, но он больше не возвращался.

1-ое августа 1904 г. Сяолинцзы

Удивительная энергия у этого талантливой человека Н. Н. Исаченко, не могу на все налюбоваться! Если б ты видела, что он, вместе с уполномоченным, графом П. Н. Апраксиным, другими врачами и сестрами создал в Евгениевском госпитале?! Наняв несколько жалких фанз на склоне горы, он часть ее срыл, образовал две террасы, на одной расположил хирургических больных (ближе к перевязочной), на другой – терапевтических, все в шатрах, соединенных между собою брезентами и вытянутых в линию, и свою палатку поставил так, что от нее виден весь госпиталь; по всему участку проложил дорожки и прорыл канавки; установил правильную выносную систему человеческих отбросов; устроил церковь в шатре и образовал хор из сотрудников и выздоравливающих. Больных ведет и относится к ним идеально. Все чрезвычайно милые люди, евгениевцы приобрели и массу личных друзей, благодаря которым они для своего госпиталя, пользующегося во всем Восточном отряде самой блестящей репутацией и любовью, в различные трудные минуты со всех сторон получают необходимую помощь. Только от них я и слышу о нашем движении вперед, о наступлении на японцев, как о чем-то реальном, что будет непременно, и я сам начинаю верить, что оно может наступить, даже скоро.

Рота 19-го Восточно-Сибирского Стрелкового полка со взятыми ею горными японскими орудиями

Теперь их все отзывали отсюда, ввиду нашего отступления, приказывали сниматься, а я все отстаивал, и госпиталь удержался, продолжая приносить свою громадную пользу. Все, без чего можно обойтись, отослано в Ляоян, и все-таки всего еще достаточно.

Пришлось отослать и иконостас, и шатер, в котором так мило была устроена церковь, но служба все-таки продолжается: по канавке, которой был окружен церковный шатер, натыкали сосенок, сделали из них Царские Врата, поставили одну сосенку за алтарем, другую – впереди перед аналоем, приготовленным для молебна; на две последние сосенки повесили по образу – и получилась церковь, которая казалась еще ближе всех других в Богу потому, что стоит непосредственно под Его небесным покровом. Его присутствие чувствовалось в ней больше, чем в какой-либо другой, и так вспоминались слова Христа: *«Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»*¹. Эта всеобщая среди сосен в полутьме создавала такое чудное молитвенное настроение, что нельзя было не подтягивать хору и не уйти в молитву, забыв все житейские мелочи. <...>

¹ Мф. 18, 20.

После службы мы пошли на площадь, где были выстроены именинный 12-й полк и другие, в ожидании начальства и молебна. Приехал начальник Восточного отряда Н. И. Иванов со штабом (из Чинертуни).

– Здравствуй, славный 12-й полк! – раздалось на площади, «покоем»¹ окруженной войсками. Грянул ответ; поздравление продолжалось, мы пошли туда. В это время вдали появился генерал Бильдерлинг, командующий всем восточным флангом. Он со всеми поздоровался, обошел войска и пригласил всех в середину каре к молебну. Перед аналоем стали знамена 11-го и 12-го полков. Я залюбовался знаменщиками, георгиевскими кавалерами, особенно одним из них, высоким белокурым молодцом с двумя «Георгиями». С какой счастливой гордостью держал он это воплощение идеи полка, идеи их единства и верности Царю и Отечеству, с какой нежностью подносил, вернее – опускал его перед священником для окропления святой водой! Совсем как любящая и гордая своимребенком мать подносит его к причастию...

Перед молебном священник 12-го полка, в бою под сильным огнем причащавший умирающих, как, впрочем, и многие другие, сказал несколько простых и сердечных слов на тему о том, что за Богом молитва, а за Царем служба не пропадают. Его громкий голос ясным эхом раздавался над ближайшей горой в направлении к Ляояну, и казалось, что эти звуки из нашего жуткого далека так и будут скакать с горы на гору к нашим родным и близким, в нашу бедную, дорогую отчизну пастыря, для того, чтобы и вы все, родные, услышали их...

После молебна генерал Бильдерлинг провозгласил тост за здоровье Государя, и оркестры двух полков грянули «Боже, Царя храни!». Темпераменты обоих капельмейстеров оказались совершенно разными: один вел торжественным «andante», другой – радостным, ликующим «allegro». После первых же звуков, вместо чудного величественного гимна, послышалась трудно понятная какофония. Так-то, – подумал я, – и наши русские сердца, даже одинаково преданные своему Царю, бьются и звучат совершенно по-разному, и что из этого получается?! А когда в тот же хор влетают еще души, настроенные не на наш гимн, а на «Wacht am Rhein», или марсельезу, или камаринскую?! <...>

3-е сентября 1904 года. Мукден

<...> Пока я ездил, по моей просьбе был развернут один краснокрестный перевязочный пункт и тоже уже был окружен ранеными, да еще какими, – Боже, какими! Сейчас же врачи, сестры, студент Евгени-

¹ Дореволюционное название буквы «п».

евской общины пошли на помощь нашему и военным перевязочным пунктам, и работа продолжалась до глубокой темноты.

Раненых после перевязки прямо сажали в теплушечный поезд, который, к счастью, уже стоял здесь.

Ты знаешь ли, что значит теплушка? Это простой товарный вагон, в котором зимой при перевозке войск ставилась печь. Теперь, кстати сказать, все эти печи, говорят, потеряны. Наступают холода, и теплушки пора называть холодильниками. Если есть время и возможность, теплушки оборудуются: кладется сено или гаолян, на них циновки, в вагоны раздаются кружки, фонари и прочее. Здесь не было этого ничего, не было и свободного медицинского персонала.

Стоял длинный ряд товарных вагонов, набитых ранеными. Иду мимо и слышу, как из темноты раздаются стоны на все голоса. Некоторые взывают из глубины мрака: «пить, пить!» Беру фонарь и влезая в вагон, где стоны и зовы особенно многочисленны. Ступаю с осторожностью, чтобы не задеть пробитые животы, ноги и головы: едва есть место, где поставить ногу.

– Кто хочет пить?

– Я, я, я! – слышу из разных углов.

– Ваше высокородие, около меня покойник.

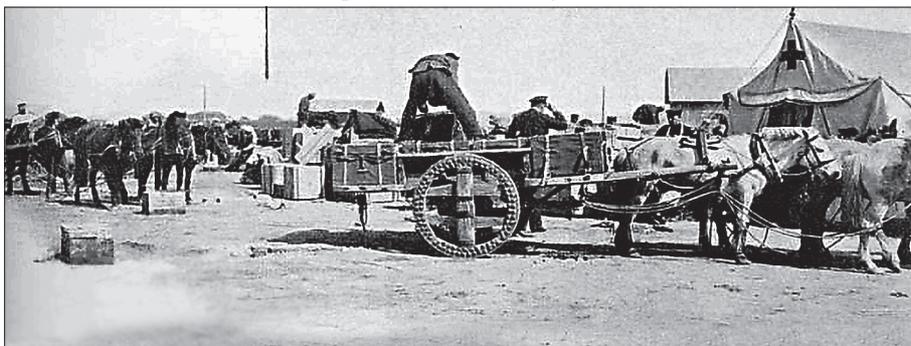
Гляжу, и действительно бок о бок с живым лежит уже успокоившийся страдалец. Иду разыскивать солдат, чтобы вытащить пассажира, который уже доехал до самой близкой станции, – потому что он раньше всех на нее прибыл (вместе с тем – до самой далекой, потому что между ним и нами легла уже вечность) – и до самой важной.

Я вспомнил – не тогда, конечно, а сейчас, когда пишу тебе – переезд зимой через Альпы: ты только что ехал среди снегов и хмурой зимы и вдруг, перешагнув совершенно для тебя незаметно через какую-то неизмеримую высоту, попадаешь в Геную: тебя радостно поражает безоблачное синее небо, яркое солнце льет с него на тебя гостеприимные теплые лучи и среди веселой зелени тебя приветливо встречает ослепительно белая статуя Колумба. Боже мой! Если такой переход из одной рамки в другую заставляет наше сердце биться какой-то восторженной радостью, – какое же блаженство должна испытывать человеческая душа, переходя из своего темного, тесного вагона к Тебе, о, Господи, в Твою неизмеримую, безоблачную, ослепительную высь!

Но тогда я не думал об этом, каюсь. Тогда я видел только этот ужасный вагон, набитый искалеченными людьми, и беспомощный труп, который спускали из него по доске...

Батарея на позиции под Мукденом

Сборы по тревоге летучего лазарета

Солдаты 55-го полка в сражении под Мукденом

Пленные раненые японцы

Отступление русских солдат после сражения под Мукденом

Была темная, воробьиная ночь. Небо было, как трауром, затянуто черными тучами; мрак разрывался только резким протяжным воем снарядов и грубым, дерзким грохотом их разрывов, а справа виднелся одинокий огонек тусклого фонарика, едва освещавшего несколько черных теней, и раздавалось заунывное, жидкое, погребальное пение...

Мукден. 9-ое октября 1904 г.

Да, я устал, я невыразимо устал, но устал только душой. Она, кажется, вся изболела у меня. Капля по капле истекало сердце мое, и скоро у меня его не будет: я буду равнодушно проходить мимо искалеченных, израненных, голодных, иззябших братьев моих, как мимо намозолившего глаза гаояня; буду считать привычным и правильным то, что еще вчера переворачивало всю душу мою. Чувствую, как она постепенно умирает во мне. На днях я уже пережил дни какого-то полного безразличия ко всему, что совершается. – Ах, бьют! – ну и пусть бьют! Бегут, – пускай бегут! Страдают, – ну и пусть страдают! Позор пережит, страдания перенесены, – не все ли теперь безразлично?! <...>

Никогда не забуду я этого путешествия. Около моста, перекинутого через реку Шахэ, нам представилась картина, напомнившая мне Великий Четверг, когда народ расходится после чтения Двенадцати Евангелий со свечами в руках. Мы увидали в глубокой темноте толпу черных людей; у многих из них были огоньки (фонаря). Громкий крик радости раздался из этой толпы при приближении нашего поезда: это раненые, которые в состоянии были ходить, добрались до моста (в более безопасное место) навстречу желанному поезду и приветствовали его прибытие. Но мы разочаровали их, не подобрав никого, так как мы знали, что в Шахэ ожидает нас целая тысяча и более тяжелых раненых, находящихся еще в опасности.

К 12 часам ночи назначено было очистить станцию: к тому времени должен был пройти через нее уже наш арьергард. Там, действительно, мы нашли человек 800 раненых и в полной тьме с фонарями принялись усаживать их. Набили один поезд, остальных уложили в другой, обошли с фонарями всю станцию и площадку около платформы и, убедившись, что остались только здоровые, собрались ехать, так как было уже около часа ночи. <...>

Первого октября, отправив в Мукден, по требованию генерала Трепова, наш Георгиевский отряд, прекрасно начавший работать в Суятуни, в качестве перевязочного пункта, мы с уполномоченным Григорьевым поехали вдоль наших позиций с правого фланга к центру, в штаб командующего. По всей линии шла отчаянная стрельба, почти исключительно

наша и лишь относительно слабая со стороны неприятеля. Стоял сплошной грохот, гул и свист. Стрельба была такая частая, что свист одного снаряда сливался со свистом другого, и в общем сочетании получался непрерывный гул, на фоне которого раздавались резкие удары наших орудий. У меня просто голова разболелась, казалось, именно от этого ужасного шума, сотрясавшего воздух в такой мере, что прутья срезанного гаоляна издавали свист и потревоженный лес недовольно ворчал всей своей листвой. Может быть, однако, причиной головной боли или тяжести была и надвигавшаяся гроза. Тучи все гуще и плотнее заволакивали небо, пока оно не разразилось на нас величественным гневом.

Это был Божий гнев, – но гнев людской от этого не прекратился и, Господи! – какая резкая была между ними разница!

Как ни похож грохот орудий на гром грозы, он показался мелким и ничтожным перед громовыми раскатами: одно казалось грубым, распущенным человеческим переругиванием, другое – благородным гневом величайшей души. Как свободно и легко, будто совершенно самостоятельно вытекает чудный голос из горла Баттистини, так из исполинской груди природы лился грозный рокот оскорбленной людской ненавистью Божественной любви. Как ясно представилось ничтожество только что казавшейся бесконечной линии пушек – перед этими величественными раскатами, охватывавшими все небо... Злыми искрами разгоряченных глаз явились яркие огни стреляющих орудий рядом с ясной молнией, болью раздирающей Божественную душу.

– Стойте, люди! – казалось, говорил Божий гнев, – очнитесь! Тому ли Я учу вас, несчастные! Как дерзаете вы, недостойные, уничтожать то, чего не можете создать?! Остановитесь, безумные!

Но, оглушенные взаимной ненавистью, не слушали Его разъяренные люди и продолжали свое преступное, неумолимое взаимное уничтожение.

И небо заплакало... Полились с него частые, частые крупные слезы, в один миг затопившие землю, и многие из них леденели от великого ужаса перед человеческой озверелостью, крупным градом падая на наши разгоряченные головы. Лошади не могли стоять под болезненными ударами льдинок, которые больно били нас по темени и лицу... В одно мгновение земля вся обратилась в непролазную кашу, дороги полились бурными реками, а реки вздулись так, что в них тонули лошади и люди.

Мы не могли найти командующего и поехали на его главную квартиру, только что отъехавшую верст на шесть назад (из Хуань-Шаня в Санлинзы). По всему пути нашему плелись раненые, на ногах и на носилках, не зная, куда идти, и с трудом пробираясь между отступающими обозами

и орудиями. Когда мы подъехали к броду, которого прежде даже не замечали, то нашли вместо него широкий бурный поток; лошади должны были идти через него вплавь, едва перетаскивая с трудом удерживавшихся на них всадников. Было грязно, свежо и мокро. У брода начала собираться целая группа людей... когда подъехал транспорт раненых. Что было делать этим несчастным и что с ними было делать?! Скажи, разве не может охватить душу холодное отчаяние при сознании беспомощности нашей сделать что-нибудь для тех несчастных, для которых мы приехали?!

Мы поскакали искать проезда у верховьев ничтожной речонки, внезапно обратившейся в бурный поток. Под сильным дождем обогнули мы несколько верст и действительно добрались до одной из трех речек, составляющих одну ту, чрез которую раньше не могли перебраться. Первый исток мы переехали свободно; я уже хотел послать казака, чтобы он вел раненых этой дорогой; но нужно было убедиться, что другие истоки так же легко проходимы. Оно так и оказалось, я невольно вспомнил и о прутьях, из которых каждый так легко ломается, а связанные вместе – они являются неодолимыми. Какой наглядный пример того, что в единении – сила, а люди все не хотят понимать этого и в безумной гордыне своей думают, что каждый из них в отдельности все может, а другие ничего не стоят!

Мы приехали в Санлинзы уже в совершенную темноту; за ранеными посылать было поздно, но на другой день я узнал, что река, к счастью, скоро спала, и они в тот же вечер переехали на другой берег.

Командующего не было дома: эту ночь, чтобы быть ближе к позициям, он остался в Хуань-Шане.

Чансаматун. 27 октября 1904 г.

<...> Помню, наконец, и молебен по случаю наступления! Командующий – снова бодрый, хотя и озабоченный, цвет лица его лучше; солдаты одеты и сыты, выражение лиц их торжественное и решительное, у всех чувство удовлетворения; солнце озаряет все своим живительным блеском и ярко горит на кресте, высоко поднятом в руках священника...

Вначале наступление шло очень успешно, план Куропаткиным был задуман прекрасный, – это все признают, но... Только взятие Путиловской сопки вернуло нам ключ наших позиций и временно закончило наше наступательное движение некоторым успехом.

Дорого обошлось нам это движение: 29.000 ранеными и около 10.000 убитыми! 10.000 могил! А сколько еще умерло потом от ран?!

Умереть – это еще самое легкое. Мне кажется, что художники навязали миру совершенно неверное изображение смерти, в виде страшного

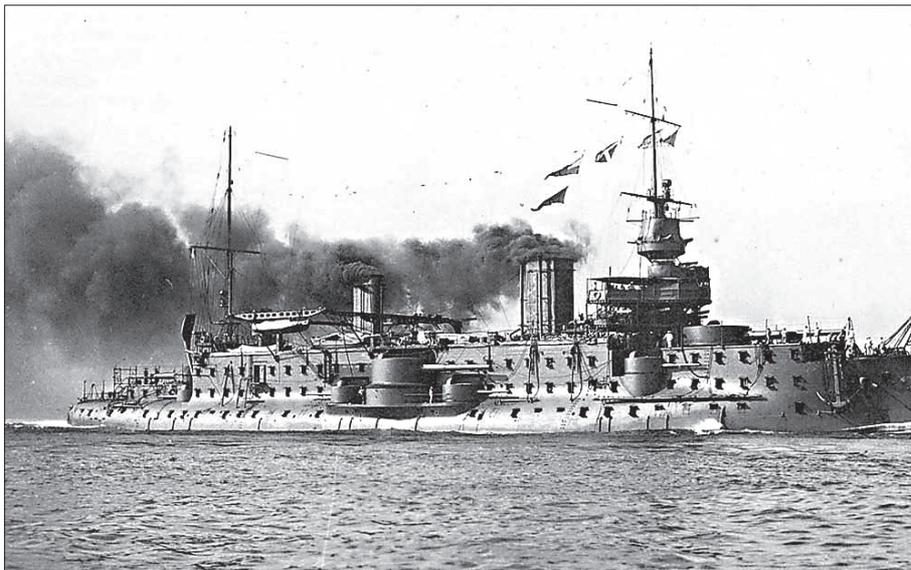
Орудие на позиции у деревни Санчензы

скелета. Мне представляется смерть доброй, любящей женщиной в белом, с материнской нежностью и сверхъестественной силой поднимающей умирающего на руки. Он чувствует в это время необычайную легкость, ему кажется, что он подымается на воздух и испытывает истинное блаженство... Так засыпают маленькие дети на коленях нежной матери... Какое счастье это должно быть!. <...>

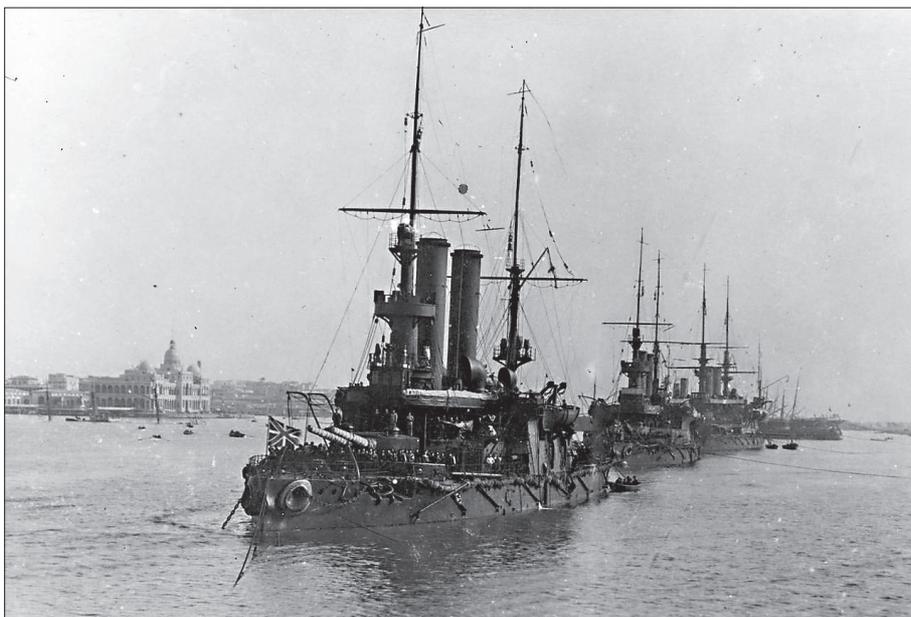
Тавагауза. 12-ое ноября 1904 г.

<...> Кажется, «les vis-a-vis» скоро станут «des amis». По крайней мере, уже теперь, говорят, есть между обеими сторожевыми линиями колодезь, из которого черпаем воду и мы, и японцы. Если обе стороны встречаются у колодезя вооруженными, то стреляют; если же нет, то мирно делятся водой.

Я сам чувствую, как переменялся к японцам. Ехал я с самыми кроваво-жадными чувствами. Первые раненые японцы мне были неприятны, и я должен был заставлять себя подходить к ним так же, как к нашим. Когда я видел одного японца с отнятой рукой в Восточном отряде после нашего отступления от Холангоу, мне казалось, что его большие черные глаза с надменным торжеством и злорадством осматривают окружающую его массу наших страдальцев, и самодовольная душа его радуется нашему

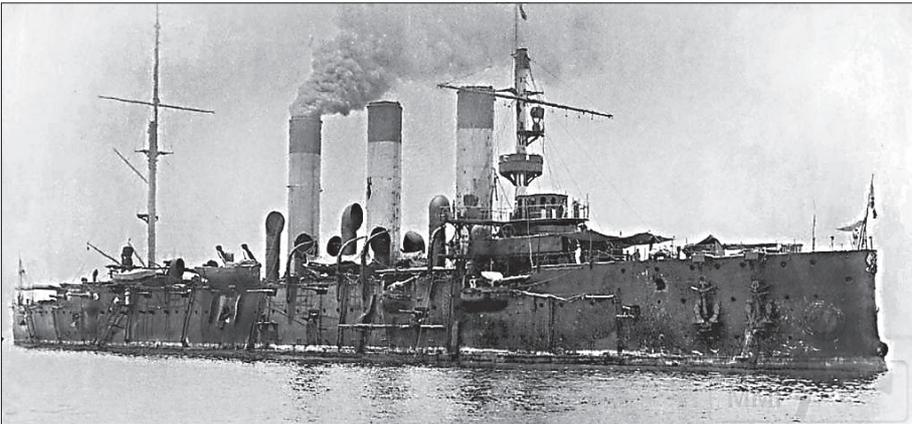
Цусимское сражение

Корабли Отдельного отряда судов флота Тихого океана: «Адмирал Ушаков», «Адмирал Сенявин» и «Генерал-адмирал Апраксин» в Порт-Саиде. 11 марта 1905 года

Бронепалубный крейсер «Варяг». Затоплен командой после сражения

Крейсер «Аврора» после Цусимского сражения

позору и несчастью. Когда В. И. Немирович-Данченко однажды спросил присутствующих: «А кто из вас чувствует неприязнь к японцам?» – я первый заявил, что я. Я объяснял это тем, что каждый наш солдат мне слишком близок, слишком родной, чтобы не чувствовать неприязни к тем, которые ему причиняют боль. Так, если бы какой-нибудь другой мальчик, даже мне симпатичный, обидел моего сына, например, то даже раньше, чем я бы знал, кто из них виноват, он был бы мне неприятен.

С тех пор я много перевидал раненых японцев, видел раз и нераненого. Мы ужинали на большом балконе дома наместника в Мукдене, когда на огонек пришел казак с вопросом, куда отвести ему пленного японца. Привели пленного. Это был небольшого роста, но плотно и хорошо сложенный юноша лет 16-ти, с едва пробивающимися усиками. Он держал в руке свое кепи, его непокрытая голова была немного опущена, и он исподлобья смотрел на нас с великим страхом. Сердце его часто билось, и весь он напоминал птенчика, выпавшего из гнезда и попавшего в большой человеческий кулак. Мне было жаль беднягу.

В Крестовоздвиженском госпитале видел я студента токийского университета, пошедшего на войну добровольцем; мы сделали с ним shake-hands, и он по-английски заявил мне про главного врача госпиталя, д-ра Бутца, что он очень к нему добр. Другого я погладил по голове и нашел, что у него очень мягкие волосы, и рассказал об этом Р.

– Как! – воскликнул он, – ты гладил голову японца?! Теперь я всегда буду здороваться с тобой на левую руку.

Теперь у меня совсем нет дурного чувства к ним, и мне жаль их так же, как и наших.

В Евгениевском госпитале в Гудзядзах лежит раненый японец, страдающий вместе с тем «бери-бери». Когда он слышит это слово, он откликается, как на собственное имя, и, ослабившись, кивает головой.

– Итай, итай, – повторяет он во время перевязки, что значит: больно, больно.

Да, больно, очень больно! Пора кончать это взаимное истребление... Пора кончать и письмо; кругом меня все спят, и ноги начинают застывать.

Челябинск. 20-ое февраля 1905 г.

...В нашем поезде всего четверо военных: два офицера, один прапорщик запаса и один генерал, и как они все, бедные, унылы и угнетены! Какая страшная разница с настроением генерала и офицеров, ехавших со мною год назад! Тогда – бодрость и энергия, теперь – какая-то отчаянная безнадежность! <...>

По счастью, солдаты идут совершенно в другом настроении – молодцами, бодрые, всем довольные, об одном только просят: «нельзя ли газет?» – и расхватывают их с голодной жадностью и искренней благодарностью. Святые, верующие люди! Как же нам-то не верить?!

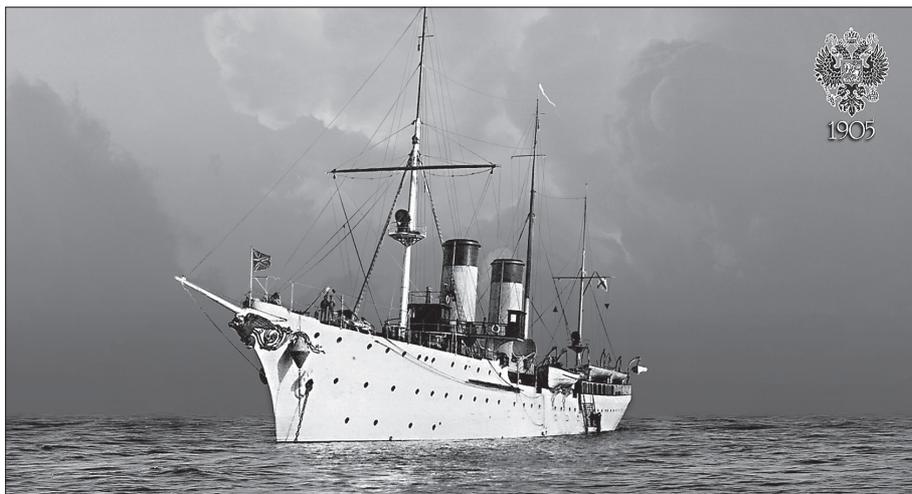
<...> Из Шахэ мы выехали на следующий день, постояли у моста, когда доехали до разъезда, получив сведение, будто сзади нас идут еще раненые, вернулись к мосту и стали ждать.

Совсем мертвыми показались мне станция и ее окрестности: тишина, запустение, – и никого кругом (впрочем, на станции на всякий случай оставался еще один из наших летучих отрядов).

Большую часть дороги я провел в вагоне с здоровыми солдатиками на каких-то кулях и ящиках, которые они везли в Мукден. Вышло это так потому, что один из больных солдат в вагоне, в котором я раньше сидел, внезапно проявил признаки острого умопомешательства и выскочил на ходу из поезда. Так как ход был очень тихий, да еще другой больной успел немного задержать прыжок сумасшедшего, он нисколько не ушибся. Чтобы избавить его от прежних впечатлений, я нарочно посадил его в другой вагон и именно к здоровым солдатам, рассчитывая на их помощь, в случае если б ему снова вздумалось прыгать. Действительно, он и хотел это сделать и сначала был очень возбужден. Из бессвязных речей его удалось понять, что он считает себя большим преступником и, по-видимому, тем, что во время какого-то боя струхнул и куда-то ушел. Он считал, что из-за этого было потеряно все дело, и что он теперь должен умереть. Он стал прощаться с нами, попросил, чтобы я поцеловал его, затем поцеловал другого своего соседа. Я старался приласкать его и расспрашивал про его семью, а он постепенно утихал и, будто отогретый, с успокоившейся наболевшей душой, мирно заснул. После этого он спал всю дорогу, но я не решался оставить его и в ночи сам заснул рядом, среди спящих тел и больших грязных сапог моих спутников. Это была премилая компания, всю дорогу окружавшая меня вниманием и любезностями. Они угостили меня очень вкусным супом, который сами сварили из выданных им порций и который я с большим аппетитом хлебал из одной чашки с одним из солдат. Затем, дали мне чаю и сухарей, причем один из них с милым вниманием посоветовал мне:

– Может быть, Ваше Высокоблагородие, у вас зубов нет, так вы помогите сухари в чае, – чем искренно насмешил меня.

В беседе с ними я забыл, что мы отступаем, что мы оставили Ляоян, даже, что мы на войне, хотя мы все время о ней говорили. Один из солдат, видимо следящий за газетами, все время рассказывал о текущих

Крейсер «Алмаз»

делах и был полон энергии и готовности к наступлению. Он был убежден, что мы завлекаем японцев, чтобы лучше расколотить их. <...>

Чита. 1-ое марта 1905 г.

Цусимский бой. О, этот бой, эта несчастная эскадра!

Было время, что о ней все забыли и перестали ею совсем интересоваться. Идет ли она вперед или назад, – не все ли это было равно: от нее никто ничего не ждал. Но вот, появилась она в японских водах и заставила о себе заговорить. Вдруг сразу все забылось: и слабосильность ее, и малочисленность, и вся безнадежность ее предприятия. Неожиданный успех первой ее задачи – придти – вскружил головы и вызвал у нас ничем, в сущности, необоснованные надежды, а у японцев – страх. О, от чего мы тогда не заключили мира?! После обычных ложных слухов пришла весть о состоявшемся бое, весть, подтверждавшаяся и морским штабом главнокомандующего. Но моряки умели держать секрет, никаких подробностей не передавали и намекали только на то, что потери наши оказались меньше, чем можно было ожидать.

Эскадра наша ожидалась во Владивостоке. Город украсился, приготовлена музыка, население ликует, Красный Крест приехал встречать раненых. Наконец, приходит «Алмаз»! Грянула музыка, летят цветы, раздается «Jubelgeschrei»...

Вдруг – тсс... на «Алмазе» – покойник... А где же другие? Тихо, струйками начинает пробиваться шепотом зловеющий слух... Но нет, вон множество дымков, эскадра идет, вот она уже видна... но... японская!

Зловещий слух, ужасный слух подтвердился. Ряд дней и ряд ночей приносили с собой все новые и новые подробности, над которыми наши моряки не разгибали своих спин, дешифрируя слово за словом, букву за буквой леденящие и разрывающие душу телеграммы, и заливая их горячими слезами по родным товарищам, по своему флоту, по тяжело раненой родине... Я не был во Владивостоке и не дешифровал телеграмм, но знаю все, что пишу, по рассказам очевидцев, и, даже сидя в Гунчжулине, был совершенно убит. У меня спрашивают по-прежнему о том и о другом, я отдаю распоряжения, но с таким чувством, будто я хлопчу для покойника, которому больше ровно ничего не нужно... Надо одеть его в мундир? Ах, да! надо его одеть, но не все ли равно – во что, – мундир, армяк, сюртук, халат, – не все ли это равно?! Его уж нет...

*Евгений Боткин среди сотрудников
медицинского отделения Красного
Креста. 1905 г.*

Каталинза. 18-го августа 1905 г.

<...> Я помню и никогда не забуду, как, в начале мая, ко мне приехал в Гунчжулин старший врач одного из летучих отрядов, Т., большой молодчина, отовсюду всегда уходивший последним, неоднократно бывавший в самых опасных передрягах, но никогда об этом не болтавший направо и налево. Еще совсем молодой человек, он благодаря своей крупной фигуре и большой черной бороде, производил впечатление богатыря, и в черной мягкой шляпе на густых длинных волосах мне всегда представлялся похожим на Вильгельма Телля. И вдруг этот Телль приезжает ко мне и заявляет, что он больше не может, что он должен уехать, потому что устал до последней крайности. Если это говорит Т., то – я понимал – оставалось только помочь ему скорее уехать, хотя бы из одной признательности за его необыкновенную самоотверженную работу. Поэтому я не стал отговаривать его, только спросил, не решаясь настаивать, как это он хочет уезжать почти накануне боя, ожидавшегося числа седьмого.

– Да никакого боя не будет, – спокойно отвечал он.

– Почему же вы так думаете, ведь все ожидают, – возражаю я.

– Но как же он может быть? – говорит Т. – Ведь мы наступать еще не можем, а японцы не станут, потому что убедились, что они нас победить не могут.

Я чуть не вскочил с кресла, чтобы обнять и поцеловать этого молодца за его прекрасный объективный ответ русской души и за твердость и убежденность его тона.

Да, он совершенно прав: несмотря на все неудачи, на целый ряд ошибок отдельных лиц, на все недочеты общей организации, на вопиющие пробелы в предшествовавшей войне, – наша армия все-таки доказала еще раз свою непобедимость. Я горячо возражаю, поэтому, пессимистам, говорящим, что нас били, нас гнали, что им совестно будет вернуться в Россию и нельзя будет там прямо смотреть людям в глаза. Как это несправедливо и обидно за тысячи их товарищей, легших костями около них, за десятки тысяч самоотверженных, темных умом, но светлых душой наших солдатиков, беззаветно и безропотно отдавших жизнь свою за доброе имя этой самой России! Как можно допускать мысль, что она может считать себя вправе бросить камень в свою армию?! Если нас били, то мы каждый раз били вдвое; если мы уходили, то не потому, что нас откуда-нибудь выгоняли, а по тем или другим, может быть, верным, а может быть, и ошибочным теоретическим соображениям.

Нет, с высоко поднятой головой должен вернуться в отчизну русский воин, и родина должна склонить перед ним голову, – голову повинную, что покинула его на далекой чужбине, что предоставила ему одному расхлебывать кашу, а сама, ворча и критикуя, принялась за стирку накопившегося дома грязного белья. Благодарным сердцем и благоговеющей душой должна она полететь ему навстречу и поскорее постараться залечить и успокоить раны его телесные и духовные, нас ради и нашего ради спасения принятые им, и с адским огнем, и с миртовой ветвью... Я благодарю Бога, что Он дал мне самому убедиться во всем, что я говорю, и говорить так, допустив пережить и прочувствовать все это.

Конечно, история не должна быть и не будет пристрастна; она выделит ошибки и скажет, кто в них виноват, и тогда эти ошибки послужат нам на пользу. Мне представляется даже очень благоприятным, что мы не кончили победоносным бравурным аккордом: он покрыл бы все фальшивые ноты, и снова мы, самодовольные, заснули бы на лаврах. Теперь же, сохранив в душе всю боль и остроту от наших ошибок, мы можем и должны исправиться, должны и будем совершенствоваться, – именно потому, что мы сохранили ее. Надо нам работать, много и сильно работать!

«Духовный Собеседник» в 2018 году

Судьба Царя – судьба народа. Публикации к 100-летию трагических событий в России.

Поучения святых отцов о стяжании Духа Святого.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия, праведников, боголюбцев, исповедников российских из архива митрополита Мануила (Лемешевского).

Беседы главного редактора «ДС»:

с заслуженным деятелем искусств России, дирижером Владимиром Федоровичем Коваленко;

с известным грузинским иконописцем Зурабом Модебадзе.

Продолжение публикации трудов российского мыслителя, политолога и публициста Александра Сергеевича Панарина.

1-я стр. обложки: Николай II. Императорский поезд между Царским Селом и Ставкой. 2/15 марта 1917 года.

2-я стр. обложки: Праведный врач, страстотерпец Евгений Боткин. Икона. XXI век.

3-я стр. обложки: Император Николай II с семьёй и Великой княгиней Елизаветой Феодоровной после посещения Солдатенковской (Боткинской) больницы. 1914 год.

Издание зарегистрировано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-7592 от 19.03.2001 г.

Учредитель Самарская Епархия Русской Православной Церкви.

№4(96). Отпечатано в типографии ООО «Экополис», адрес 443034, г. Самара, ул. Енисейская, д. 43.

Подписано в печать 27.06.2018 г.

Тираж 1500 экз. Выходит один раз в два месяца. Возрастное ограничение: 12+.

**ПРИГЛАШАЕМ
ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ
на журнал «Духовный Собеседник»
(144 стр.; 1 раз в 2 месяца)
на 2-ое полугодие 2018 года.**

**Духовный
Собеседник**

- **В любом почтовом отделении России** – наши подписные индексы:
 - 39582 – в объединенном каталоге «Пресса России» (зеленом)
 - П3160 – в электронном каталоге «Подписные издания. Официальный каталог Почта России»
 - 3160 – в официальном каталоге Почты России «Подписные издания».
 - 22202 – в каталоге периодических изданий Республики Крым и г. Севастополя.

Напрямую (через банк или иным способом) перечислив денежные средства (из расчёта **290 рублей** за один экземпляр журнала с учетом доставки до адресата - только на территории России) **в редакцию по следующим реквизитам:**

Получатель: ООО «ИТЦ «Софит»

ИНН 6316126890 / КПП 631601001

р/с 40702810003000022347 в Приволжском филиале ПАО «Промсвязьбанк» г. Самара

БИК 042202803 к/с 30101810700000000803

Назначение платежа: Подписка на журнал «Духовный Собеседник» на 2-ое полугодие 2018 года.

на ___ номеров.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ:

эл.почта: albina063@mail.ru

почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

телефоны: +7(846)334-12-72, 336-84-41.

Наложным платежом, обсудив и оформив заказ по указанным телефонам.

**Духовный
Собеседник**